С. Смирнов

В боях за Будапешт

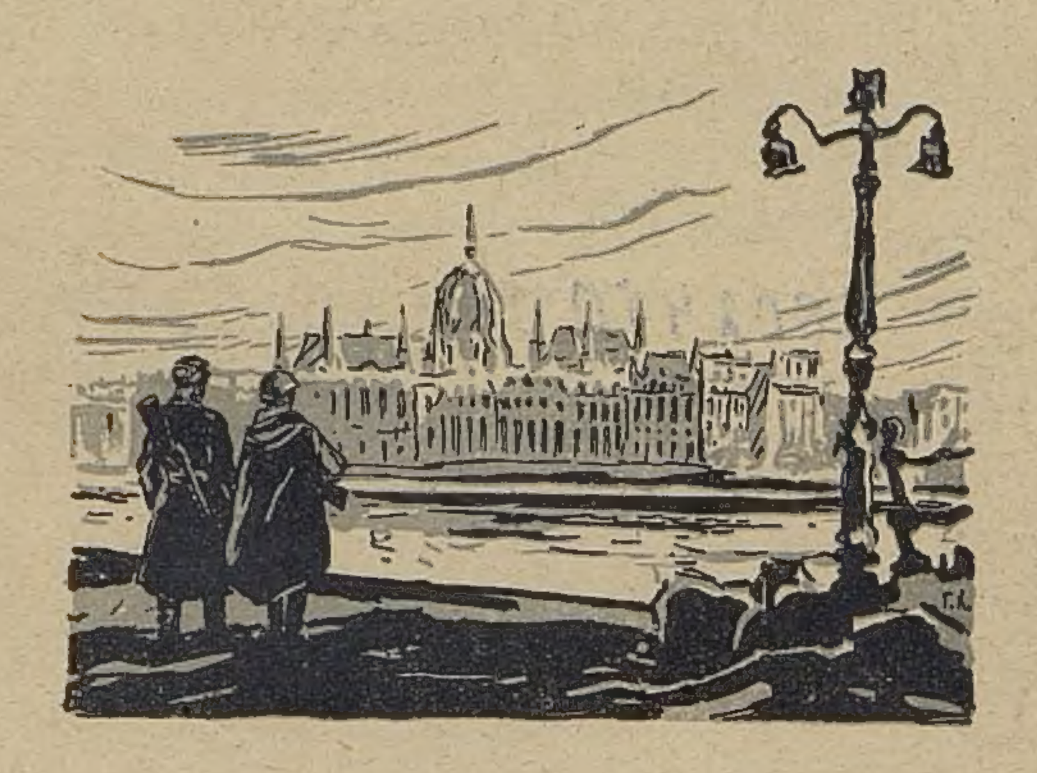

A

С. Смирнов

В боях за Будапешт

Издание второе
переработанное
и дополненное

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СОЮЗА ССР
МОСКВА—1949

ОТ АВТОРА

Этот очерк, предназначенный для широких кругов военных читателей, не претендует на исчерпывающее описание будапештской битвы. Если, прочтя его, читатель получит некоторое представление о ходе битвы, о героизме и высоком боевом мастерстве советских воинов в ожесточеннейшей освободительной борьбе за венгерскую столицу — скромная задача, поставленная автором, будет выполнена.

Имея в виду впоследствии написать более полную книгу о боях за Будапешт, автор обращается к бывшим участникам будапештского сражения с просьбой поделиться своими воспоминаниями, а также присылать замечания на этот очерк по адресу: Москва, Орликов пер., 3, Военное издательство Министерства Вооруженных Сил СССР.

ПАМЯТНИК НАД ДУНАЕМ

Пятого апреля 1947 года, когда молодая народно-демократическая республика Венгрия праздновала вторую годовщину своего освобождения от гитлеровских захватчиков, в венгерской столице Будапеште был торжественно открыт новый величественный памятник.

В центральной части города на правом берегу Дуная, возвышаясь над всей окружающей местностью, поднимается большая каменистая гора. Горою Геллерта зовут ее жители Будапешта.

Далеко, далеко, на добрую сотню километров видна окрестность с вершины этой горы. Необозримой панорамой открывается отсюда зрителю огромный город с многочисленными пригородами, весь так называемый Большой Будапешт, и за ним — зеленое море придунайских полей, садов и виноградников с разбросанными там и сям деревеньками.

Тысячи людей в тот день пришли сюда из всех кварталов столицы, из рабочих предместий, из ближайших сел и деревень. С утра нескончаемым потоком шел народ через дунайские мосты, через крутые извилистые улицы правобережного города — Буды, стекаясь к подножью горы Геллерта.

Взорам собравшихся открылся грандиозный почти сорокаметровый памятник, воздвигнутый на самой вершине горы. Большая колонна увенчана фигурой женщины в широкой свободной одежде. В высоко поднятых руках женщина держит бронзовую пальмовую ветвь — символ мира. А перед колонной, как надежный страж этого завоеванного

мира, стоит монументальная статуя советского воина с автоматом в руках. Сурово и строго лицо солдата и от всей его фигуры веет могучей и спокойной силой — непобедимой силой воина великой армии страны социализма.

У подножья монумента, по обеим сторонам просторной каменной террасы, высеченной в скалистой вершине горы, поставлены еще две скульптуры. Одна из них изображает богатыря, мощным ударом повергающего ниц злого дракона, другая — юношу с факелом в руке, устремленного вперед в неудержимом порыве. Эти статуи — символ великих дел Советской Армии, которая сокрушила злую силу германского фашизма и зажгла светоч свободы для всего трудящегося народа Венгрии.

В торжественном молчании стояла вокруг памятника многотысячная толпа. Люди с волнением читали надпись, высеченную на постаменте памятника на венгерском и русском языках:

«1945 год. Освободителям — советским героям от благодарного венгерского народа».

Здесь на вершине горы состоялся митинг. В горячих прочувствованных речах ораторы говорили о великой освободительной борьбе Советской Армии, поминали добрым словом героев-воинов, отдавших свою жизнь за свободу трудящихся венгров. Как выражение чувств и мыслей всех жителей Будапешта, всего народа демократической Венгрии, с трибуны прозвучали слова:

«Этот памятник построен по воле венгерского народа. Он будет вечно выражать наше чувство благодарности Советской Армии за ту свободу, которую она принесла нам, и то чувство дружбы, которое мы испытываем к народам СССР».

Шумные крики одобрения, громкий плеск аплодисментов раздались в ответ. Перекрывая возрастающий шум, в толпе послышались возгласы:

— Эльен Сталин! (Да здравствует Сталин!)

— Эльен! Эльен Сталин! — загудел народ.

Эти слова, подхваченные тысячами людей, стоящих на улицах и площадях, гремели над городом, повторяясь снова и снова. То была пылкая, идущая из глубины сердца, здравица, которую возглашали освобожденные люди в честь великого вождя советского народа, в честь гениального полководца славной Советской Армии — армии-освободительницы.

Потом, одна за другой, многочисленные делегации в благоговейном молчании складывали к подножью памятника пышные венки — дань благодарности павшим героям. Внизу шумел кипучий, полный жизни город, широко раскинувшийся окрест. Еще зияла израненными домами Буда, но по ту сторону реки — в Пеште уже сгладились следы боев, нескончаемый поток машин и пешеходов катился по улицам, на набережных толпами стоял народ, издали любуясь новым монументом столицы.

А вдали, прямо на юге, куда несет свои воды Дунай и куда устремлен взор бронзового воина, уже дымили трубы восстановленных заводов промышленного района — Чепеля. И оттуда, и дальше — с придунайских полей, за десятки километров от Будапешта виден был памятник.

Когда спустился вечер и в темной воде Дуная отразились переливающиеся огни города, с разных концов Будапешта поднялись ввысь яркие лучи прожекторов. Прорезав ночное небо, эти лучи, как в фокусе, скрестились на вершине горы Геллерта. Теперь освещенные фигуры памятника казались парящими в воздухе. Величественная статуя воина высоко поднималась над венгерской столицей, как бдительный часовой, охраняющий покой этого огромного, шумного города, как воплощение богатырской мощи Советской Армии, благородной защитницы свободы, мира и безопасности народов.

И, глядя на бронзового солдата-богатыря, жители города невольно вспоминали те грозные дни, когда здесь над Дунаем гремело одно из жесточайших сражений второй мировой войны, когда, бесстрашно пробиваясь сквозь неистовый огонь врага и жаркое пламя пожаров, советские воины в стремительном героическом штурме освобождали кварталы и улицы Будапешта.

ФАШИСТЫ В ВЕНГРИИ

На рассвете 20 августа 1944 года по всему южному участку советско-германского фронта загремела артиллерия. От восточных предгорий Карпат до берега Черного моря, на протяжении сотен километров наши пушки обрушили свой огонь на позиции врага.. Началась знаменитая ясско-кишиневская операция Советской Армии.

Непрерывно в течение полутора часов артиллеристы 2-го и 3-го Украинских фронтов крушили вражескую оборону.

Огневой удар довершили эскадрильи советских бомбардировщиков. Затем последовал стремительный рывок танков и пехоты. Фронт противника был широко прорван в нескольких местах. В эти бреши потоком хлынули советские войска и устремились на запад и юго-запад к жизненным центрам Румынии.

Один за другим были освобождены советские города Бендеры, Белгород-Днестровский (Аккерман), Измаил и столица Молдавской ССР Кишинев. На пятый день наступления огромная кишиневская группировка немцев и румын очутилась в плотном кольце. К 3 сентября после упорных боев окруженные войска были ликвидированы.

Советская Армия овладела крупными румынскими центрами — Яссами, Галацем, Браиловым, Фокшанами. В жестоком бою был занят нефтяной город Плоешти. 31 августа советские войска вступили в столицу Румынии — Бухарест.

Две немецкие и две румынские армии в короткий срок были разгромлены и фактически перестали существовать. Важнейшие политические события были следствием сокрушительного ясско-кишиневского удара. Румыния капитули-

ровала и перешла на сторону Объединенных наций. Вслед за тем выступила против немцев Болгария. Гитлеровский блок неудержимо разваливался под ударами советских войск. Месяц спустя сложила оружие и Финляндия.

Только одного европейского союзника Германии удалось силой удержать в своем лагере. Этим союзником была Венгрия. Фашистские правители венгерского государства, опираясь на немецкие штыки, продолжали против воли своего народа вести войну на стороне Гитлера и обрекали страну на бессмысленные бедствия и страдания.

В авантюрных гитлеровских планах завоевания Европы Венгрия с самого начала занимала важное место. Эта страна давно была лакомым куском для фашистской Германии.

Венгрия — одно из крупных государств юго-восточной Европы. Географическое положение делает ее как бы столбовой дорогой, ведущей из центральных европейских стран на Балканы. Через территорию Венгрии пролегают пути в Югославию и Грецию, в Румынию и Болгарию.

Венгрия — страна больших природных богатств. На ее равнинах, омываемых Дунаем и Тиссой, раскинулись обширные плодородные поля, сады, виноградники. Венгерская пшеница славилась в Европе. В земных недрах Венгрии есть запасы нефти, залежи алюминиевых руд — бокситов и марганцевой руды. В стране было много заводов, в том числе и военных. На венгерских промышленных предприятиях перед войной работало больше миллиона рабочих.

Все это гитлеровцы поставили себе на службу. А полумиллионная венгерская армия оказала немецким фашистам существенную помощь в покорении юго-восточной Европы и в войне против СССР.

В лагерь гитлеровской Германии толкали Венгрию ее правители во главе с диктатором — адмиралом Миклош Хорти. Бывший прислужник австрийских императоров Габсбургов, а потом лакей англо-французских империалистов, Хорти за время своей диктатуры заслужил себе славу палача венгерского народа. Много лет он беспощадно душил все свободолюбивые стремления венгров, преследовал малейшие проявления недовольства, гноил в тюрьмах тысячи лучших демократически настроенных людей. А когда на европейской сцене появился Гитлер, Хорти стал верным псом германского фашизма.

Хорти являлся послушным слугой венгерских крупных помещиков и капиталистов, которые уже давно с жадностью

поглядывали на границы соседних государств. Из рук Гитлера они надеялись получить новые земли и мечтали о создании «великой Венгрии». Гитлер умело использовал эти империалистические аппетиты венгерской буржуазии и земельных магнатов. Он не поскупился на подачки и, чтобы скорее привлечь Венгрию на свою сторону, поделился с ней награбленной добычей.

Захватив Чехословакию, Гитлер отдал Венгрии Закарпатскую Украину и южные словацкие области. Он отобрал у Румынии Северную Трансильванию и присоединил ее к венгерской территории. Он заставил войска Хорти принять участие в растерзании Югославии и в награду за это «подарил» венграм часть югославских земель. Зато с каждым годом венгерская политика и венгерское хозяйство все больше подчинялись германскому влиянию.

Через несколько дней после предательского нападения Германии на Советский Союз Венгрия вступила в войну. Уже вскоре половина всей венгерской армии была отправлена на советско-германский фронт. А венгерская экономика окончательно стала простым придатком немецкой военной машины.

Венгерские империалисты, как и главари Германии, рассчитывали на легкую поживу. Но авантюра на востоке принесла неожиданные разочарования. Немецко-фашистские орды получили сокрушительные удары в 1941 году под Москвой, под Ростовом и Тихвином. Планы молниеносной войны провалились. Потом последовал жестокий разгром у Сталинграда. Гитлеровская армия, не выдержав натиска советских войск, стала откатываться назад.

В январе 1943 года под Воронежем, у станции Касторная, Советская Армия наголову разбила 2-ю венгерскую армию гонведов. Около 150 тысяч солдат и офицеров — цвет мадьярского воинства — были уничтожены или взяты в плен. Поражение на фронте эхом отозвалось в стране. Среди венгерского народа поднялся ропот против гибельной политики правительства.

В Венгрии было немало людей, хорошо понимавших, куда приведет страну союз с Германией. Венгерская коммунистическая партия, работавшая в подполье, неустанно разоблачала перед трудящимися предательскую политику Хорти. Даже некоторые буржуазные государственные деятели, видя, что кровавый диктатор тащит Венгрию в пропасть, пытались вести закулисные переговоры с союз-

ными державами. Но немцы наводнили страну своими шпионами. Гестапо не останавливалось даже перед тайными убийствами венгерских министров, стремясь обеспечить верность Германии ее последнего союзника. По требованию Гитлера Хорти поставил во главе правительства ярых сторонников немецких фашистов.

Но когда гитлеровцы стали терпеть поражения на востоке и отступать, этих мер оказалось уже недостаточно. Советская Армия одерживала все новые победы. Наши войска успешно очищали от врага Украину, нанесли немцам удары на севере, на Центральном фронте. По мере того как усиливался натиск нашей армии, росло возмущение венгерского народа гибельной политикой правящих кругов.

Опасаясь, чтобы это возмущение не вылилось в открытые формы, Гитлер решился на крайние меры. В марте 1944 года, когда советские войска вышли на Карпаты, он оккупировал Венгрию. Германские дивизии внезапно вторглись в страну и заняли крупные центры и стратегические пункты. У власти было поставлено правительство Стояи — марионетка в руках своих берлинских хозяев. Венгрия превратилась в передовой опорный бастион обороны Германии, который должен был прикрыть подступы к австрийской территории.

Фронт быстро приближался к границам Венгрии. После ясско-кишиневского удара Советская Армия осенью 1944 года разбила немецко-венгерские дивизии в Северной Трансильвании. В октябре наши войска вступили на венгерскую территорию и с боями вышли к реке Тисса. Следующий удар Советской Армии неизбежно должен был привести к падению венгерской столицы Будапешта и к окончательному разгрому Венгрии.

Гитлер всячески старался подбодрить приунывшего союзника и как можно дольше удержать его в своем лагере. Германская печать восхваляла «верность» последнего сателлита. Немцы обещали прислать крупные подкрепления.

Однако Хорти не приходилось надеяться на обещания своего фашистского хозяина. В это время над самой Германией уже нависла угроза близкого поражения. Почти все приспешники Гитлера были выведены из войны. Советская Армия выгнала немцев из Украины и Белоруссии, освободила большую часть Польши и Прибалтики и подошла к германским границам. В июне 1944 года в Европе, после неоднократных оттяжек, наконец, открылся второй фронт.

Венгрия стояла накануне полной катастрофы. Ее центральные промышленные и сельскохозяйственные районы должны были стать ареной опустошительных сражений. Опасность разрушения грозила ее столице Будапешту. Сбывались пророческие слова одного из героев борьбы за национальную независимость Венгрии, который сто лет назад сказал, что дружба с немцами уготовит венграм могилу.

Единственным спасением для страны была капитуляция. На это и решил пойти обанкротившийся фашистский правитель венгерского государства.

15 октября 1944 года Хорти выступил по радио и заявил, что Венгрия намерена вступить в переговоры с Советским Союзом, Англией и Америкой о заключении перемирия.

Однако такой поворот событий не застал немцев врасплох. Они предвидели, что и последний сателлит может попытаться тоже выйти из войны. Поэтому еще в сентябре германские войска, расположенные в Венгрии, были приведены в боевую готовность. Гитлер решил в крайнем случае силой оружия заставить своего союзника продолжать войну.

Как только Хорти произнес свою речь, из Берлина был дан сигнал к действию. С помощью своих войск немцы инсценировали комедию «государственного переворота». Дивизии СС, расположенные в Будапеште, немедленно заняли все важнейшие здания и пункты венгерской столицы. Хорти отстранили от управления страной и увезли в Германию, а к власти на немецких штыках пришла партия «Скрещенные стрелы» — клика оголтелых фашистов во главе с неким Ференцом Салаши.

Маленькая кучка с большой глоткой — так называли в народе партию «Скрещенные стрелы». Это была банда авантюристов и уголовников, состоявшая на службе у Гитлера. Еще в 1937 году салашисты, подстрекаемые из Берлина, пробовали захватить в свои руки власть, но попытка эта окончилась полным провалом. Поддержки в широких народных массах венгерские гитлеровцы никогда не имели.

Каррикатурный «фюрер» этой фашистской клики Ференц Салаши с 1935 года находился на жалованьи у руководителя гестапо Гиммлера. Бывший майор, уволенный в отставку, он занялся темными делами, побывал в тюрьме и в доме умалишенных. За этим новым «правителем государства» числилось немало грязных преступлений.

С чувством полной обреченности венгерский народ узнал о приходе к власти салашистов. Каждый понимал, что Салаши в угоду немцам пожертвует всеми интересами народа. В эти дни снова зазвучала старинная песня, которую много лет назад сложили венгерские крестьяне, сражаясь против немцев за свою независимость:

Граф немецкий, граф венгерский —
Не один ли чорт!
На потеху банде мерзкой
Наша кровь течет.

Но повсюду стояли немецкие войска, готовые жестоко подавить любую попытку сопротивления. Салашисты под защитой немецких пулеметов безнаказанно хозяйничали в столице и в западных районах страны.

Истерические воззвания и бредовые речи понеслись в эфир с будапештской радиостанции. Салаши объявил, что он намерен продолжать войну на стороне Германии, чего бы это ни стоило. Он провозгласил себя «правителем Венгрии» и составил из своих сообщников «кабинет министров». Стараясь придать этому «правительству» как можно более законный вид, главари салашистов задумали разыграть сцену присяги. И тогда произошло одно любопытное происшествие, о котором впоследствии рассказывали нашим воинам жители Будапешта.

В королевском дворце в Буде хранилась древняя корона святого Стефана, принадлежавшая по преданию первым королям Венгрии. По старой традиции правители страны должны были перед этой короной приносить клятву на верность народу. Такую «присягу» решил принести и Салаши со своими приспешниками.

В белом мраморном зале дворца, где находилась корона, установили микрофоны, и дикторы со всей «торжественностью» принялись описывать происходящую церемонию. И вдруг в то время, когда Салаши напыщенно произносил слова клятвы, тысячи людей, находившихся у репродукторов и радиоприемников, услышали в эфире обличающий голос:

«Венгры, вспомните, как Салаши стоял перед судом!»

Произошло замешательство. «Торжественная церемония» была непоправимо испорчена. Салашисты и гестаповцы долго после этого производили розыски и аресты, но обнаружить неизвестного обличителя не могли.

Сделавшись хозяевами Будапешта, салашисты принялись «обрабатывать» жителей столицы. Посыпались всевозможные «приказы министров» и крикливые «обращения к народу». От населения требовали продовольствия, теплых фуфаек, мехов, денег. Мужчин призывали вступать в вооруженные салашистские отряды.

Но к ярости фашистов эти радио-заклинания не действовали на народ. Приказы Салаши саботировались. Будапештцы не приносили ни теплой одежды, ни денег, а в салашистские отряды почти никто не записывался.

В ответ на саботаж салашисты устраивали кровавые расправы. В Будапеште на проспекте Эржебет, на кладбище Керепеши, на улице Пенсихаз были организованы массовые расстрелы населения. Радиостанция столицы теперь ежедневно оглашала длиннейшие списки лиц, приговоренных к смерти, и угрожала страшными карами всем непокорным жителям.

На помощь Салаши «для наведения порядка» в Будапешт приехал Гиммлер. Спешно демонтировались важнейшие заводы. В Германию потянулись вереницы эшелонов с машинами, сырьем, продовольствием. Гитлеровцы готовились увезти на немецкую каторгу несколько тысяч венгерских рабочих.

А на улицах Будапешта день и ночь работали отряды немецких саперов. Германские инженеры превращали столицу Венгрии в крупнейший опорный пункт гитлеровских войск на рубеже Дуная.

★

БУДАПЕШТ

Там, где полноводный быстрый Дунай, пробившись сквозь каменные теснины и лесистые предгорья Карпат, вырывается на венгерскую равнину, по обоим берегам реки раскинулся обширный многолюдный город. Это — Будапешт, столица Венгрии.

Синяя лента Дуная режет Будапешт надвое. Правый берег поднимается высокой холмистой возвышенностью. Здесь лежит старая часть города — Буда. Дома густо теснились по склонам холмов, и издали Буда казалась беспорядочным нагромождением зданий. Эти здания обычно были старинной постройки, солидные, толстостенные, тяжелой старомодной архитектуры. На самом гребне возвышенности над Дунаем стоял большой громоздкий дворец, окруженный высокой крепостной стеной. Будапештцы называли его королевским замком, хотя в Венгрии уже много лет не существовало короля. Покои этого замка перед войной служили резиденцией венгерского диктатора адмирала Хорти.

Ниже по течению реки, на скалистой вершине горы Геллерта виднелись массивные стены старой крепости. Так же, как в старину, эта цитадель, господствующая над всей окрестностью, и в наши дни представляла собой одно из грозных военных укреплений Будапешта.

Если с горы Геллерта бросить взгляд на левый низменный берег Дуная, увидишь сплошное, уходящее к горизонту море домов. То раскинулся Пешт — молодая и главная часть венгерской столицы. Пешт занимал три четверти всего города, там находился центр всей деловой и культурной жизни Будапешта.

Как королевский замок венчал собой холмистую Буду, так в равнинном Пеште среди массы домов выделяется здание венгерского парламента, стоящее у самого берега Дуная на набережной Рудольфа. Оно будто стремится ввысь пятнадцатью остроконечными готическими шпилями, и отражение его узорного фасада дрожит и рябится на поверхности реки.

От придунайских кварталов улицы либо лучами разбегаются в стороны, либо опоясывают Пешт полукольцами. Лучшей из улиц города считается проспект Андраши. По обеим его сторонам располагались дворцы и виллы будапештских богачей. Прямой, как стрела, проспект Андраши тянется больше чем на два километра, вливаясь в зеленые аллеи тенистого городского парка.

Памятники древности и минеральные воды, которыми известен Будапешт, издавна привлекали толпы иностранных туристов. Сюда, бывало, приезжали провести сезон семьи английской знати, американских промышленных дельцов, немецких помещиков. Богатые зеваки с путеводителями в руках сонно бродили по залам музеев, щелкали «лейками» около дворцов и памятников и со скучающим видом сорили деньгами во всевозможных увеселительных заведениях. Для этих гостей широко раскрывались двери дорогих санаториев, отелей, шикарных магазинов, ресторанов, казино, театров, кабаре. Для них день и ночь играли музыканты на острове Маргитсигет.

Этот остров лежит на Дунае между Будой и Пештом. В обширном его парке, среди каштановых аллей, на широких каменных набережных построены санатории, водолечебницы, рестораны. Здесь проводил время «цвет» будапештского общества. Тут вечерами под гром оркестров бойко работали казино, рулетки, и жены аристократов и богачей соперничали друг с другом в блеске туалетов и драгоценностей. Будапешт, как всякий капиталистический город, умел принять и обласкать тех, у кого в кармане лежал туго набитый бумажник.

Но у этого города было и другое лицо. За игольчатыми шпилями, за куполами дворцов тут и там, как огромные свечи, поднимались закопченные фабричные трубы и ветер тянул по небу серые хвосты дыма. Ниже острова Маргитсигет, на самой южной окраине Будапешта, лежит на Дунае большой остров Чепель, где расположен крупнейший промышленный пригород столицы. Здесь уже был виден не

зеленый парк, не рестораны и кафе, а целый лес фабричных труб. Густое облако дыма в спокойную погоду, не рассеиваясь, стояло над островом.

Будапешт не только город дворцов и памятников, он — город заводов и фабрик. Здесь до войны работало более 900 промышленных предприятий, то-есть две трети всей венгерской индустрии. В самой столице и в ее предместьях находились многочисленные заводы различных акционерных компаний и трестов. Из их цехов выходили самолеты и танки, пароходы и паровозы, вагоны и автомобили, тракторы и станки, дизели и пушки, автоматическое оружие и боеприпасы. Промышленность Будапешта производила паровые машины и электромоторы, рельсы и трубы, качественные стали и ферросплавы, алюминий и автомобильные шины, искусственные удобрения и взрывчатку, нефтепродукты и спички, текстиль и продукты питания. Верфи самого большого в Венгрии судостроительного завода на острове Обудай выпускали речные суда. Громадный городской элеватор вмещал 250 тысяч центнеров зерна. В обширной чепельской гавани день и ночь над палубами пароходов сгибали стальные шеи журавли подъемных кранов. Напряженно работал железнодорожный узел, куда со всех концов страны сходились 12 линий.

Многотысячные армии рабочих трудились на этих заводах, в гаванях, на станциях. Вечерами, когда распахивались заводские ворота, толпы усталых людей на поездах и трамваях возвращались домой. Но редкие из них ехали в центральные кварталы города. Дворцы на набережных, роскошные виллы на проспекте Андраши, шикарные рестораны на острове Маргитсигет были не для рабочего люда. Жилища трудящейся бедноты находились в мрачных кварталах пригородов и окраин — в Уйпеште, Кишпеште, Ракошпалоте, Будафоке, Будакаласе, в дальних улицах Пешта и Буды. Тут люди ютились в жалких грязных лачугах, в переполненных домах, в сырых подвалах, среди трущоб, где узкие темные дворы увешаны застиранным бельем и воздух пропитан зловонием помойных ям.

В прошлом веке Керези, директор будапештского статистического бюро, опубликовал в газетах красноречивые цифры. Данные показывали, что среди трудящегося населения венгерской столицы наблюдалась небывалая смертность. Причиной ее были антисанитарные условия жизни рабочих. Кампания, поднятая тогда демократической пе-

чатью вокруг статьи Керези, заставила правительство принять кое-какие меры. Но и после этого многие тысячи будапештцев жили в подвалах или в тесных неблагоустроенных квартирах, тогда как семьи богачей занимали многоэтажные особняки. Год от года вместе с белыми виллами на проспекте Андраши росли кладбища на рабочих окраинах.

Таков был Будапешт, город дворцов и заводов, город роскоши и нищеты — обычный капиталистический город Западной Европы.

Будапешт имеет многовековую историю. Еще в древние времена на высоком берегу Дуная, там, где теперь теснятся на холмах здания Буды, римляне построили свою крепость Аквинкум. Место было выбрано удачно: оно находилось на скрещении торговых путей, на главной судоходной реке Европы. Вскоре вокруг крепости вырос город, который впоследствии стал столицей венгерского королевства. Он назывался тогда по-славянски Вышеградом и только сотни лет спустя получил имя Буды.

Постепенно с правобережных холмов поселение распространилось и на левый равнинный берег Дуная. Так возник Пешт. Сначала дома в этой части города строились у самого берега, поближе к реке. Но весной Дунай нередко разливался и затоплял прибрежную низменность. Угроза наводнения заставила людей отходить дальше от реки, и город стал расширяться в сторону от Дуная.

Четыреста лет назад Пешт и Буда были завоеваны турками. Турецкое владычество продолжалось почти полтораста лет. Потом страна подпала под власть немцев. На протяжении двух веков венгерский народ упорно боролся против немецкого ига. Только в 1867 году Венгрия добилась автономии, хотя и вынуждена была остаться в составе австрийской империи.

Через пять лет после этого Буда и Пешт объединились и стали называться Будапештом. С этого времени начался особенно быстрый рост города. Будапешт постепенно расширялся и перестраивался. А после первой мировой войны, когда Венгрия отделилась от Австрии, Будапешт стал крупным промышленным центром и еще дальше раздвинул свои пределы.

Значение Будапешта как важного стратегического пункта, как экономического и политического европейского центра очень велико. Этот город — сердце Венгрии, одного из значительных государств юго-восточной Европы. На

густо застроенной территории Будапешта с его предместьями жило перед войной около полутора миллионов человек, т. е. шестая часть всего населения страны. Многочисленные заводы и фабрики, гавани и товарные станции делали венгерскую столицу крупнейшим промышленным и торговым центром. Двадцать шесть железных и шоссейных дорог сходились со всех концов Венгрии к Будапешту. Через него пролегали пути, ведущие из Центральной Европы в балканские страны и к берегам Черного моря. Шоссе связывало Будапешт с Веной, столицей Австрии.

Превратить Будапешт в укрепленный город, сделать его ареной жестоких боев — значило подвергнуть разрушению его исторические памятники и культурные ценности, обречь полуторамиллионное население столицы на тяжелые жертвы и страдания. Но гитлеровцы и их салашистские холопы не дорожили ничем.

Осенью 1944 года в Будапеште спешно возводились укрепления. Окраины столицы одевались рядами колючей проволоки, опоясывались минными полями. Каждый дом превращался в крепость, каждая улица — в укрепленный район. В парке Варошлигет, в аллеях острова Маргитсигет рубили деревья. Рыли окопы среди могил кладбища Керепеши. На улицах строили баррикады, копали противотанковые рвы. «Защищать Будапешт так, как русские защищали Сталинград»,— вопил Салаши. Он заявлял, что советским войскам никогда не удастся преодолеть оборонительные линии Будапешта.

Но уже гремели пушки на полях Венгрии между Тиссой и Дунаем. Советская Армия нанесла врагу очередной удар. Наши танки и кавалерия, ведя за собой пехоту, неудержимо пробивали путь к Будапешту.

ДЕВЯТЫЙ УДАР

Хмурое октябрьское небо низко нависло над горизонтом. Часто шли тягучие осенние дожди. Вязкая грязь стояла на проселочных дорогах. Становились тяжелыми вымокшие солдатские шинели, под ногами неприятно хлюпала вода, и холодный ветер зло швырял в лица людей дождевую пыль.

В эти дни войска 2-го Украинского фронта под командованием маршала Советского Союза Малиновского в нескольких местах перешли румыно-венгерскую границу и вступили на территорию Венгрии. Однообразная равнина без конца и края тянулась на запад. После оживленных румынских городков, после живописных гор Трансильвании эта местность казалась скучной и унылой. Но с военной точки зрения она была выигрышной, и это сразу оценили наши солдаты.

— Вторая заграница пошла,— с довольным видом говорили ветераны ясского прорыва.— Что ж, в такой степи не только танкам, а и казачка́м нашим будет где развернуться.

В самом деле, по скошенным полям в обгон пехоте, сердито ревя моторами и вздымая гусеницами черные фонтаны жирной земли, шли «тридцатьчетверки». Вытянувшись длинными лентами по узким дорогам, вслед за танками скакали конные эскадроны генерала Плиева. Грязь звучно чавкала под копытами коней, всадники ритмично качались в седлах, и осенний ветер трепал под лакированными козырьками ярких фуражек лихие казацкие чубы. Расступаясь по обочинам дороги, пехотинцы долгим взглядом провожали удальцов и весело перемигивались.

Маршал Советского Союза
Р. Я. МАЛИНОВСКИЙ

— Эх, будет дело!

Танки и конница действовали внезапными налетами, совершали неожиданные обходные маневры. То тут, то там фронт врага оказывался разорванным, и радио ежедневно сообщало о падении новых опорных пунктов противника. Советские войска стремительно продвигались в глубь страны: на северо-запад к крупному промышленному городу Дебрецену, на запад — к берегам Тиссы.

На географической карте Венгрии резко выделяются две длинные голубые линии рек. Одна из них — широкая и плавная линия Дуная. Другая — более тонкая, причудливо извилистая. Это — Тисса, вторая венгерская река.

Дунай спускается в Венгрию со стороны Австрии, от предгорий Альп. На севере страны он течет почти строго к востоку. Но километрах в сорока севернее Будапешта, близ города Вац, река круто поворачивает вправо. От этого места, пересекая всю Венгрию до самой югославской границы, Дунай направляется прямо на юг.

Тисса бежит с Карпат, с северо-востока. Сначала она течет к западу, словно стремясь навстречу Дунаю. Но мало-помалу направление ее меняется и Тисса, выписывая замысловатые петли, поворачивает к югу. Обе реки текут почти параллельно, разделенные между собой стокилометровым междуречьем.

Это междуречье — большая равнина, край плодородных почв. Среди обширных степных просторов, среди нарезанных лоскутками кукурузных и пшеничных полей теряются мелкие деревушки и хуторки. Здесь и там по равнине разбросаны помещичьи усадьбы или, как зовут их венгры, «господские дворы». В центре каждого такого господского двора стоит каменный дом помещика или его управляющего. А вокруг размещаются халупы батраков, амбары, скотные дворы, конюшни, птичники. И поля близ господских дворов уже не пестрят полосками, а лежат большим сплошным массивом.

Здесь, в междуречье Тиссы и Дуная, находится несколько крупных промышленных городов страны. Четыре прямых асфальтовых шоссе пересекают равнину и лучеобразно сходятся к Будапешту. Туда же, к столице, сбегаются линии железных дорог.

Междуречье — подступы к Будапешту. На полях и дорогах между Тиссой и Дунаем должна была решаться судьба венгерской столицы. Вот почему по мере того, как

Маршал Советского Союза
Ф. И. ТОЛБУХИН

наша армия шла вперед, гитлеровцы лихорадочно укрепляли эту местность. Поясами оборонительных сооружений окружались города. Деревни, хутора и господские дворы превращались в укрепленные пункты. Минные поля, завалы, противотанковые рвы преграждали путь по шоссе, по проселочным дорогам и становились тем гуще, чем больше сокращалось расстояние до Будапешта. Отборные войска были стянуты в этот район.

Но самым важным естественным препятствием на пути к столице Венгрии была Тисса. Нелегкое дело — форсировать ее, особенно в холодные дни октября. Немецкое командование ожидало, что, дойдя до Тиссы, советские войска будут по крайней мере на некоторое время задержаны на этом рубеже.

Однако произошло неожиданное. Через три дня после перехода венгерской границы первые советские разведчики появились на восточном берегу Тиссы. А еще два дня спустя, бой кипел уже на западном берегу и к исходу 11 октября второй по величине город Венгрии Сегед был целиком занят советскими частями. Теперь наши войска обладали небольшим, но устойчивым плацдармом за Тиссой.

В это время в Венгрию с юга вошли войска 3-го Украинского фронта, которыми командовал маршал Советского Союза Толбухин. После уничтожения ясско-кишиневской группировки врага, части этого фронта прошли через южные области Румынии, через Болгарию и вступили на югославскую территорию. Восторженно встреченные населением братской Югославии, воины маршала Толбухина нанесли здесь немцам ряд сильных ударов. Уже вскоре большая часть югославской территории и столица страны Белград были освобождены от оккупантов. Продвигаясь на север между Тиссой и Дунаем, войска Толбухина продолжали теснить немцев и перешли югославско-венгерскую границу.

Умелое взаимодействие обоих фронтов вскоре привело к решительному успеху в этом районе. 21 октября западнее Сегеда наши танки и конница, рванувшись вперед, вышли к берегу Дуная. От Тиссы до придунайского городка Бая весь юг междуречья оказался в руках советских войск.

Еще за день до этого пал Дебрецен, третий по величине город страны. Затем была форсирована Тисса севернее Сегеда и взят город Чонград. Появились и другие плац-

Советские танки атакуют

дармы на западном берегу реки. На подступах к Будапешту назревали важные события.

Ночью 27 октября Будапешт подвергся сильному удару с воздуха. В эту ночь советская авиация совершила массированный налет на венгерскую столицу. Тяжелые воздушные корабли подвергли бомбардировке военные объекты Будапешта. Советские бомбы вызвали несколько крупных взрывов на складах с боеприпасами. На южной и западной окраинах, в районах важных военных объектов, заполыхали пожары. И когда последние самолеты, сбросив свой тяжелый груз, уходили к востоку, на расстоянии 200 километров летчики видели далекое зарево на западном горизонте.

Несколько дней после этого в районе между Тиссой и Дунаем было относительно спокойно. Но на переправах неутомимо кипела работа, через Тиссу шли потоком наши части, и на юге междуречья постепенно наращивался ударный кулак советских войск.

29 октября на пространстве от Тиссы до Дуная заговорила артиллерия. С юга междуречья началось наступление наших войск на столицу Венгрии. Два дня спустя в сводке Советского Информбюро впервые появилось будапештское направление.

Оборона врага была прорвана на широком фронте. В прорыв устремились танки. Продвижение наших частей сразу приняло стремительный характер.

Посреди междуречья на скрещении нескольких шоссе лежит Кечкемет, один из значительных городов Венгрии. Отсюда к столице ведет прямая 70-километровая лента асфальта, и на всем этом пути больше нет ни одного крупного города. Кечкемет являлся как бы воротами на подступах к Будапешту.

Открыть эти ворота удалось не сразу. Немцы сделали Кечкемет сильным опорным пунктом. Когда на рассвете 30 октября танки генерала Свиридова подошли к городу, они встретили здесь разветвленную сеть оборонительных сооружений противника и множество артиллерии, поставленной на прямую наводку. Сильные подвижные отряды немецкой танковой дивизии, только что переброшенной к Кечкемету, непрерывно контратаковывали наши войска с флангов. Но танкисты Свиридова упорно пробивались вперед.

Во главе наступающих вел свою боевую машину танкист Доля — человек легендарной храбрости. Утюжа окопы немцев, танк Доли вырвался к окраине города. Весь огонь враги сосредоточили на этой головной машине. Уже у самой городской черты танк вспыхнул. И тогда экипажи наших танков услышали в своих шлемофонах последний призыв героя.

«Умираю как большевик,— радировал Доля.— За Родину! За Сталина! Вперед!»

Охваченная огнем машина, развевая по ветру пламя, вынеслась на улицу города и исчезла за домами...

А пока шел бой у южной окраины, часть танков, за которыми следовали машины с мотопехотой, совершила обходный маневр. По размокшей целине полей, по глухим проселочным дорогам они вышли к северу от Кечкемета, к шоссе, соединяющему этот город с Будапештом. Этот маневр решил успех операции. Боясь окружения, враг стал отходить, оставляя на пути наших войск многочисленные засады и заслоны. Но танкисты снова и снова обходили укрепленные пункты, внезапно и стремительно проникая во вражеские тылы.

Танковая часть полковника Коневского, пройдя лесной дорогой, вечером подошла к городу Илле на ближних подступах к Будапешту. Появление наших танкистов было пол-

ной неожиданностью для немцев. В городе горел электрический свет — будапештская электростанция давала сюда ток. К городскому вокзалу подходили немецкие воинские эшелоны. В домах спокойно спали гитлеровские офицеры. И вдруг на улицах Илле раздались выстрелы танковых пушек, послышался лязг гусениц, трескотня автоматов. Пользуясь возникшей паникой, танкисты мгновенно очистили город от немцев. А на утро, отбив семь неистовых контратак врага, они двинулись дальше в сторону Будапешта.

В то же время другая группа советских войск быстро продвигалась прямо на север вдоль Дуная. Неожиданно штурмуя или обходя и блокируя гарнизоны врага в населенных пунктах, танкисты и пехотинцы ежедневно приближались к венгерской столице на 15—20 километров.

Все это было дополнено новым рывком наших частей с восточного берега Тиссы, против города Сольнок. 4 ноября пал этот город. В тот же день был взят Цеглед, крупный центр Венгрии в средней части междуречья. Распахнулись как бы еще одни ворота, еще одно шоссе открылось для движения наших войск на Будапешт, теперь уже с юго-востока.

Шли дожди, размывало дороги. От Будапешта и с севера из района города Мишкольц навстречу советским войскам спешили новые дивизии противника. Немецкие и венгерские части остервенело кидались в контратаки. Получив удар, они откатывались назад и, поредевшие и деморализованные, отходили к столице, чтобы наспех пополниться новыми подкреплениями. Наши танки и пехота продолжали двигаться на Будапешт.

В эти дни Будапешт впервые услышал громыхание фронта. Канонада доносилась с двух сторон — с юга и юго-востока и, нарастая, постепенно сливалась в один сплошной гул по мере того, как все ближе сходились между собой шоссе, по которым наступали наши части. Советские войска были уже в 13 километрах от венгерской столицы. Напрасно немцы бросали в бой лучшие эсэсовские танковые и моторизованные дивизии. Фронт не удавалось отодвинуть от города ни на шаг.

День и ночь за южными пригородами гудела артиллерийская канонада. Все чаще появлялись над городом советские самолеты, сбрасывавшие листовки. Несмотря на преследования немцев и салашистов, жители столицы тайком собирали эти маленькие листочки, несущие им слова

правды. Советское командование разъясняло населению освободительные цели борьбы наших войск. Оно призывало будапештцев не верить клевете салашистов и всеми способами помогать скорейшему освобождению города от оккупантов, чтобы сохранить от разрушения культурные ценности, избавить мирных жителей от страданий и жертв.

Но в ответ на эти призывы немцы и салашисты удвоили террор. Убийства и грабежи в городе усиливались с каждым днем. Спасаясь от фашистских бесчинств, население Будапешта отсиживалось в домах, пряталось в подвалах. А на фронте венгерские войска ежедневно целыми подразделениями сдавались в плен нашим частям.

Праздник 27-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции Советская Армия встречала у ворот Будапешта. Радио донесло сюда, в далекую Венгрию, знакомый спокойный голос из Москвы.

«В октябре этого года,— говорил товарищ Сталин,— начался девятый удар наших войск между Тиссой и Дунаем в районе Венгрии, имеющий своей целью вывести Венгрию из войны и повернуть ее против Германии».

Слушая эти слова вождя, каждый из воинов с гордостью сознавал себя участником этого нового могучего удара по врагу, думал о том, что он стоит уже у порога венгерской столицы. У всех было только одно желание — скорее рвануться вперед, в сокрушительном штурме сломить тупое упрямство вражьей силы, взять Будапешт и разгромом немецкой группировки в Венгрии достойно завершить девятый удар.

Но время штурма еще не настало. Еще предстояли упорные бои на подступах к столице Венгрии.

Стремительное наступление армий, подобно океанскому девятому валу, имеет сокрушительную силу. В неудержимом разбеге наступления, советские войска не раз сметали мощные укрепленные рубежи врага, на плечах отходящего противника преодолевали широкие водные преграды, безостановочно продолжая свое движение, освобождали от захватчиков десятки сел и городов. Но такую сильную крепость, как Будапешт с его многочисленным гарнизоном, взять «с хода», с разгона, — было невозможно. Впереди было жестокое долгое сражение за венгерскую столицу, и, для успешного исхода этого сражения, его следовало тщательно подготовить.

Район боевых действий

Надо было с разных сторон выйти на ближние подступы к городу, подтянуть свежие силы и технику, сковать маневр противника и затем штурмовать Будапешт одновременно с нескольких направлений.

Выполняя смелый, подробно разработанный план ставки Верховного Главнокомандующего, войска маршалов Малиновского и Толбухина нанесли противнику несколько внезапных последовательных ударов. Не успели затихнуть бои к югу от города, как части 2-го Украинского фронта двинулись на Будапешт с востока. За неделю наши танкисты и пехота ушли далеко вперед. Линия фронта остановилась всего в 30 километрах от восточных городских окраин.

Немцы и салашисты спешно перебрасывали подкрепления на восточные подступы к Будапешту. Но в это время последовал новый ошеломляющий удар там, где командование противника вовсе не ожидало его.

В битву за Будапешт вступили войска маршала Толбухина. В конце ноября они внезапно форсировали Дунай на юге Венгрии и, прорвав вражескую оборону, начали наступать одновременно на запад и на север. Двигаясь на Будапешт вдоль западного берега Дуная, части Толбухина вскоре оказались в 50 километрах от окраин Буды.

Нервы Салаши не выдержали. 9 декабря самозванный «правитель Венгрии» вместе со своими приспешниками сбежал из Будапешта и перебрался в городок Шопрон, лежащий около самой австрийской границы. Немецкое командование тем временем снимало дивизии с других участков фронта и бросало их навстречу наступающим войскам Толбухина. Но не успел противник закончить эту перегруппировку, как маршал Малиновский нанес новый удар в сторону Будапешта.

Уже несколько дней на дальних северных подступах к столице Венгрии, под прикрытием непрерывных дождей и туманов, затруднявших врагу разведку, стягивалась наша артиллерия, сосредоточивались пехотные части, танки и кавалерия. В тот день, когда Салаши со своим «правительством» бежал из Будапешта, началось наступление на северном участке. Бой разгорелся сразу на нескольких направлениях. Довершая артиллерийский удар, в дождливом, совсем «нелетном» небе появились советские самолеты. Огромная, более чем стокилометровая брешь образовалась в обороне гитлеровцев. Танки и казаки ринулись в этот прорыв. Выйдя к Дунаю и заняв город Вац, они устреми-

лись на юг вдоль реки и вскоре подошли вплотную к северным и северо-восточным пригородам Будапешта.

Немцы заметались, перебрасывая свои части с одного участка на другой. Враг растерялся. Пользуясь этим, другая группа войск маршала Малиновского форсировала Дунай южнее Будапешта и на противоположном берегу соединилась с частями 3-го Украинского фронта, наступавшими на север. Это окончательно дезорганизовало оборону врага на подступах к городу. На следующий день бои гремели меньше чем в 20 километрах от южных окраин Буды. Теперь фронт как бы охватил огромной подковой столицу Венгрии. Достаточно было одного мощного удара, чтобы концы этой подковы сомкнулись.

ОКРУЖЕНИЕ

На широких просторах задунайской равнины, к юго-западу от Будапешта лежат два озера — Веленце и Балатон, разделенные между собой 40-километровым промежутком. Здесь в районе озер начинался последний укрепленный рубеж немцев на подступах к венгерской столице.

Перегораживая межозерный коридор, укрепленная линия тянулась дальше к востоку до придунайских городов Мартон-Вашар и Эрд. Этот рубеж немцы назвали «линией Маргариты». Он защищал южные окраины Буды и прикрывал пути отхода немецко-венгерских частей из Будапешта на запад.

«Линия Маргариты» была создана неприятелем заблаговременно. Немецкие инженеры густо и глубоко насытили ее искусственными заграждениями, создали многочисленные опорные пункты. Укрепления этой оборонительной полосы защищались отборными войсками врага — частями 6-й армии немцев и 3-й армии венгров.

Прорыв «линии Маргариты» предстояло хорошо подготовить. Наши штабы усиленно занялись разведкой вражеской обороны и подробной разработкой всех деталей операции. Тем временем с востока через дунайские переправы подтягивались в район Балатона и Веленце новые советские части. На подступы «линии Маргариты» вышли танкисты генерала Свиридова — герои боев за Кечкемет.

Где будет нанесен главный удар? На каком участке войдут в прорыв танковые соединения? Эти вопросы горячо обсуждались в наших штабах. Эти вопросы волновали и

немцев, старавшихся отгадать замыслы нашего командования.

И немецкие штабисты, разглядывая карту, приходили к единодушному заключению: русские будут развивать основное наступление вдоль берега Дуная. Здесь больше дорог, да и сама местность менее пересеченная, тогда как район озера Веленце изобилует крутыми лесистыми холмами, представляющими почти непреодолимое естественное препятствие для танков.

Вот почему противник особенно старательно укреплял придунайский участок «линии Маргариты» и сосредоточил там большую часть своих противотанковых средств. На этот участок были направлены лучшие дивизии врага.

Но в то время, когда немецким генералам казалось, что они разгадали советский план прорыва «линии Маргариты», наши войска уже готовились к выполнению совершенно иного замысла, неожиданного для противника. Советское командование вопреки ожиданиям врага решило ввести в прорыв танки именно в лесистом районе у озера Веленце.

Однако немцы не собирались пассивно ожидать нашего наступления. Противник готовился не только оборонять «линию Маргариты». С ее рубежей гитлеровское командование решило нанести свой контрудар. Немцы предполагали сосредоточить сильный кулак и прорваться из района Будапешта на юг вдоль западного берега Дуная. Тогда им удалось бы отрезать наши части, действовавшие у озер Балатон и Веленце. Уже спешили через Будапешт свежие танковые дивизии врага, тянулись колонны мотопехоты. Наступление немецко-венгерских войск было назначено на 21 декабря.

Тем временем на «линии Маргариты» шли местные бои. То здесь, то там кидались в контратаки немцы, стараясь нащупать слабые звенья в нашей обороне. Вели разведку боем советские подразделения. А по обе стороны фронта в ближнем тылу поспешно передвигались и сосредоточивались крупные массы войск, предназначенные для прорыва. Борьба на подступах к Будапешту вступала в свою последнюю решительную фазу.

Наше командование опередило врага на один день. Утром 20 декабря, когда сосредоточение войск противника еще не было закончено, наши части, после мощной артиллерийской подготовки, двинулись на штурм «линии Маргариты».

Как только пехота пробила брешь в укреплениях немцев северо-восточнее Веленце, танки Свиридова ринулись в прорыв. Противник понял свой просчет, но было уже поздно. Безостановочно двигаясь по лесистым холмам, уверенно отбрасывая контратакующие части врага, советские танки быстро шли на север. Уже не мечтая о большом контрнаступлении, немцы бросали в бой все свои резервы, стремясь любой ценой остановить надвигающуюся катастрофу. Но катастрофа была неотвратима.

На четвертый день наступления наши танки и пехота заняли город Бичке. Здесь проходили железная дорога и шоссе, ведущие от Будапешта на запад. Важнейшая магистраль, которая связывала венгерскую столицу с Австрией и являлась основным путем для отхода будапештской группировки врага, была перерезана.

Яростное сражение кипело и в пространстве между озерами. Преодолев передовые укрепленные рубежи врага, советские танкисты и пехотинцы в первый же день с трех сторон подошли к городу Секешфехервар. Этот город, о котором наши воины шутя говорили, что его легче взять, чем выговорить, был одним из главных узлов обороны немцев. Натиск наступающих был настолько стремительным, что на аэродроме близ города не успели подняться в воздух пятьдесят четыре новеньких «мессершмитта», ставшие трофеями наших войск.

В самом Секешфехерваре стояли наготове свежие германские дивизии, обильно оснащенные техникой. Бой на улицах города отличался невиданным ожесточением. По два-три раза кварталы и улицы переходили из рук в руки. Но остановить могучий натиск наших воинов враг не мог никакими силами.

В один из этих дней, когда на улицах Секешфехервара шли жесточайшие схватки, в гвардейских подразделениях, штурмующих город, агитаторы выпустили окопный листок.

«Воины, гвардейцы! — говорилось в листке.— Сегодня нашему любимому вождю и полководцу товарищу Сталину — исполнилось 65 лет. В этот день вся страна, вся Красная Армия трудовой доблестью и боевыми делами славят великого Сталина. Отметим же и мы эту годовщину новыми победами во славу нашей Родины, во славу Сталина! Мы перешли в решительное наступление. Вперед на врага, сталинские богатыри!».

Эти листки, переписанные от руки в нескольких экземплярах, моментально обошли всех солдат. Они вызвали необычайный подъем среди воинов. Солдаты и офицеры стремились отметить славный юбилей своего Верховного Главнокомандующего боевыми победами, героическими подвигами. Артиллеристы, заряжая орудия, мелом писали на снарядах: «Во славу великого Сталина!». С особенной силой звучал в тот день победный клич пехотинцев: «За Родину! За Сталина!».

Здесь же в перерыве между атаками четыре гвардейских старшины, Герои Советского Союза и герои освобождения Венгрии написали вождю письмо:

«Дорогой и любимый Иосиф Виссарионович! С венгерской земли, где сейчас кипит бой, мы посылаем Вам, нашему отцу и полководцу, наш пламенный гвардейский привет и наилучшие пожелания в Вашей великой работе на благо социалистической Родины.

Дорогой товарищ Сталин! Вы научили нас любить Отечество и сражаться за него, не щадя своих сил и самой жизни. Вы влили в сердце каждого солдата богатырские силы. В светлые и радостные дни мы пишем Вам это письмо. Отсюда, из наших солдатских окопов, уже недалеко до проклятой немецкой земли. Дойдем вскоре и туда! Клянемся Вам, наш Верховный Главнокомандующий, что мы, воины-гвардейцы, сокрушим на своем пути все преграды и водрузим знамя победы над Берлином!

Желаем Вам, товарищ Сталин, доброго здоровья на долгие годы. Ваш приказ на победу будет выполнен».

Четыре гвардии старшины подписали письмо и снова ушли в бой. А несколько часов спустя в войсках, штурмующих Секешфехервар стало известно о бессмертном подвиге гвардейца Василия Намасова, комсомольца из Краснодона, земляка героев «Молодой гвардии».

Вместе с товарищами — пехотинцами, Намасов слушал в этот день рассказ взводного агитатора о жизни и деятельности И. В. Сталина. Как и все другие воины, он с волнением читал окопный листок и в душе еще и еще раз приносил торжественную клятву верности партии и ее великому вождю. И судьба именно в этот день испытала твердость комсомольского сердца молодого краснодонца.

В несчетный раз немцы бросились в контратаку. Прорвавшись сквозь заградительный огонь наших пушек, тяжелый немецкий танк, грохоча и изрыгая пламя, несся

к окопам пехотинцев, как раз к тому месту, где находился Намасов.

Комсомолец не струсил. Он выпрыгнул из окопа и пополз навстречу чудовищу, сжимая в руках четыре противотанковые гранаты. Из траншей солдаты, не дыша, наблюдали за ним. Они видели, как, привстав на колено, Намасов одну за другой швырнул две гранаты под грязное серое брюхо «тигра». Танк вздрогнул, сотрясенный взрывами, но продолжал двигаться.

Намасов кинул назад быстрый взгляд, увидел окаменевшие, напряженные лица товарищей и понял, что для него наступила та минута, ради которой он прожил свою недолгую светлую жизнь. Он вскочил во весь рост и звонкий его возглас «За Родину! За Сталина!» прорвался сквозь грохот железа и рев мотора. В следующее мгновение, прижав к груди оставшиеся гранаты, гвардеец упал под гусеницу. Тяжелый взрыв подбросил «тигра», и танк, неуклюже накренившись набок, застыл.

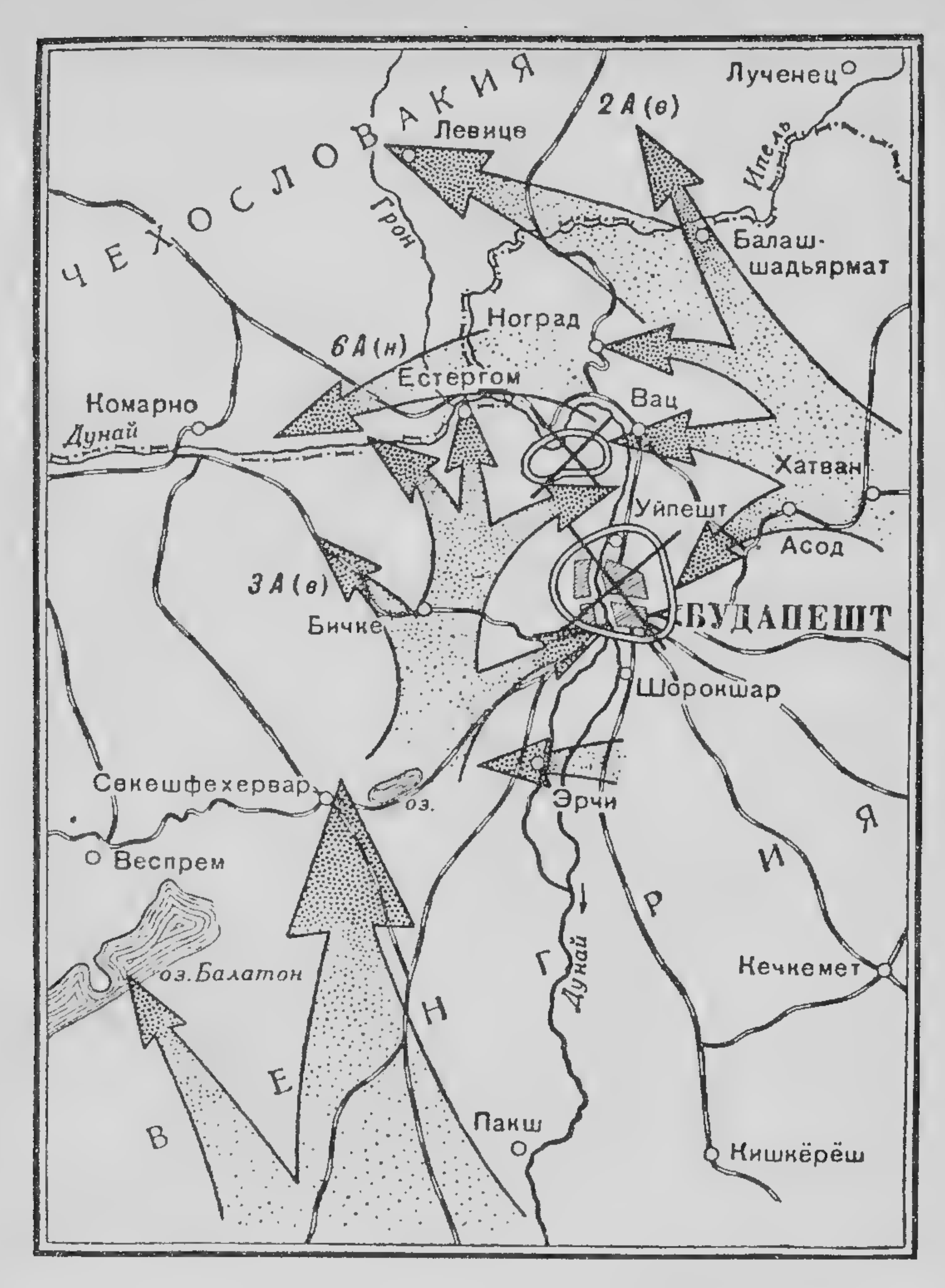
На четвертый день боев Секешфехервар пал. «Линия Маргариты» была прорвана и на этом участке. Советские войска вырвались на оперативный простор.

Теперь фронт на большом протяжении откатывался все дальше от Будапешта. Только на северо-западе как бы узкий коридор между городом Бичке и Дунаем еще соединял будапештскую группировку с основными силами немцев.

По этому «коридору» проходили шоссе и железная дорога — две последние нити, связывающие гарнизон Будапешта с внешним миром. Но и эти нити вот-вот грозили оборваться.

Немецкое командование понимало всю опасность положения. Горловина мешка, в котором оказалась будапештская группировка, суживалась с каждым часом. Донесения с фронта одно за другим твердили: «Русские танки движутся на север».

Туда на север немцы бросали теперь все силы. Туда спешили недобитые дивизии с прорванной «линии Маргариты», подходили свежие резервы, подбрасывались лучшие эсэсовские полки. Противник даже ослабил заслоны Будапешта с запада, передвинув часть войск на север. Этим ослаблением сейчас же воспользовалось советское командование.

Окружение будапештской группировки врага

После падения Бичке часть танков Свиридова резко повернула на восток, к Будапешту. В те дни ударили крепкие морозы, и тяжелые боевые машины смогли двигаться прямо по затвердевшей целине через овраги и холмы, обходя дороги, прикрытые противотанковой артиллерией немцев. Уже на следующий день советские танки подошли к окраине Буды.

Здесь немецкий гарнизон еще считал, что он находится в тылу. Был канун рождества и эсэсовские офицеры в освещенных домах поднимали бокалы и кричали «хайль». А в это время мотоциклисты-разведчики, двигавшиеся впереди танков, остановили свои машины у окраинных домов Буды.

— Кто хочет первым войти в Будапешт — вперед за мной! — крикнул командир мотоциклистов капитан Иголкин.

И вслед за офицером-коммунистом первые советские воины ворвались на улицы Буды, истребляя ошеломленного врага. Сзади уже подходила с тяжелым ревом первая колонна наших танков.

Командующий будапештской группировкой в этот день, вместо ожидаемой рождественской телеграммы с поздравлением от Гитлера, получил срочное донесение: «Русские танки ворвались в Буду». А с севера поступила другая «рождественская» депеша. Она гласила: «Русские заняли Естергом».

Это означало, что кольцо вокруг Будапешта замкнулось. Продвигаясь на север от Бичке, наши части стремительным ударом заняли древнюю столицу Венгрии город Естергом, лежащий на южном берегу Дуная. По ту сторону реки уже были советские войска.

Мощная, почти двухсоттысячная группировка гитлеровцев с многочисленной техникой, с крупнейшими запасами вооружения и боеприпасов,— оказалась отрезанной. Линия фронта с каждым днем отодвигалась дальше на запад. Неумолимо сжималось кольцо окружения. Дезорганизованный противник не успевал отражать новые удары советских войск.

Окруженную группировку следует дробить и уничтожать по частям. Этой тактике учил советских маршалов, генералов и офицеров Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин. Именно такую тактику уже не раз с блестящим успехом применяла Советская Армия в своих операциях в Сталинграде, под Корсунь-Шевченковским, в Белоруссии, на Западной Украине.

Эту тактику наше командование с успехом применило и здесь, под Будапештом.

Уже на следующий день после того, как кольцо замкнулось, советские части нанесли одновременный удар с двух сторон в центр района окружения. Севернее Будапешта на Дунае лежит большой остров. Внезапно форсировав реку с

восточного берега, на острове высадились пехотинцы маршала Малиновского. Одновременно с запада в этом же месте пробились к Дунаю другие наши подразделения. Окруженная группировка тем самым была рассечена надвое. Основные силы гитлеровцев оказались зажатыми в южном кольце — в стенах венгерской столицы, а севернее города была изолирована остальная часть будапештской группы вражеских войск.

Поворачивая круто на юг у Ваца, Дунай огибает гряду высоких лесистых гор. В этой крутой излучине и была стиснута северная часть окруженной группировки. Тотчас же в горах начались активные действия по уничтожению противника. К 31 декабря последние разрозненные отряды немцев и салашистов были выбиты из лесов. Больше пяти тысяч солдат и офицеров врага сдались в плен. Наши войска захватили в горно-лесистом районе много всевозможной техники и вооружения.

Вокруг Будапешта все сильнее сжималось кольцо фронта. Уже повсюду гремели бои в пригородах. На западе наши части кое-где дрались на окраинных улицах самого города. Войска, осаждавшие Будапешт, вплотную подошли к основному оборонительному рубежу, опоясывавшему столицу Венгрии.

Разгром врага был неминуем. Фронт ушел далеко на запад, и трудно было предполагать, что немецкие войска сумеют пробиться на выручку к будапештскому гарнизону. Сопротивление окруженного противника не имело смысла и могло привести только к ожесточенным уличным боям, к напрасным жертвам среди гражданского населения, к тяжелому разрушению исторических ценностей Будапешта.

Но из Берлина приказали драться до последнего солдата. Немцы без колебаний обрекали венгерскую столицу в жертву своим планам. Для Гитлера и его клики важно было хотя бы на время задержать часть советских войск в Венгрии и тем ослабить натиск Советской Армии в сторону Австрии.

Многолюдный древний город, превращенный в огромную сильную крепость, должен был хоть ненадолго прикрыть собой подступы к фашистскому логову.

Советские войска стояли вокруг Будапешта, готовые к решительному бою. Перед ними были опутанные колючей проволокой, загроможденные баррикадами, перекопанные улицы венгерской столицы. Но прежде чем начать штурм

города, советское командование, желая избежать излишнего кровопролития и разрушений, решило сделать последнее предупреждение окруженному врагу.

В ночь с 28 на 29 декабря на передовой линии фронта заговорили наши мощные звуковещательные станции. На немецком и венгерском языках они передавали извещение о том, что утром 29 декабря в расположение вражеских войск будут направлены парламентеры с ультиматумом советского командования. Было точно указано время и маршрут следования парламентеров. Всю ночь и утро передачи непрерывно повторялись. На участках, где должны были проследовать парламентеры, наши войска полностью прекратили огонь.

Ультиматум был обращен к командующему окруженными войсками, ко всем командирам, генералам и офицерам соединений и частей, находившихся в Будапеште. Объясняя обстановку, сложившуюся на фронтах, советское командование указывало противнику на полную безнадежность сопротивления.

«Действительной помощи Вам ждать неоткуда,— говорилось в ультиматуме.— Положение накопившихся под Вашим командованием в районе Будапешта остатков разгромленных в Венгрии немецких частей и еще не сложивших оружие венгерских частей безнадежно. Все пути отхода для Вас отрезаны. Наше многократное превосходство в численности и вооружении — очевидно. Вы, как командующий, и все офицеры окруженных войск отлично понимаете, что дальнейшее сопротивление не имеет никакого смысла и поведет только к истреблению ваших войск, к многочисленным жертвам среди мирного населения и разрушению столицы Венгрии Будапешта.

Во избежание ненужного кровопролития, а также в целях сохранения Будапешта, его исторических ценностей, памятников культуры и искусства и населения от гибели, предлагаем Вам принять следующие условия капитуляции:

1. Все окруженные немецкие и венгерские войска во главе с Вами и Вашими штабами немедленно прекращают боевые действия.

2. Вы передаете нам весь личный состав, оружие, все боевое снаряжение, транспортные средства и технику неповрежденной.

3. Гарантируем всем генералам, офицерам и солдатам, прекратившим сопротивление, жизнь и безопасность. Нем-

цам после войны — возвращение в Германию или любую другую страну по личному желанию военнопленных, а сдавшимся Красной Армии венграм, после регистрации и допроса, роспуск по домам.

4. Всему личному составу сдавшихся частей будут сохранены: военная форма, знаки различия, ордена, личная собственность и ценности, а старшему офицерскому составу, кроме того, будет сохранено и холодное оружие.

5. Всем раненым и больным будет оказана медицинская помощь.

6. Всем сдавшимся генералам, офицерам, унтерофицерам и солдатам будет обеспечено немедленное питание».

В ультиматуме было указано, что ответ ожидается в полдень на следующий день в двух определенных пунктах на обоих берегах Дуная.

«Если Вы отклоните предложение сложить оружие, — указывалось в заключение,— то войска Красной Армии и Воздушного Флота начнут действия по уничтожению окруженных Ваших войск, и всю ответственность за их уничтожение, а также за все разрушения в Будапеште и гибель его жителей понесете Вы».

Ультиматум подписали командующие войсками 3-го и 2-го Украинских фронтов маршалы Советского Союза Толбухин и Малиновский.

В 11 часов утра на окраинной улице юго-восточного пригорода столицы Кишпешта показалась легковая машина с большим белым флагом. В машине находились советский офицер-парламентер и сопровождающий его переводчик. Автомобиль медленно ехал к линии передовых позиций, пересекавшей улицу. Он миновал наш передний край и направился к оборонительному рубежу немцев. Из окопов на мостовой, из домов, занятых нашими пехотинцами, сотни внимательных глаз пристально смотрели вслед парламентеру. Все вокруг притихло, затаилось и только негромкий рокот автомобильного мотора нарушал эту напряженную тишину.

Впереди, там, где проходил передний край обороны немцев, на перекрестке высилось большое здание, ворота и окна которого были заложены кирпичом. Машина, объезжая воронки на мостовой, постепенно приближалась к этому дому. Она уже подъехала совсем близко, как вдруг

сноп пламени блеснул в одной из кирпичных амбразур здания. В тот же момент огонь и дым окутали машину. Оглушительный звук пушечного выстрела слился с грохотом разорвавшегося снаряда. Замаскированное немецкое орудие почти в упор выстрелило в автомобиль парламентера.

И тотчас же вслед за первым выстрелом на мостовой разом взметнулись вверх десятки черных фонтанов разрывов. Откуда-то из-за домов наперебой загремели немецкие минометы и пушки. Рассыпалась частая дробь пулемета.

Когда рассеялся дым, посреди улицы остались лежать обломки машины, почерневшие трупы и забрызганный кровью белый флаг.

В первые минуты ни одного выстрела не раздалось с нашей стороны. Словно не веря своим глазам, ошеломленные солдаты оставались немыми свидетелями трагедии, внезапно разыгравшейся перед ними. Все происшедшее казалось настолько невероятным, невозможным, чудовищным!..

Но когда, наконец, люди осознали то, что случилось, их разом вскипевший гнев прорвался яростным огнем по врагу. Дым разрывов закрыл немецкие позиции, и огневые точки врага трусливо умолкли.

Седой майор, штабной офицер, который всего десять минут тому назад пожимал руку парламентеру, желая ему удачи, стоял выпрямившись во весь рост в полуподвальном окне разрушенного дома на нашем переднем крае. Стиснув зубы, сверкая глазами, он, казалось, вот-вот поддастся нахлынувшему на него чувству и в порыве неудержимой ненависти бросится впереди стрелков туда, к этому высокому зданию, откуда раздался первый предательский выстрел врага.

Позади майора столпились солдаты. Дрожа от негодования, они сжимали в руках оружие и вопросительно смотрели на офицера.

Наконец, молоденький сержант не выдержал:

— Товарищ майор,— умоляюще крикнул он.— Разрешите нам в атаку. Мы ж их...

Он не докончил, словно захлебнувшись... Ненависть и гнев не давали ему говорить.

Майор обернулся. Глаза его скользнули по лицам напряженно ожидающих бойцов.

— Отставить! — жестко сказал он.

И добавил значительно и тихо:

— Они от нас никуда не уйдут. Расплатимся.

В это же время на правом берегу Дуная, у одной из западных окраин Буды линию фронта перешел второй советский парламентер с переводчиком. У немецких позиций их встретили гитлеровские офицеры и, завязав глаза, повели в штаб. Здесь представители командования окруженной группировки заявили, что они наотрез отказываются принять ультиматум и вести какие бы то ни было переговоры.

Обоим посланцам снова завязали глаза и, взяв их под руки, повели обратно. Когда миновали окопы вражеского переднего края и надо было снимать повязки, сзади послышалась гортанная немецкая команда. В тот же миг солдаты, сопровождавшие парламентера и переводчика, оставили их и разбежались. В следующую секунду загремели выстрелы.

Пораженный предательской пулей в спину парламентер был убит, а переводчик только по счастливой случайности остался жив.

Это было злодейское, чудовищное убийство. История современных войн не знала подобных преступлений. Многовековая традиция всегда охраняла жизнь парламентеров, и всякое покушение на них рассматривалось как низкое и презренное злодеяние. В 1907 году это было записано как непреложное правило в заключенной между всеми странами Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны. Но гитлеровское командование сознательно шло на преступление, оно действовало по принципу «после нас — хоть потоп». Немцы собирались потащить за собой в пропасть полуторамиллионное население Будапешта. Судьба древнего большого города с его достопримечательностями и культурными ценностями не имела никакого значения в глазах гитлеровской шайки.

На другой день Советское Информбюро оповестило весь мир о злодейском убийстве парламентеров. В наших войсках это известие вызвало взрыв возмущения. Одно и то же чувство охватило всех воинов — горячая ненависть к убийцам, желание отомстить преступникам и скорее покончить с трусливым и злобным врагом. Отныне ответственность за кровь жителей, за разрушение города падала на немцев.

На окраинах Пешта и Буды глухо перестукивались пулеметы. В бледном зимнем небе кружили над Дунаем самолеты. Мимо припорошенных снегом полей, меся незастывшую дорожную грязь, подходили к городу свежие батальоны. Подтягивалась артиллерия. На переднем крае командиры подразделений формировали из своих солдат штурмовые группы. А в штабах офицеры оперативного отдела тщательно изучали план венгерской столицы.

В канун 1945 года, Года Победы, войска Советской Армии готовились к решительному штурму Будапешта.

ШТУРМ

Нелегко атаковать врага в открытом поле, когда тонким посвистом запоют над ухом пули и невольно захочется пригнуться, приникнуть к земле. Трудно наступать в лесу или в горах, где за всяким деревом, за любым камнем может подстерегать тебя коварный враг. Но особенно сложен и труден штурм большого города. Уличные бои — это целая школа дерзости и мужества, осторожности и хитрости, находчивости и солдатской сметки.

Поднимаясь в атаку в поле, знаешь, что впереди окопы врага. Действуя в горах, можно заранее прикинуть на-глаз, где вероятнее всего скрывается вражеская засада. В городе — иное дело.

Множеством окон, дверей, ворот смотрят на улицу дома. И из каждого окна, из каждой двери или подворотни может ударить пулемет, застрочить автомат, выстрелить снайпер. С чердаков, с крыш десятки вражеских глаз видят, как на ладони, все, что происходит в узком пространстве улицы. Здесь все помогает скрыть затаившегося стрелка от самого зоркого взгляда. Здесь даже звук выстрела, многократно отраженный стенами домов, теряет ясность своего направления, и нелегко бывает определить, откуда стреляет враг. Тут смотри в оба, слушай за двоих, действуй за троих.

Во сто крат обостряются чувства солдата. Глаза внимательно обшаривают улицу впереди метр за метром, забираются в окна, задерживаются на каждом выступе, замечают всякий подозрительный дымок. Уши чутко ловят звук выстрела, напряженно помогая глазам. Надо неустанно

отыскивать врага, надо в то же время не терять из виду товарищей, надо быть ежесекундно готовым к быстрым и решительным действиям.

В уличном бою нужно быть особенно смелым и особенно осторожным. Не поглядел, не прислушался и чуть сунешься вперед — налетишь на пулю. Растерялся на миг, замешкался под огнем — тотчас настигнет пулеметная очередь или выстрел снайпера. Самые неожиданные опасности подстерегают тут со всех сторон.

Но крайнего напряжения требует от пехотинца бой внутри дома. Недаром герой Сталинграда командующий 62-й армией генерал Чуйков назвал этот бой «бешеным». Здесь в лабиринтах коридоров и комнат, на лестничных клетках закипают такие схватки, в которых ничтожные доли секунды играют важную роль, малейшая нерешительность, пустячная задержка оплачиваются кровью и жизнью.

В этом бою у пехотинца нет помощников вернее, чем граната и автомат. Продвигаясь по улице, стрелок может надеяться, что ему подсобят огнем артиллеристы, помогут танки. Но ворвавшись в дом, нужно рассчитывать только на свое пехотное оружие. И тогда особенно грозной становится испытанная подруга пехотинца, его карманная артиллерия — граната. Она идет впереди атакующего солдата. Новый поворот коридора, новая комната — брось гранату, дай автоматную очередь и, не медля, смело врывайся к ошеломленному взрывом врагу. Таков закон боя в доме. Так берут здание, этаж за этажом, пока загнанный под крышу враг не запросит пощады.

В уличном сражении все преимущества на стороне обороняющихся, и войска, которые штурмуют город, встречаются со множеством трудностей. Эти трудности еще больше возрастают, если город заранее подготовлен к обороне и хорошо укреплен. А Будапешт был именно таким заблаговременно укрепленным городом, городом-крепостью.

Немецкие инженеры немало потрудились, чтобы сделать укрепления Будапешта неприступными. Оборонительные пояса венгерской столицы сооружались по последнему слову инженерной техники. Здесь все — и заграждения, и система огня, и маневр войск — рассчитывалось и взвешивалось до мелочей. Взломать эту монолитную, насыщенную огнем оборону было делом необычайно трудным.

От окраин до самого центра столицы несколько плотных оборонительных колец концентрически опоясывали го-

Автоматчик в уличном бою

род. Каждое из них опиралось на систему домов-дотов, зданий, превращенных в опорные пункты. Особенно сильно немцы укрепляли угловые дома, откуда можно было держать под обстрелом сразу несколько улиц. Для этого выбирались старинные, толстостенные здания, против которых нередко были бессильны артиллерийские снаряды. Такой дом имел десятки амбразур для пулеметов, минометов и даже для орудий, а внутри помещался порой довольно значительный гарнизон. Система огня была тщательно продумана, и улицы, ведущие к этим узлам обороны, могли быть мгновенно превращены в огневые мешки. Противотанковые рвы, надолбы, ежи, массивные баррикады, казалось, не оставляли ни одной щели в обороне. Проволока всех видов оплетала улицы. В несколько рядов стояли поперек мостовой обыкновенные проволочные заграждения на кольях. От тротуара к тротуару протянулись толстые густые витки колючей проволоки — спирали Бруно. Тут были даже электрические провода высокого напряжения на изоляторах. Хитро замаскированные минные поля делали опасным каждый шаг на улице. Вдобавок много больших зданий было заранее подготовлено немцами к взрыву, чтобы

в нужный момент перегородить улицы непреодолимыми завалами.

Но «пояса Будапешта» являлись только как бы скелетом обороны. По сути весь город, от далеких пригородов до ратуши и парламента, представлял собой одно сплошное укрепление. Здесь каждый дом, даже отдельные этажи и комнаты предстояло брать с упорным боем.

Действительно, со стороны инженерного искусства оборону Будапешта можно было назвать неприступной. Но, рассчитав с математической точностью все технические детали этой обороны, немцы по своему обыкновению просчитались в том, что не поддавалось формулам математики. Они не учли человека — советского воина.

За спиной армии, которая пришла к Будапешту, лежали тысячи километров победного пути. Вехами этой славной дороги были Сталинград и Курская дуга, Миус-фронт и Днепр, Корсунь-Шевченковский и Яссы. Следующей такой вехой должен был стать Будапешт. В исходе предстоящего сражения не сомневался ни один из наших солдат.

У врага было немало преимуществ. Он сидел за мощными укреплениями Будапешта, его оборона, казалось, была неприступной. Слепо выполняя приказ Гитлера, немцы дрались с отчаянием смертников, обреченных на гибель. Но ни мощь укрепленных рубежей, ни ярость сопротивления не могли спасти будапештский гарнизон от разгрома.

Советские войска, стоявшие одной ногой на пороге венгерской столицы обладали не только могучей техникой, построенной на заводах Урала, не только замечательным оружием, прославленным в победоносных боях. Люди, державшие в руках это оружие, вдыхавшие душу в эту грозную технику, в своих сердцах принесли к берегам Дуная окрыляющую их любовь к Родине и партии Ленина — Сталина, неугасимую ненависть к врагу, твердую и несокрушимую веру в победу, ощущение близости торжества своего правого дела. А главное — они принесли сюда от самых берегов Волги высокое боевое мастерство, умение воевать и побеждать.

Новая тактика уличных боев ведет свое начало от сталинградского сражения. В дни, когда шли ожесточенные схватки на разрушенных улицах волжской твердыни, в частях армии генерала Чуйкова, «армии-героев», как прозвал ее народ, впервые родились знаменитые штурмовые группы.

Пехотинцы продвигаются вперед

Составленные из смелых, инициативных, легко вооруженных солдат, эти группы делали чудеса там, где целые подразделения с приданной техникой порой безрезультатно вели многодневные бои.

Дерзость, внезапность и быстрота были законом действия штурмовых групп. С автоматами наизготовку, с гранатами и ножом у пояса солдаты скрытно подбирались к домам, занятым противником. Коротким мгновенным броском они врывались внутрь здания. Внезапный грохот разрывов, оглушительная трескотня выстрелов, громовое «ура» ошеломляли врага. В коридорах и комнатах, окутанных клубами порохового дыма, стремительно мелькали фигуры пехотинцев. В злой рукопашной схватке они очищали комнату за комнатой, этаж за этажом и, нередко в несколько минут, отбивали у немцев укрепленный дом, решая судьбу кварталов и улиц.

Именно такую тактику предстояло теперь применить в Будапеште. В этом отношении участники будапешт-

ской битвы становились прямыми наследниками сталинградцев.

В войсках, штурмовавших венгерскую столицу, оказалось немало героев сталинградского сражения, бывших участников прославленных штурмовых групп генерала Чуйкова. Они-то и стали преподавателями в своеобразных солдатских «академиях уличного боя», которые под руководством командиров возникли в наших частях еще в те дни, когда передний край проходил по дальним пригородам Будапешта.

Бывало так. Идет упорная уличная схватка, гремят орудийные выстрелы, не прерывается огонь пехотинцев. А совсем рядом, в соседнем квартале, в одном из домов, недавно отбитых у врага, расположилось на короткий отдых подразделение. Сквозь выбитые окна в комнату то и дело порывами залетает морозный ветер, колыхая обрывки занавесей и разгоняя клубы густого махорочного дыма. На широких кроватях, на громоздких стульях тесно сидят солдаты. Обвешенные гранатами, положив рядом с собой автоматы, они внимательно слушают пожилого усача-сержанта. Степенно, не спеша, сержант рассказывает о славных днях Сталинграда, и «бешеный» уличный бой оживает перед слушателями в ярких героических делах знаменитых гвардейцев, стоявших насмерть и победивших смерть на берегу Волги.

А час спустя этот сержант снова ведет солдат в бой, и прочитанная лекция подкрепляется практическим уроком под огнем врага. Здесь пехотинцы не только повторяли пройденное когда-то в Сталинграде. Опыт сталинградцев ежедневно множился и обогащался новыми приемами борьбы в отчаянных схватках на улицах будапештских окраин, на площадях Пешта и в крутых переулках Буды.

Яростный и грозный вставал над окруженным Будапештом новый, 1945 год. Не умолкая ревели вокруг города пушки. Днем в морозном тумане клубы густого дыма окутывали крыши домов. На пустынных улицах гулко рвались снаряды, и дома, вздрагивая, отвечали звоном разбитых стекол. Темная дунайская вода несла с севера вместе с крошевом льда трупы в зеленых немецких шинелях. Над Чепелем, где продолжали дымить заводские трубы, с воем носились наши штурмовики и, встряхивая землю, поднимались к небу черные столбы бомбовых разрывов.

По ночам багровое зарево было видно далеко окрест, и, пробиваясь сквозь ночную тьму и дым, над высокими кры-

шами полыхало жаркое пламя. Горели запасы бензина и нефти, подожженные нашими снарядами. У переднего края взлетали ракеты и на миг вырывали из мрака своим колеблющимся светом притаившиеся темные громады домов. Низко гудели, кружа над городом, транспортные самолеты немцев. Нащупывая невидимого врага, шарили по небу лучи прожекторов, и вслед ноющему звуку мотора звездными цепочками летели вверх трассирующие снаряды зениток.

А на окраинах столицы круглые сутки не смолкал стрекот автоматов, хлопали винтовочные выстрелы и торопливо, нервно стучали пулеметы. Пехотинцы генерал-лейтенанта Манагарова штурмовали внешний обвод оборонительных сооружений Будапешта.

1 января, в день нового, 1945 года, в оперативной сводке Советского Информбюро промелькнула фамилия сержанта Адавкина. Маленькая штурмовая группа под командованием сержанта обеспечила захват первого окраинного квартала Будапешта. В этом месте разгорелся упорный бой. Несколько раз поднимался в атаку взвод и снова отходил. В лицо пехотинцам била искусно замаскированная полевая пушка немцев и беспрерывно строчил пулемет. Ясно было, что в лоб врага не возьмешь.

Тогда Адавкин повел своих автоматчиков в обход. Пробираясь дворами, тесно прижимаясь к стенам домов, горсточка солдат проникла во вражеский тыл. Как гром с ясного неба, ударили выстрелы в глубине расположения немцев. Несколько метких очередей скосили вражеских артиллеристов. Мгновенно был подавлен и пулемет. В тот же момент кинулся в атаку весь взвод. Очищая один дом за другим, пехотинцы стремительно расширяли прорыв. В бой вступил весь батальон, и вскоре первый квартал венгерской столицы перешел в руки советских воинов. В тот же день, развивая успех, солдаты батальона выбили врага и из второго квартала. В обороне немцев и салашистов зияла трещина.

Час от часу таких трещин становилось все больше. Упорно и методично взламывая вражескую оборонительную систему, советские войска ежедневно очищали от противника сотни домов, десятки окраинных кварталов и улиц. Уже виднелись вдали окутанные дымом многоэтажные здания центральной части города, и в редкие минуты затишья слышно было, как в Пеште воют сирены, предупреждая о появлении наших самолетов.

Пехотинцам приходилось драться за каждый дом. Но особенно горячие многочасовые схватки завязывались вокруг угловых зданий. Эти дома-крепости являлись ключевыми позициями. Занять угловое здание означало раскрыть двери квартала. Поэтому борьба за квартал начиналась, как правило, сосредоточенным напряженным боем за угловые дома. А как только эти опорные пункты прекращали сопротивление, бой сразу распадался на мелкие очаги. Пехота быстро штурмовала дом за домом и вскоре выходила к следующему кварталу.

Зато и взять угловое здание стоило немалых усилий. Защищенное проволокой и минными полями, снабженное многочисленными пулеметными амбразурами и бойницами, оно представляло собой как бы небольшую цитадель. Нужно было проявить много упорства, находчивости и отваги, чтобы под ураганным огнем врага штурмом овладеть подобной маленькой крепостью.

Такая четырехэтажная крепость на одной из западных окраин столицы встала на пути солдат лейтенанта Руднева. Дом стоял на краю площади. Руднев попробовал атаковать его в лоб, потом справа, слева. Все было напрасно. Из окон всех этажей пулеметы покрывали площадь веером огня. Пули свистели так часто, что продвинуться не удавалось ни на метр.

Офицер стал дожидаться сумерек, тщательно обдумывая план атаки. Когда над площадью спустилась ночь, солдаты разбились на несколько групп, во главе которых стояли самые испытанные воины — коммунисты и комсомольцы. Под покровом темноты штурмовые группы двинулись к дому. Каждый из солдат заранее твердо знал все, что предстоит ему делать. Пехотинцы ползли, прижимаясь к камням мостовой, и неподвижно замирали всякий раз, как над площадью взлетала вражеская ракета. Потом разом в окна дома полетели гранаты, затрещали выломанные двери, и в ответ на беспорядочный стук пулеметов внутри здания раздались автоматные очереди. Застигнутый врасплох гарнизон врага отчаянно защищался, но был почти целиком перебит. Только в двух первых этажах дома солдаты Руднева захватили одиннадцать немецких пулеметов.

Несколькими часами позже, на рассвете, в соседнем квартале к такому же укрепленному дому подошел отряд лейтенанта Якименко. Вместе с пехотинцами здесь действовали три артиллерийских орудия. Но разрушить дом сна-

рядами не удалось, так как стены были слишком толсты. Якименко пустился на хитрость.

Поставив пушки на хорошо укрытые позиции, он приказал артиллеристам непрерывно обстреливать верхние этажи здания, затрудняя противнику наблюдение. В то же время группа солдат во главе с сержантом Рыбалко начала осторожно пробираться с тыла через густые заросли сада, примыкавшего к дому. Немцы, введенные в заблуждение обстрелом, ожидали атаки в лоб. Этим и воспользовался Рыбалко. Неожиданно для противника его солдаты ворвались в дом со стороны сада. Пока часть этой группы гранатами очищала комнаты первого этажа, другие пехотинцы сразу же кинулись наверх. В несколько минут сопротивление фашистов было сломлено.

Но так случалось не всегда. Нередко угловой дом оказывался так сильно укреплен, что все попытки штурма терпели неудачу. Тогда в ход шла взрывчатка.

Маленькая штурмовая группа ефрейтора Другова напрасно пыталась атаковать массивное здание, где засели три десятка врагов, вооруженных пулеметами и автоматами. На помощь стрелкам подоспели артиллеристы. Однако и они не имели успеха. Снаряды откалывали куски стен, но пробить дом не могли. Окна и двери здания были заложены камнем, и Другов ясно видел, что решительный штурм может дорого обойтись. Надо было прибегать к крайним мерам.

Трое смельчаков — пулеметчик Кудла и его друзья автоматчики Поляков и Евтисов — пробрались в соседний дом. Перебегая от окна к окну, появляясь то в одном, то в другом этаже, они открыли огонь по амбразурам углового здания. У немецкого гарнизона создалось впечатление, что в соседнем доме засел крупный отряд советской пехоты. Весь огонь противник перенес сюда. А этого только и ждал Другов. Захватив с собой ящики со взрывчаткой, он и два других солдата незаметно подползли к дому. Поджечь бикфордов шнур было делом одной секунды. Пехотинцы опрометью кинулись прочь. Громкий удар взрыва колыхнул землю, стены здания зашатались и с грохотом рухнули, похоронив под развалинами весь вражеский гарнизон. Путь в соседние улицы был свободен.

Бой разгорался по всей линии штурма с возраставшим ожесточением. Пехота рвалась к центру города, атакуя квартал за кварталом. Здесь и там группы наших танков,

протаранив оборону немцев, смело устремлялись вперед, появлялись в тылу противника и парализовали его сопротивление. В первые дни января таким глубоким броском танков была взята укрепленная насыпь железной дороги на окраине Будапешта.

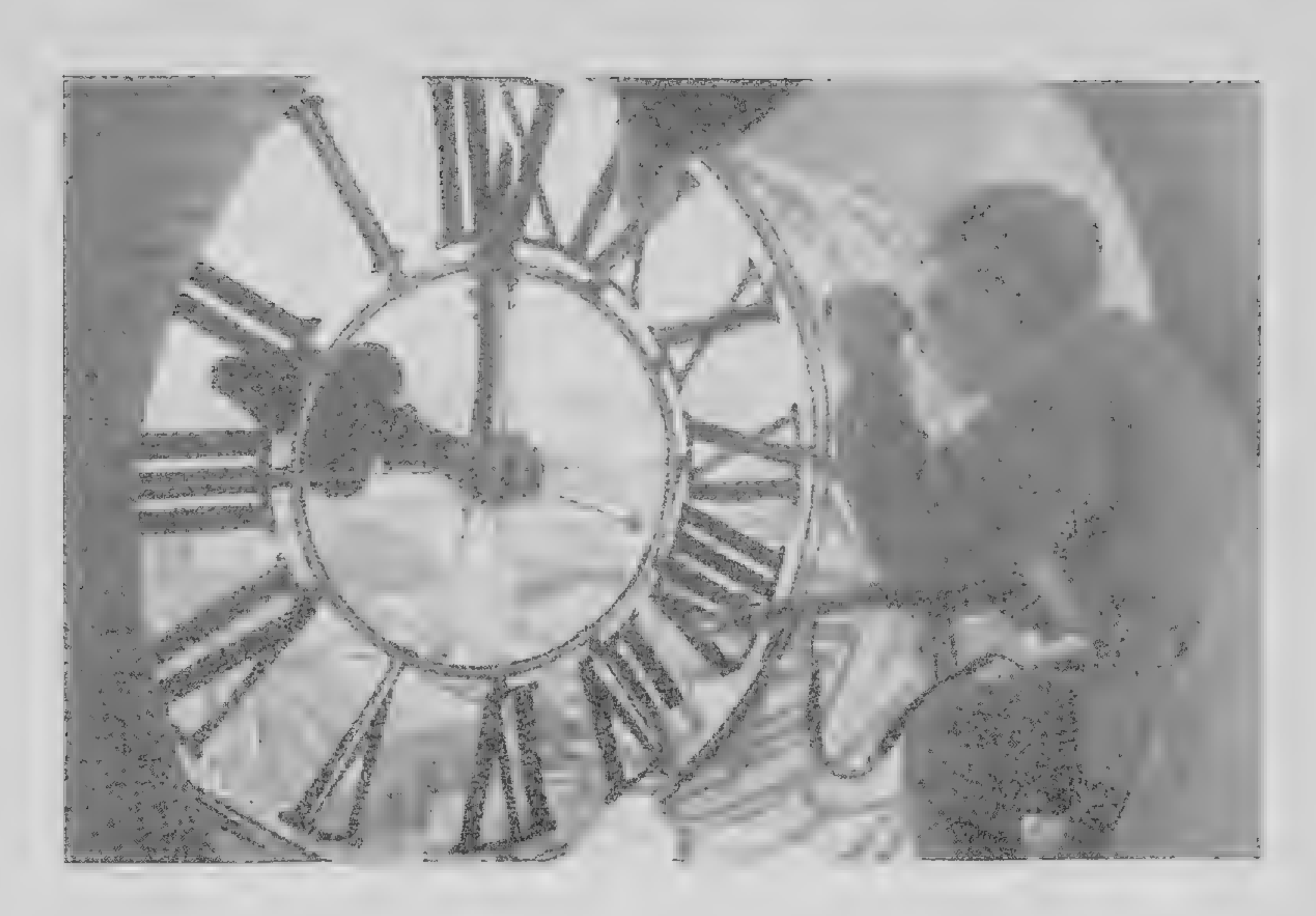
Немецким инженерам этот участок казался особенно надежным. Прежде чем приблизиться к железной дороге, танкам надо было подавить огонь искусно замаскированных батарей, преодолеть противотанковые рвы, минные поля и форсировать несколько ручьев с укрепленными берегами. Перед самой насыпью тянулась пятидесятиметровая густо минированная полоса, за которой ощетинилось колючками проволочное заграждение в пять кольев. Разрушать эту оборонительную систему предстояло под непрерывным огнем немецких пушек и пулеметов, которые были тщательно укрыты в насыпи.

Наконец, если все же танкам удалось бы вырваться на железнодорожную линию, то, спускаясь по другую сторону насыпи, машины попали бы в новый противотанковый ров. Этот ров, шириной в пять и глубиной в три метра, был наполнен водой, а края и дно его заминированы.

Насыпь пришлось брать двум танковым ротам из батальона майора Виктора Ополовнина. Одной из этих рот командовал энергичный, решительный офицер старший лейтенант Рыбалко, мастер дерзких танковых прорывов в тыл врага.

Глухой ночью танки Рыбалко сосредоточились на окраине пригородного села Мадьород. Едва забрезжил бледный январский рассвет, как красная искорка ракеты взлетела в небо и машины ринулись на окопы немцев. Танки с ревом вынеслись из-за домов и на предельной скорости устремились прямо туда, где наши разведчики засекли расположение артиллерийских и минометных батарей врага. Немецкие артиллеристы не успели опомниться. Их огневые позиции были засыпаны снарядами, а затем танки ворвались прямо в орудийные окопы, уничтожая гусеницами и огнем вражеские пушки и солдат. В коротком бою танкисты подавили пять батарей и, через брешь, пробитую в неприятельской обороне, ушли в тыл противника, не дожидаясь задержавшейся пехоты.

Рыбалко пробивался вперед. Когда двигаться дальше без пехотинцев стало опасно, танкисты заняли оборону и в течение 20 часов отбивали все контратаки немцев, пока

Наблюдатель

на помощь не подоспели стрелки. Затем последовал новый рывок. С хода овладев тремя укрепленными возвышенностями и форсировав три речки, танки Рыбалко вышли к широкому противотанковому рву.

Впереди из домов пригородного поселка враг, не переставая, вел огонь. Минное поле преграждало дорогу ко рву. А пехота еще вела бой где-то сзади.

Офицер, не медля, решил форсировать ров. Часть танков, ловко маневрируя, принялась беглым огнем обстреливать поселок. В это время люки других машин открылись и танкисты под пулями врага бросились расчищать проходы в минном поле. Час спустя через ров перекинулся бревенчатый помост. Промчавшись по улицам поселка, танки Рыбалко вырвались к насыпи.

Этот участок железной дороги еще работал. По линии шел, посвистывая, контрольный паровоз. Вслед за ним, натужно пыхтя, два других локомотива тащили тяжело нагруженный эшелон. Командирский танк, развернув пушку, выстрелил. На месте головного паровоза к небу взлетело огромное облако пара. Вагоны залязгали, и эшелон стал как вкопанный. Из бетонных труб, проложенных под насыпью, застучали немецкие пулеметы.

Бой за насыпь, упорный и злой, шел несколько часов. Уже к концу дня, когда последняя машина сползла по ту сторону рельсов и, грохоча по бревнам настила, переехала ров, Рыбалко, поставив свой танк у стены ближайшего дома, вылез из люка.

— Подождем пехоту,— сказал он танкистам.

И заметив группу наших штурмовиков, появившихся с востока, приказал:

— Дайте ракету. А то мы далеко зашли. Как бы самолеты за немцев не приняли.

Красная звездочка, оставляя дымный хвост, взвилась в морозное небо. Понимающе покачав крыльями, штурмовики пронеслись над головами танкистов и пошли на Чепель.

Чепель в эти дни был главной целью нашей авиации. Враг особенно яростно оборонялся здесь, стараясь во что бы то ни стало удержать в своих руках этот промышленный район Будапешта. Его значение для окруженной группировки было исключительно велико.

Остров Чепель — узкая и длинная полоса земли, зажатая между двумя дунайскими рукавами. Это один из самых крупных островов на всем огромном протяжении Дуная. Начинаясь у южных пригородов Пешта и Буды, Чепель почти на пятьдесят километров тянется вдоль реки, выходя далеко за пределы столицы.

Здесь и там на территории острова разбросаны небольшие местечки, где живет около 25 тысяч человек. Но сердце Чепеля составляют его заводы. Тут повсюду высятся массивные, непомерно длинные заводские корпуса, слышен грохот металла и вечно дымят трубы. Чепель — это огромная мастерская Будапешта и его мощный военный арсенал.

Но с каждым днем дымящих труб становилось все меньше. Круглые сутки наши самолеты висели в небе над этим районом Будапешта. С грозным гудением по утрам подходили к Чепелю отряды «Ильюшиных». Не обращая внимания на злобное тявканье немецких зениток, штурмовики, держа строй, проходили над островом. Высмотрев цели, они разворачивались и заводили в небе свою «карусель». Черные столбы земли и дыма вставали среди заводских строений, с глухим раскатистым грохотом рушились здания цехов, или высокая фабричная труба медленно клонилась набок и вдруг падала, разломившись на несколько

частей и оставив в воздухе тающее облачко дыма. А штурмовики, сбросив запас бомб, резко снижались и, со свирепым ревом, на бреющем полете, проносились над островом, расстреливая из пушек военные объекты врага.

С наступлением темноты «Ильюшиных» сменяли ночные бомбардировщики. Словно люстры, зажженные невидимой рукой в темной высоте неба, повисали гирлянды осветительных ракет. Остров дрожал от грохота, и ночь над Чепелем превращалась в день, освещенная с неба ярким мерцающим светом ракет, а с земли — красноватым, колеблющимся отблеском пожаров.

На Чепеле дралась и наша пехота. Еще в те дни, когда шли бои на подступах к городу и кольцо вокруг Будапешта не было замкнуто, стрелковое подразделение офицера Чеботарева высадилось на остров. Лихим ударом пехотинцы выбили немцев с территории крупного авиазавода, но дальше продвинуться не смогли. Все пути, ведущие к основной группе чепельских заводов, противник закрыл мощными укреплениями. Тут были и многочисленные доты, и минные поля, и проволока с током высокого напряжения. Наступать в лоб на эти укрепления не было никакого смысла, и солдаты Чеботарева, закрепившись на захваченном плацдарме, на время перешли к обороне, ограничиваясь перестрелкой с немцами. Было ясно, что враг вскоре вынужден будет сам оставить свои позиции на острове.

Так и случилось. Когда на обоих берегах Дуная наши войска продвинулись достаточно далеко вперед и заняли окраинные районы столицы — Кошутфалва и Кишпешт, над чепельским гарнизоном нависла серьезная опасность. Остров оказался как бы в мешке, и стоило только нашим частям выйти к мосту, соединяющему Чепель с Будапештом, этот гарнизон попал бы в окружение. Боясь такого исхода, немцы поспешно отвели свои войска с Чепеля, предварительно успев взорвать многие заводы.

Оборонять остров был оставлен один венгерский салашистский полк. Для пущей надежности, чтобы заставить салашистов «проявить стойкость», немцы, закончив отход, тотчас же взорвали Чепельский мост. Уныло поглядывая вслед удравшим «союзникам», приспешники венгерского «фюрера» стали готовиться к наступлению советских частей на остров.

В самом деле вскоре наша пехота пошла в атаку. Но вместо того, чтобы штурмовать укрепления противника

в лоб, как ожидали того салашисты, советские стрелки двинулись по окраинам, вдоль берегов Дуная, с двух сторон обтекая позиции врага. Все попытки салашистов задержать это продвижение ни к чему не привели. Советские стрелки решительно отбрасывали контратакующего противника, обходя его главный оборонительный рубеж. Результат мог быть один — полное окружение и разгром чепельского гарнизона. И салашисты сложили оружие.

На острове были захвачены десятки заводов, большие запасы сырья и готовой продукции, которые противник не успел уничтожить.

Уже на другой день после освобождения острова к чепельским заводам стали стекаться жители ближних местечек и предместий Будапешта — Дунахарасти, Такшони, Сентпештэржебета. Это были чепельские рабочие — пролетарский костяк венгерской столицы. Первыми приходили обычно старики, которые долгие годы работали на предприятиях Чепеля и теперь хотели увидеть, что сталось с заводами и цехами, где они провели почти всю жизнь.

Поодиночке или группами они ходили по цехам уцелевших предприятий, смотрели, прикидывали, какой потребуется ремонт, совещались между собой. Другие, стоя у полуразрушенных во время боев или взорванных немцами корпусов, горестно покачивали головами, думая, что, видно, не скоро придется им войти в прежний цех, стать на привычное место у станка.

Бывало к такому понуро стоящему у развалин венгру подходил наш солдат — один из саперов, занимающихся разминированием острова. С помощью жестов и немногих понятных обоим слов боец завязывал разговор с мадьяром.

— Пролетар? — спрашивал солдат.

— Пролетар! — подтверждал венгр, дружески улыбаясь. И знаками показывал, что он, мол, работал до войны вот на этом самом заводе, взорванном немцами и лежащем сейчас перед ним в руинах. Сапер понимающе, сочувственно кивал:

— Да, брат, все он, гад, порушил. Я вот тоже пролетар,— тыкает он себя в грудь.— Понимаешь, в Сталинграде, на тракторном заводе работал...

— О-о, Сталинград,— с почтением говорит венгр.

— Вот, вот... тракторы мы там делали. Тоже подчистую немец разрушил завод. Почище этого. А теперь

Авиастроительный завод, захваченный нашими войсками на острове Чепель

вот, жинка пишет, строят во-всю. И вы тут отстроите за милую душу... Эх, как бы это тебе объяснить?

И солдат жестами изображает, как встанут на месте этих развалин новые корпуса, загудят станки, забьет опять ключом кипучая заводская жизнь. Так красноречивы эти жесты сталинградского паренька, что вся картина будущего, ощутимая, реальная, встает перед глазами рабочего-венгра. Сила, уверенность, с которой говорит русский, так заразительна, что она невольно передается его собеседнику даже в незнакомых, непривычных для уха мадьяра, словах. И рабочий с Чепеля громко и радостно смеется и благодарно трясет руку солдата.

— То-то, друг,— говорит боец.— А ты унываешь. Ты — рабочий, я — рабочий... Разве ж такая сила есть, чтоб рабочего человека сломила? Гляди!

Он хватает руку венгра, поворачивает ее ладонью кверху и рядом ставит свою ладонь. Мадьяр недоумевающе, вопросительно глядит на солдата. И вдруг его осеняет догадка.

Мозоли! Вот они на руках обоих. Желтые твердые бугры на трудовой ладони венгра и черная от земли жест-

кая рука сапера, где на прежних рабочих мозолях уже выросли новые — следы тяжелого ратного труда.

— Понял? — радостно спрашивает сапер.— Ведь мы такими-то руками, чего хочешь сделаем. Думаешь, после гражданской войны нам легко было строить. На субботники выходили. Сталинские пятилетки выполняли...

— Ленин... Сталин...— радостно произносит мадьяр, услышав знакомое имя. И это имя словно вливает в него новую веру в будущее, в светлый завтрашний день.

Сапер, пожав венгру руку и вскинув на плечо миноискатель, идет дальше, а мадьяр долго машет ему вслед рукой и поднимает к голове сжатый кулак — знак пролетарского единения. И руины эти уже не кажутся ему такими страшными. Завод будет! А сейчас... сейчас хорошо уже то, что немцы лишились его.

В эти дни противник лишился не только заводов Чепеля. Во всех пригородах столицы находились сотни различных предприятий. Некоторые из них, наиболее важные в военном отношении,— были разрушены авиацией и артиллерией, другие взорваны при отступлении немцами. Но все же многие заводы и фабрики враг не успевал вывести из строя, и наша пехота, продвигаясь к центральным кварталам, ежедневно занимала все новые промышленные предприятия Будапешта.

Будапештские заводы немцы защищали особенно ожесточенно. Заводская территория, окруженная обычно толстой каменной стеной, защищенная массивными воротами, почти всегда представляла собой целый укрепленный район. Во дворе были сооружены доты с бетонными куполами. С крыш и из окон заводских строений во все стороны глядели пулеметы. В фабричных трубах гнездились тщательно замаскированные снайперы. А под корпусами цехов уже были заложены тонны взрывчатки, готовые ежеминутно превратить завод в груду развалин. Только внезапные и стремительные атаки наших штурмовых групп порой спасали ценнейшие предприятия Будапешта от бессмысленного разрушения.

Дерзким броском пехотинцев была захвачена текстильная фабрика «Дренер-Гагенмахер». Враг не успел разрушить ее. Если не считать оконных стекол, выбитых взрывами бомб, на фабрике все уцелело. Блестели прибранные

станки, со шпулек ватера спускались заправленные нити. Казалось, что в этих цехах наступило время обеденного перерыва и что вот-вот вернутся люди и помещения снова наполнятся шумом станков и гудением электромоторов. И в самом деле, из ближайшего дома прибежал запыхавшийся старик-венгр и, волнуясь, стал объяснять с помощью жестов, что двести рабочих и семеро мастеров, которые прячутся от обстрела в соседних подвалах, готовы хоть завтра вернуться в цеха на работу.

В другом районе таким же молниеносным штурмом был занят завод, где собирали моторы для самолетов «мессершмитт». Все цеха этого предприятия находились под землей. Спустившись в подземные залы, советские воины увидели десятки новых моторов, подготовленных немцами к отправке. Молодой солдат, закинув за плечо еще горячую от выстрелов винтовку, хозяйской рукой поглаживал блестящую сталь мотора и с довольной улыбкой говорил товарищам:

— А может, они и для наших ястребков сгодятся? Как полагаете, ребята?

— Что у нас своих нехватает, что ли? — возмущенно возражал ему другой.— Наши-то, советские, получше будут. А эти на трофейную выставку сгодятся.

Порой стремительность нашей пехоты казалась совершенно непостижимой для противника. В первых числах января группа гвардейцев после беспрерывных трехдневных боев выбила неприятеля из шести линий траншей, сумела обезвредить проволочное заграждение, через которое был пропущен электрический ток, и заняла огромное здание на площади. Здание оказалось станцией водоснабжения. В то время как солдаты осматривали дом, в одной из комнат зазвонил телефон. Гвардии рядовой Иван Терещенко взял трубку и услышал громкие немецкие ругательства. К телефону позвали переводчика. Выяснилось, что звонит немецкий обер-лейтенант из какого-то штаба. Немец настойчиво задавал один и тот же вопрос: «Почему нет воды?» и грозил, что если тотчас же вода не будет подана, он пришлет на станцию отряд «СС», который перестреляет всех «паршивых мадьяр».

Немцу отвечал через переводчика Терещенко. Хотя гвардеец не спал уже трое суток и едва удерживал закрывающиеся веки, он, как истый украинец, оценил весь

юмор положения. Под оглушительный хохот товарищей, он с комически серьезным видом говорил переводчику:

— Скажи, эсэсовцев нехай присылает — ожидаем. А воды пока нема. Пусть потерпит денька три, пока в Дунай спихнем. Там напьется.

Чем ближе подходила к центру города советская пехота, тем сильнее становилась неприятельская оборона, тем яростнее сопротивлялся обреченный враг. Но и натиск наших частей все время усиливался. В день нового года Советское Информбюро сообщило о занятии 200 будапештских кварталов. 5 января пехотинцы очистили за день уже 233 квартала, 9 января — больше 350, а на следующий день эта цифра перешагнула за тысячу. Городские районы Уйпешт, Ракошпалота, Кишпешт, Пештсентэржебет, Кошутфалва были взяты нашими войсками. Крупные заводы, склады, ангары, подземные хранилища немцев — все это постепенно оставалось в нашем тылу по мере продвижения штурмовых групп. Только в большом промышленном районе Кобанья наши части заняли 182 завода. Многочисленные предприятия были захвачены в других частях Пешта и Буды. На Дунайском острове Обудай получили долгожданную свободу 500 югославских и польских рабочих, которых немцы содержали в большом лагере. Истомившиеся за колючей проволокой, изнуренные голодом и непосильным трудом, эти люди со слезами восторга встречали своих освободителей. Радостные крики «виват» и «живио» звучали над островом, заглушая шум удаляющегося боя. Наших солдат обнимали и целовали, их принимались качать, бережно подхватывая на руки. Толпа югославов и поляков обступила молоденького советского лейтенанта. Все говорили наперебой, мешая друг другу, и каждый требовал, чтобы ему дали винтовку, объясняя, почему именно он должен сейчас же итти и бить немцев. Офицер смеялся и возражал:

— Итти в бой вам нужды нет. Мы и без вас тут отлично справимся. Лучше ступайте-ка, друзья, отдохните, комендант вас накормит, а потом поезжайте к себе домой — там вам дел хватит.

В ответ гремели возгласы «Живио Сталин!», и раскрасневшийся лейтенант, придерживая кобуру с пистолетом, взлетал высоко над головами толпы, подбрасываемый десятками дружеских рук.

А по разрушенным окраинным улицам Буды и Пешта уныло брели в тыл толпы пленных в обтрепанных грязных шинелях, в пилотках и в шляпах, в драных одеялах, накинутых на плечи, в опорках на ногах. Шли немцы, шли салашисты со значками «скрещенных стрел» на рукавах.

Бои приближались к центру. В начале второй декады января штурмовые группы гвардейцев ворвались в городской парк Варошлигет и на кладбище Керепеши, за которыми начинались центральные улицы Пешта.

«БУДАПЕШТСКИЙ КОТЕЛ»

Окружение гитлеровских войск в Будапеште получило у немцев название «будапештского котла».

В этом «котле» находилась огромная группировка врага, насчитывавшая больше 170 тысяч солдат и офицеров. Несколько сот танков и самоходок, почти две тысячи орудий и минометов, пять с лишним тысяч автомашин — таковы были вооружение и техника, которыми располагали окруженные. В распоряжении немцев были многочисленные склады с боеприпасами, продовольствием, горючим и мощные будапештские заводы. Значительная часть этих заводов и складов находилась в глубоких бетонированных подземельях, неуязвимых даже для тяжелых авиабомб. Таким образом, дивизии врага, запертые в столице Венгрии, обладали большими возможностями для длительного сопротивления.

Вдобавок немцы приняли все меры, чтобы бесперебойно снабжать «котел» по воздуху. Будапештский аэродром, два городских ипподрома, посадочные площадки на Чепеле, в Буде и в других районах в первое время каждую ночь принимали и отправляли десятки транспортных самолетов «Юнкерс-52» с грузами.

Немецкие войска составляли большинство окруженных. Вместе с ними Будапешт обороняли несколько поредевших и наполовину разбежавшихся венгерских дивизий и полков. Вооруженные отряды салашистов дополняли вражеский гарнизон.

Немцы были полными хозяевами города. Они расположились на господствующих высотах Буды, заминировали

мосты через Дунай, выставили свою охрану у всех важных пунктов города. Все руководство обороной венгерской столицы немецкое командование взяло в свои руки.

Когда кольцо вокруг Будапешта замкнулось, Гитлер отдал приказ защищать город до последнего солдата. Окруженным войскам было объявлено, что в ближайшее время крупные силы немцев прорвутся к ним на помощь. Гитлеровские пропагандисты из ведомства Геббельса тотчас же развернули бешеную деятельность, крича о «стойкости» и «верности фюреру». Чтобы поднять дух гарнизона венгерской столицы, они даже принялись выпускать для своих войск специальную «оптимистическую» газету, которая называлась «Известия будапештского котла».

Но в «котле» оказались не одни лишь немецко-венгерские войска. Город был переполнен гражданским населением. Здесь находились не только коренные жители столицы. В дни боев на востоке Венгрии немцы насильно заставляли крестьян и горожан «эвакуироваться» из восточных районов. Согнанные с обжитых мест, эти люди шли пешком на запад, везя на тачках свой скарб, неся на руках детей. Многие из них пришли в Будапешт и остались там. Несмотря на все приказы Салаши об эвакуации жителей столицы, население города к моменту окружения достигало полутора миллионов человек.

Все продовольственные запасы «котла» находились в руках немцев, но они отнюдь не собирались быть щедрыми с гражданским населением. До нового года продовольствие распределялось по карточкам. Первое время каждый житель города получал по 200 граммов хлеба в день, затем паек был урезан вдвое и, наконец, норма была снижена до 50 граммов на человека. С нового года прекратилась даже эта выдача, и гражданское население было предоставлено самому себе. Люди могли рассчитывать только на собственные запасы продовольствия. Но запасов почти никто не имел. Начался голод.

Хлеба не было. Зато немцы и салашисты стали усиленно пичкать население своей пропагандой. Стены домов пестрели всевозможными плакатами и призывами. Салашисты призывали мужчин вступать в отряды «Скрещенных стрел»; объявляя о мобилизации гражданского населения на работы, они требовали, чтобы жители города сдавали теплые вещи и... продовольствие. С каждым днем таких приказов и призывов выпускалось все больше.

Впрочем, читать их было почти некому. Как только первые советские снаряды разорвались где-то в промышленном районе Кобанья, улицы города обезлюдели. Будапешт замер и затих. Вся жизнь столицы опустилась под землю.

Будапешт — город подземелий. На его улицах нет почти ни одного дома, под которым не тянулась бы обширная сеть подвальных помещений. В эти подвалы или, как их называют венгры, «бункеры» спустилось население осажденной столицы.

Фабрикант и рабочий, крупный биржевик и мелкий чиновник,— все они, спасаясь от бомб и от снарядов, переселились в подземелья. Но и тут под землей был не менее разительный контраст между богатыми и бедными, контраст роскоши и нищеты. Бункеры отличались друг от друга так же, как виллы на проспекте Андраши отличались от рабочих кварталов предместий.

Некоторые из этих подвальных убежищ можно было назвать шикарными. Здесь на дверях у входа рядом с кнопкой электрического звонка висела золоченая табличка с фамилией обитателя. Подвальные аппартаменты были залиты электрическим светом, затянуты коврами. Тут звучало радио, можно было найти даже телефон. Тот, кто жил в подобном бункере, не нуждался в продуктах,— в подвальной кладовой были и мешки с мукой, и копченые окорока, и запасы отборных вин.

Но огромное большинство будапештских подвалов выглядело совсем иначе. Это были вонючие, сырые подземелья, где в спертом воздухе трудно было дышать, где со стен сочилась вода и под ногами хлюпали смрадные лужи. При тусклом свете коптящих плошек здесь можно было видеть на кое-как сколоченных нарах полусгнившую солому и людей, спавших вповалку. Здесь тень голода лежала на всех лицах, тут раздавался плач детей и стоны больных. Отсюда нередко выносили наверх трупы умерших от истощения.

Люди старались не выходить на поверхность земли. Там гремели разрывы снарядов и бомб, бушевали пожары. Да и незачем выходить, раз нельзя достать продовольствия. Надо было как можно дольше растянуть последние оставшиеся крохи хлеба. К тому же салашистские патрули беспрерывно рыскали по улицам. Мужчин, невзирая на возраст, тотчас же забирали в отряды. Женщин застав-

ляли итти строить новые укрепления или, работая под огнем, засыпать землей воронки на посадочных площадках для самолетов. Поэтому редко кто из жителей города отваживался покидать свои неприглядные подземные жилища.

В эти дни тысячи людей, сидя в будапештских подвалах и настороженно прислушиваясь к грохоту сражения, происходящего наверху, с тоской и надеждой повторяли:

— Скорее бы приходили русские!

Между тем, силы будапештской группировки быстро таяли. Дивизии немцев и салашистские отряды несли невосполнимые потери. Каждый день десятки городских кварталов переходили в руки советских войск, сотни убитых и раненых оставались на поле боя и колонны пленных непрерывно шли в наш тыл.

Салашисты пытались пополнять эти потери за счет гражданского населения. Они устраивали «охоту» на улицах, обыскивали подвалы. Они «мобилизовывали» всех, кто держался на ногах: от подростков-мальчишек до глубоких стариков. Каждый такой «рекрут» немедленно получал в руки винтовку и, как был, в пальто и шляпе, отправлялся на передний край.

Но и такая «тотальная мобилизация» на германский манер не спасала положения. Новобранцы только и ждали случая, чтобы сдаться в плен либо дезертировать. Дезертирство приняло угрожающие размеры и в регулярных венгерских войсках. Множество солдат скрывалось в подвальных убежищах Будапешта. Даже из отборных частей ежедневно убегали десятки солдат, несмотря на все меры предосторожности. Когда пришлось бросить на оборону города королевский батальон мадьяр, который нес охрану правительственных зданий, немцы влили в него много своих пехотинцев. Но и после этого за три дня боев из батальона дезертировала одна пятая его состава. Был издан приказ о том, что, если солдат самовольно оставит свою позицию, его семья будет расстреляна. Однако не помогло и это. Дезертирство росло.

Все чаще между немецкими и венгерскими солдатами происходили резкие столкновения. Гитлеровцы, привыкшие на любой народ смотреть как на своих рабов, относились так же нагло и презрительно к своим союзникам венгерской национальности. На этой почве в будапештском «котле» вспыхивали нешуточные междоусобицы.

В одном из районов Пешта несколько пьяных эсэсовцев, решив «поразвлечься» в перерыве между боями, ворвались в подвал, где прятались мирные жители, и учинили насилие над женщинами. На шум к дому прибежали солдаты венгерской роты, которая стояла неподалеку в обороне. Салашистский унтер-офицер попытался уговорить «германских союзников» утихомириться, но в ответ на свои доводы получил от эсэсовца удар автоматом по голове. Возмущенные мадьяры бросились на выручку к товарищу. В подвале закипела драка, а потом раздались и выстрелы. Подошла подмога к эсэсовцам, подбежали еще венгры, и около дома произошел настоящий бой.

Наши пехотинцы, действовавшие на этом участке, с недоумением прислушивались к ожесточенной стрельбе, вспыхнувшей в тылу у врага. Стрельба эта постепенно приближалась, и, наконец, из-за домов показались венгерские солдаты, которые, отстреливаясь от кого-то, отступали в нашу сторону. Пехотинцы уже готовы были открыть огонь, когда мадьяры стали кричать «Рус, плен!», «Рус, не стреляй!» Почти вся венгерская рота, отбиваясь от эсэсовцев, перешла на нашу сторону и сложила оружие, единодушно кляня «проклятых немцев». Последние из мадьяр перебегали к нашим позициям уже под прикрытием огня советской пехоты, заставившей эсэсовцев залечь.

Командир нашего подразделения, узнав, в чем дело, тотчас же воспользовался благоприятной обстановкой и поднял своих солдат в атаку. Эсэсовцы были смяты, и наши стрелки заняли несколько кварталов, прежде чем немцы успели подбросить подкрепления на участок, обнаженный сдавшейся в плен ротой.

С каждым днем противник все острее ощущал нехватку боевой техники. С потерей заводов получать новую технику стало неоткуда. Особенно болезненно почувствовали это немцы, когда нашими частями был занят крупный завод «Гофхер Шранц». Он был приспособлен для сборки танков и выпускал до 50 машин в день. После захвата этого завода немецкая мотодивизия осталась всего при 15 исправных танках. Первая танковая дивизия, которая раньше имела в своем составе танковые части и механизированный полк, теперь состояла всего из 900 активных штыков и 7 танков.

Но и эти машины не были обеспечены горючим. Огромные будапештские склады нефти и бензина были либо по-

„Воздушные посылки" — кассеты с боеприпасами, сброшенные немцами на парашюте и попавшие в расположение наших частей

дожжены снарядами и бомбами, либо захвачены нашей пехотой. Советские войска заняли и крупнейший нефтеперегонный завод. Оберегая свои последние танки, немцы бросали их в контратаки лишь в самых крайних случаях. Обычная же трусливая тактика немецких танкистов состояла в том, чтобы выскочить на перекресток или на площадь, дать несколько выстрелов и тотчас же скрыться за углом. Но и тут этих «бронированных налетчиков» частенько подстерегали наши орудия, всюду сопровождавшие пехоту.

Захват советскими пехотинцами многочисленных складов заставил немцев экономить и снаряды. Для многих батарей они вынуждены были ввести строгий рацион. Так, например, артиллерийская бригада, стоявшая на охране ипподрома, получила приказ стрелять только по видимым целям. Вскоре точный огонь наших артиллеристов вывел из строя большинство орудий этой бригады. На ипподроме осталось лишь две батареи. Потом и они были разбиты. Тогда артиллеристов вооружили автоматами и винтовками, превратив их в пехотинцев.

Первое время немцы перебрасывали окруженным много боеприпасов воздушным путем. Но уже в начале января аэродром и два ипподрома, на которых садились транспортные самолеты, были заняты советской пехотой. Другие посадочные площадки, оборудованные в городе, были пристреляны нашей артиллерией, и немецкие летчики редко рисковали итти на посадку. Они предпочитали сбрасывать грузы на парашютах. Нередко такие «воздушные подарки» попадали в расположение наших войск, и советские артиллеристы использовали немецкие снаряды, стреляя из пушек, захваченных у врага. Однажды большой ящик с минами, сброшенный на парашюте, опустился прямо в кузов нашего грузовика. Шоферу пришлось лишь включить мотор и отвезти боеприпасы на склад трофеев.

Обеспечить снабжение своих окруженных войск воздушным путем противнику не удавалось. Мало-помалу пустели будапештские склады боеприпасов. Не по дням, а по часам сжималось кольцо окружения, удары советских войск нарастали.

Положение войск в «котле» становилось все более критическим. 9 января наши радисты перехватили шифрованную радиограмму командования окруженной группировки немцев. Радиограмма была расшифрована. Она гласила:

«В течение трех суток вас не слышу. В отчаянии, так как все время нахожусь под угрозой смерти. Делаем все, чтобы поддерживать связь. Положение отчаянное.

В Офен Штолили Пешт русские заняли новые районы. Ремхплац, на котором приземлялись самолеты со снабжением, занят.

Венгерское командование направило Салаши ультиматум о том, что не позднее сегодняшнего дня надо что-либо предпринять, так как больше держаться невозможно».

Но и этот призыв из Будапешта не нашел отклика в Берлине. Вопреки всякому здравому смыслу окруженным войскам приказывали сражаться. Гитлеровское командование попрежнему высокомерно не желало считаться ни с потерями своих войск, ни с теми страданиями, которые переносили жители венгерской столицы.

Гражданское население в центральных районах Пешта и Буды, брошенное немцами на произвол судьбы, терпело особенно тяжкие лишения. Огромные продовольственные склады находились в распоряжении немецких властей. Здесь было вполне достаточно продуктов, чтобы полностью

удовлетворить на долгое время все нужды и войск, и населения. Но немцы держали эти склады на замке.

В бункерах Будапешта царил голод. Каждый день смерть уносила десятки жертв. Доведенные до отчаяния люди выбирались наружу и бродили под огнем в поисках съестного. Если на улице снарядом убивало лошадь — труп тотчас же окружала целая толпа. В одно мгновение, тушу убитой лошади разрывали на части.

Нехватало даже воды. Будапештский водопровод не работал. В бункерах дети, плача, повторяли пересохшими губами одно и то же слово:

— Виз! Виз! (Воды! Воды!)

Женщины выходили на улицу и собирали горстями грязный снег. Но зима в Будапеште немногоснежная, и лишь в редкие дни обитатели подвалов могли вдоволь напиться.

А в то время, как в подземельях города хозяйничали голод и смерть, наверху, в покинутых квартирах, хлопали пробки и орали пьяные эсэсовские офицеры. Это был пир во время чумы.

* * *

Между тем, на освобожденной территории Венгрии происходили важные политические события, ставшие великим поворотным пунктом в истории страны.

Прошлое венгерского народа — глубоко трагично. На протяжении нескольких сот лет этот свободолюбивый народ находился под властью жестоких иноземных захватчиков, под невыносимым гнетом своих собственных эксплоататоров — венгерских помещиков и буржуазии.

Больше двух веков длилось тяжелое германское иго. Немцы грубо и нагло хозяйничали в стране, грабили ее богатства, попирали все законы, унижали и оскорбляли достоинство народа. Несколько раз доведенные до отчаяния венгры поднимали восстания. В начале 18 века одно из таких восстаний, принявшее широкий размах, возглавил Ракоци. Но оно было безжалостно подавлено немцами при содействии венгерских феодалов.

Сто лет тому назад в 1848 году в Венгрии произошла буржуазно-демократическая революция, во главе которой встал Лайош Кошут. Революционные венгерские войска освободили почти всю территорию страны от немецких захватчиков. Национальное собрание, состоявшееся в городе

Дебрецене, объявило независимость Венгрии. Однако те же венгерские помещики и аристократы предали революцию. С их помощью немцы снова захватили страну.

Только в 1918 году, когда Австро-венгерская монархия Габсбургов, потерпев поражение в первой мировой войне, распалась,— Венгрия стала независимым государством. В стране была провозглашена буржуазная республика. Но буржуазное правительство вело предательскую реакционную политику, и возмущенный народ в марте 1919 года сверг его, установив в Венгрии Советскую власть. Казалось, теперь измученная страна воспрянет к новой свободной жизни.

Но венгерская советская республика просуществовала всего четыре с половиной месяца. По наущению Англии, Франции и Америки в страну вторглись румынские войска Антонеску. С их помощью венгерские белогвардейские банды Хорти жестоко подавили революцию. Миклош Хорти — «кровавая собака», как прозвал его народ, стал полновластным диктатором Венгрии.

Снова темная ночь опустилась над страной. Свирепствовал белый террор. Все, что завоевал народ в дни революции, было отнято у него. Хорти сначала сделался верным лакеем англо-французских империалистов, а позднее отдал Венгрию во власть Гитлера.

И, как прежде, сапог немца тяжело придавил страну.

Многие венгры в те дни потеряли веру в свое освобождение, с отчаянием глядя, как хозяйничают в стране гитлеровцы. Но лучшая передовая часть венгерского народа, авангардом которой была подпольная коммунистическая партия, понимала, что освобождения от фашистской тирании можно ждать только с востока. Эти люди твердо верили в то, что настанет день, когда гитлеровские орды будут разбиты и Советская Армия, вышвырнув из Венгрии немецких захватчиков, принесет стране долгожданную свободу. Эти надежды сбылись.

К концу 1944 года большая часть венгерской территории была уже освобождена от гитлеровцев. Наступило время позаботиться о будущем государственном устройстве страны.

В начале декабря в Дебрецене собралась инициативная группа венгерских общественных деятелей самых различных направлений. Группа эта решила обратиться к народу с призывом избрать депутатов во Временное Националь-

ное Собрание Венгрии, которому будет поручено образовать в стране Временное Национальное Правительство.

Этот призыв получил горячий отклик в массах венгерского народа. В течение одной недели с 13 по 20 декабря на всей освобождённой территории страны прошли выборы. Избранные делегаты тотчас же съехались в Дебрецен.

На одной из площадей Дебрецена стоит большое старое здание реформатского колледжа. В этом доме сто лет назад, в 1849 году, вождь венгерского национально-освободительного движения Лайош Кошут объявил о свержении немецкого господства и провозгласил Венгрию независимым государством. В этом же историческом помещении 21 декабря 1944 года открылось первое заседание Временного Национального Собрания Венгрии.

В зале колледжа собрались 230 делегатов, избранных на демократических началах в селах и городах страны. Здесь были рабочие из крупного промышленного города Мишкольц и крестьяне с задунайских сел, мелкие земельные собственники и служащие, писатели и ученые. Здесь были представители всех демократических партий, профсоюзов, городских и сельских самоуправлений, крестьянских союзов, местных национальных комитетов. Люди различных политических убеждений, национальности и вероисповеданий,— все они пришли сюда как избранники народа, чтобы решить будущую судьбу своей страны. И каждый из них чувствовал себя участником великого исторического события в жизни Венгрии.

В старом зале торжественно и строго звучали речи ораторов. Каждый из выступавших прежде всего обращался с прочувствованными словами благодарности к освободителю венгерского народа могучему Советскому Союзу и к великому вождю товарищу Сталину.

Собрание сформировало Временное Национальное Правительство Венгрии. Это правительство объявило Германии войну и обратилось с просьбой к СССР, Англии и США заключить перемирие. Были намечены также важные мероприятия по демократическому преобразованию Венгрии.

Во второй половине января 1945 года в Москве состоялось подписание перемирия между Венгрией и союзными державами. СССР, Англия и США приняли во внимание тот факт, что Венгрия вышла из войны, порвала все отношения с Германией и объявила ей войну. Венгерскому народу была предоставлена возможность внести свой вклад

в дело окончательной победы на гитлеризмом. Тем самым Венгрия могла заслужить себе место в семье демократических народов мира.

Впервые после многих лет страна выходила на путь свободного прогрессивного развития. Из развалин фашистского государства Хорти вставала новая демократическая Венгрия.

Но значительная часть страны попрежнему оставалась под игом немцев и салашистов. Предстояло с жестокими боями изгнать врага с этой территории. И раньше, чем двинуться в наступление, надо было еще отбить яростный натиск гитлеровских войск, которые пытались ударами извне выручить группировку, окруженную в Будапеште.

ДВА НЕМЕЦКИХ НАСТУПЛЕНИЯ

В первых числах января, когда сражение гремело еще на дальних окраинах венгерской столицы, салашисты расклеивали на обезлюдевших центральных улицах крикливые плакаты. Населению города объявлялось, что сам Гитлер ведет крупные силы немецких войск на выручку окруженной группировке.

В самом деле, к северо-западу от венгерской столицы в первых числах января развернулись ожесточенные бои.

Гитлеровское командование решило любой ценой прорваться на выручку своим войскам, окруженным в Будапеште. Терпя неудачу за неудачей на всех фронтах, Гитлер лихорадочно искал возможности взять реванш хоть на одном участке. Успех наступления в районе Будапешта должен был подбодрить павшие духом немецко-фашистские войска, удержать тающие остатки венгерских дивизий от капитуляции и снова поднять авторитет «фюрера» в глазах всего населения Германии. Будапешт был ставкой, на которой в отчаянии пытался отыграться обанкротившийся германский фашизм.

Однако планы гитлеровского командования шли дальше освобождения окруженной группировки. Прорыв будапештского кольца, по расчетам немцев, должен был послужить только началом. Вслед за тем германский генеральный штаб намеревался нанести удар на юг вдоль Дуная, форсировать Дунай и отбросить советские части за Тиссу.

Гитлер сам прибыл на фронт, чтобы лично руководить наступлением. В район городка Комарно с других фронтов, из Германии и из Польши были переброшены четыре

танковые, две пехотные дивизии и одна кавалерийская бригада немцев. Отборные эсэсовские части «Викинг» и «Мертвая голова» должны были возглавить прорыв. На узком участке фронта гитлеровское командование решило бросить в бой шесть танковых дивизий.

Утром 2 января немецким войскам был объявлен приказ Гитлера:

«Вас будет поддерживать мощная артиллерия и авиация. Нужно сделать все, чтобы освободить своих товарищей. Я сам буду руководить операцией».

В то же время войскам в «котле» от имени «фюрера» сообщили, что 3 января они будут освобождены.

Морозный январский рассвет вставал над задунайской равниной. На полях, холмах и оврагах плотным покровом лежал недавно выпавший снег. И хотя на первый взгляд утро казалось особенно спокойным и мирным, наши войска на позициях у Комарно ожидали больших событий. Было известно, что со дня на день немцы будут наступать и сегодняшнее невозмутимое спокойствие внушало немалые подозрения.

Из-за снежных брустверов окопов стрелки в белых халатах озабоченно вглядывались в белую даль. Притаились у пушек артиллеристы. Командиры хмурились и не отнимали от глаз биноклей, угадывая каким-то особым фронтовым чутьем надвигающиеся события.

И когда вдоль всего рубежа обороны немцев засверкали первые вспышки артиллерийских залпов, наши войска были готовы к встрече врага.

Противник не жалел снарядов. Разрывы стеной встали у нашего переднего края. Ослепительно белый снежный покров полей зачернел воронками, покрылся пороховой копотью. Потом, неслышные в этом грохоте снарядов, над нашей обороной закружились «Юнкерсы». А когда самолеты отбомбились и все смолкло, издали донесся глухой рокот моторов. Полки танковой дивизии «Мертвая голова» двинулись в бой.

Словно железные волны одна за другой катились на наши позиции у Комарно, катились и... разбивались о стойкость и мужество советских воинов, как разбиваются морские валы о гранит набережных. Уже много танков кострами горело на поле боя, и черные столбы дыма тянулись высоко в небо. Но атакам не было конца. «Тигры» прорывались сквозь заградительный огонь артиллерии к

нашему переднему краю. Многотонными утюгами они гладили промерзшие окопы пехоты, а наши стрелки, присев на корточки в глубоких ячейках, зло и упрямо глядели вверх на железное брюхо чудовища и сжимали в руках гранаты, выжидая, когда танк отойдет.

Все знали одно — врага нельзя допустить к Будапешту.

Силы были неравными. Уже кое-где замолкали наши пушки, подбитые немецкими снарядами, уже в нескольких местах автоматчики врага вслед за «тиграми» врывались на наш передний край и одолевали советских пехотинцев своим многократным численным превосходством. После долгих часов ожесточенного боя врагу удавалось местами прогрызть наш оборонительный рубеж. Тогда советские части получали приказ отойти на следующую линию обороны. А у покинутых окопов оставались десятки сгоревших исковерканных машин со свастикой на броне и горы немецких трупов.

За каждый свой шаг немцы платили неслыханно дорогой ценой. К исходу второго дня наступления им удалось занять всего несколько населенных пунктов на южном берегу Дуная. В штабах гитлеровские генералы хватались за головы, читая донесения о потерях. А в ставке Гитлера сумасшедший маньяк истерически топал ногами и с тупым упорством повторял:

— Атакуйте, атакуйте любой ценой!

Войска в будапештском «котле» напрасно подготовились встретить «фюрера» 3 января. Гитлер решил «поправиться». Окруженным радировали, что помощь придет только через неделю.

Вводя в бой все новые и новые силы, немцы с невероятным трудом постепенно продвигались вперед. В первой декаде января им удалось занять Естергом и подойти к Бичке. «Известия будапештского котла», захлебываясь, писали о «победах фюрера».

Но такие победы оказались немцам «не по карману». Каждый рубеж, который им удавалось отвоевать у наших войск, становился огромным кладбищем гитлеровских танков и пехоты. Эти потери росли, ибо сопротивление советских частей непрерывно усиливалось.

Цена, которую заплатили фашисты за Естергом, была слишком велика. Все попытки пробиться дальше потерпели полный крах. Взять Бичке немцы уже не смогли. Пять дней они яростно штурмовали нашу оборону в этом районе.

Но гвардейцы стояли стеной. Это были те самые гвардейские подразделения, которые всего две недели тому назад с тяжелым боем вырвали Бичке из рук врага. Теперь командование приказывало им стоять насмерть, но не отдавать этот город немцам. А кроме того, гвардейцы помнили, что здесь земля была полита их солдатским потом и кровью, что здесь под холмиками, запорошенными снегом, в братских могилах покоятся тела их боевых товарищей. И они решили скорей умереть, чем отдать врагу свой рубеж.

В одной из гвардейских рот командир и парторг написали обращение к бойцам:

«Гвардеец! Немцы отчаянно рвутся к Будапешту. Ты, гвардеец, брал город Бичке, получил благодарность Великого Сталина. И ты должен отстоять его! И ты отстоишь!

Ни шагу назад! — таков приказ Родины. Бей немца насмерть! Отбивай контратаки и готовься к решительному наступлению».

Листок с обращением побывал в руках каждого солдата роты и вернулся к командиру испещренный подписями гвардейцев. Среди фамилий своих солдат офицер увидел одну лаконичную надпись: «Сам брал Бичке. Умру, но не отойду. Комсомолец-гвардеец Балбабаев».

Гвардейцы выстояли. Враг не прошел к Бичке. Гитлеру пришлось внести в свои планы очередную поправку и назначить вступление в Будапешт на 13 января.

Еще несколько дней немцы неистово рвались вперед. Получив отпор у Естергома и Бичке, они перенесли центр своих атак южнее. Но и тут наша оборона оказалась непреодолимой. Уже к 12 января силы наступающих выдохлись, и атаки к северо-западу и к западу от Будапешта ослабели. Немцам в котле на этот раз сообщили, что в связи с перегруппировкой войск освобождение окруженных задерживается.

Прошло несколько дней, и 18 января стало известно о новом наступлении немцев на Будапешт.

Теперь противник решил попытаться прорвать кольцо наших войск с юга. Пополненные эсэсовские дивизии «Мертвая голова», «Викинг» и многие другие были стянуты в район озера Балатон. Гитлеровское командование решило нанести удар на восток между озерами Балатон и Веленце, там, где раньше проходила пресловутая «линия Марга-

риты». Занять город Секешфехервар, пробиться к берегу Дуная, а затем повернуть на север и, двигаясь вдоль реки, соединиться с окруженными войсками, зажатыми в Буде,— таков был новый план Гитлера. Выбалтывая затаенные намерения фашистского командования, «Известия будапештского котла» в эти дни писали:

«Наряду с освобождением венгерской столицы целью этого контрнаступления являются очищение пространства западнее Дуная и разгром наступающих советских армий. Это будет означать также, что устраняется непосредственная угроза юго-восточным областям Германии».

Снова перед наступлением солдатам был зачитан категорический приказ Гитлера. «Фюрер» требовал во что бы то ни стало пробиться к Будапешту. На этот раз немецких солдат даже заставили дать клятвенное обязательство в том, что они выполнят приказ. Затем войскам было отдано распоряжение пленных не брать, расстреливать на месте всех захваченных солдат и офицеров Советской Армии.

Это наступление было еще более мощным, чем первое. На узком участке немцы бросили в бой огромное количество танков. И хотя сотни машин и тысячи немецких пехотинцев навсегда остались на полях между Балатоном и Веленце,— врагу на первых порах удалось добиться некоторого успеха. Гитлеровцы после ожесточенных боев заняли Секешфехервар и, наращивая удары, вышли к берегу Дуная.

Положение становилось опасным. Немецкий танковый клин, разрезав надвое наши войска, уперся в Дунай около города Адонь и повернул своим острием на север. Танки упорно пробивались к Буде. Основные переправы через реку, питающие наши войска, остались южнее линии немецкого прорыва.

Это ставило под угрозу снабжение советских частей, действующих в районе Буды.

Немцы в «котле» воспрянули духом, и в штабе окруженной группировки уже планировали операцию на прорыв навстречу наступающим с юга танковым дивизиям СС. Казалось, кольцо советских войск неизбежно разомкнется. Но этого не произошло.

Повернув от Адони на север, немецкие танки вскоре вынуждены были остановиться. Советские пехотинцы и артиллеристы стояли, не подаваясь ни на шаг. Один за другим

вспыхивали «Тигры», пулеметы косили цепи автоматчиков и, хотя враг подбрасывал все новые силы, прорвать нашу оборону ему не удавалось. Немцы принялись менять направление атак, но повсюду встречали то же невероятное упорство. Фронт стоял нерушимой монолитной стеной.

С невиданным ожесточением дрались в эти дни наши воины. Ни раны, ни смерть не страшили их, и опять только одна мысль была у каждого:

«Враг не должен пройти к Будапешту».

Десять часов непрерывного свирепого боя выдержала рота старшего лейтенанта Болдырева, оборонявшая высотку, которая командовала над перекрестком дорог. Тринадцать атак врага следовали одна за другой. Сначала немецкие снаряды метр за метром перепахивали склоны высоты так, что снег исчез с них и воронки смыкались своими краями. Потом из соседней лощины, ревя, выносились танки, и каждый раз их было не меньше десяти. За танками, пригибаясь, бежали цепи автоматчиков. И тогда Болдырев командовал:

— Танки пропустить! Отсечь пехоту!

«Тигры» расползались по всей высоте, вертелись над окопами, утюжили траншеи. Но переждав эти страшные минуты на дне своих щелей, стрелки забрасывали танки гранатами и встречали автоматчиков ураганным огнем. К исходу дня, когда склоны холма стали зелеными от трупов в немецких шинелях и несколько танков неподвижно застыли на высоте, враг отказался от атак.

Так было повсюду. Прорвать фронт немцы не могли нигде. И все же, тратя последние резервы, фашисты упрямо лезли вперед.

Руководивший наступлением немецкий генерал Бальк непрерывно информировал Гитлера о ходе боев. Хотя информация эта была мало утешительной, «фюрер» требовал усиливать натиск. 26 января командир наступающего эсэсовского танкового корпуса генерал Гилле по телеграфу доложил Бальку, что он вводит в бой дивизию «Мертвая голова». Между обоими генералами произошла любопытная телеграфная беседа:

— Как много еще осталось? — спросил Бальк.

Гилле ответил, что по его подсчетам надо пройти еще 14 километров.

— Если у нас будут танки и солдаты, то мы все сделаем,— неуверенно пообещал этот эсэсовский генерал.

— Мы эту драму доведем до счастливого конца,— подбодрил его Бальк. — Главное разбить сначала эти силы, тогда мы достигнем всего остального.

— Но мы становимся все слабее,— жалобно возразил Гилле.

— От потасовки никто не становится красивее,— философски утешил его собеседник, заканчивая разговор.

Жалоба эсэсовского генерала имела основания. Немцы явно выдыхались. Но, надеясь, что свежая дивизия принесет решительный успех, Гилле после разговора с Бальком немедленно радировал окруженным: «Быть наготове к прорыву. Время прорыва будет дано дополнительно».

Однако и эта радиограмма осталась пустым звуком. Брошенные в бой полки «Мертвой головы» не изменили положения. Прорваться не удавалось.

Между тем, наше командование принимало энергичные меры. На направление немецкого прорыва были посланы подкрепления. Бронекатера Дунайской флотилии уже наладили переправу войск и боеприпасов севернее Адони. Положение стабилизировалось.

Маршал Толбухин, изматывая силы врага в обороне, одновременно готовил мощный ответный удар. По обе стороны немецкого прорыва сосредоточивались крупные массы войск. Нацелившись на основание вражеского клина, эти две группы войск в конце января перешли в наступление. Немцы поняли всю грозную опасность этого удара, который мог отсечь их войска, прорвавшиеся к Дунаю. Все планы «освобождения» Будапешта рухнули. Яростно огрызаясь, гитлеровцы попятились назад и были отброшены на исходные позиции. Последняя надежда окруженной группировки развеялась, как дым.

И все же немцы в Будапеште продолжали сопротивляться с тупым безнадежным упорством. Были приняты еще более жестокие меры для «поддержания стойкости», и всякий, кто осмеливался говорить о безысходности положения, подлежал расстрелу на месте.

А кольцо суживалось ежедневно и ежечасно.

★

НА УЛИЦАХ ПЕШТА

Шел бой за кладбище Керепеши.

Начиналась вторая декада января. К этому времени окраинные кварталы Пешта остались уже в тылу наших войск. Почти на всем протяжении пештского полукольца окружения пехота подходила к центральной части города. На пути штурмовых групп, наступавших с востока, оказалось кладбище Керепеши и севернее его — большой городской парк.

Кладбище примыкает с восточной стороны к центральным кварталам Пешта. Это, как бы огромный густой сад, обнесенный гранитной стеной. Широкие кроны многолетних дубов переплетаются своими ветвями. Над плитами надгробий склонились плакучие вечнозеленые деревья. Каменные ангелы в скорбных позах застыли на пьедесталах, на крышах роскошных гробниц. Надписи, высеченные на мраморе, вещают о вечном покое и прославляют земные добродетели бесчисленных графов, фабрикантов, политических деятелей, банкиров. Это кладбище будапештской знати, богачей.

Страшную картину представляли собой кладбищенские аллеи в ту зиму. Словно свежие могилы на запорошенной снегом земле кладбища зияли окопы. Темными зигзагами пролегли между могилами траншеи. Здесь из-за мраморных крыльев ангела настороженно чернеет вороненый ствол пулемета, там за каменной гробницей притаилась пушка. Над местом вечного покоя гулко ухают орудийные выстрелы, с ветвей деревьев комьями летит талый снег. И все отчет-

ливее доносится с востока торопливая трескотня пулеметов и автоматов.

Четыре преграды одна за другой встали на пути пехотинцев, рвавшихся к кладбищу Керепеши.

С востока кладбищенскую территорию огибает высокая насыпь железной дороги. А по обе стороны насыпи, отделяя от городских кварталов железнодорожную полосу отчуждения, возвышаются тяжелые железобетонные стены. Не всякий снаряд пробьет такую стену. Не возьмешь ее и штурмом в лоб, потому что из десятков бойниц, пробитых в бетоне, в лицо наступающим бьют пулеметы. Но обе эти стены необходимо было преодолеть, так как другого пути к кладбищу нет.

И, наконец, гвардейцам предстояло захватить третью стену — толстую гранитную ограду самого кладбища. Только тогда можно было завязать бой среди могил и, очищая кладбищенские аллеи, вплотную придвинуться к центральным проспектам Пешта.

11 января пехотинцы капитана Шенгелия и старшего лейтенанта Тарасова подошли к первой железобетонной стене. Дважды кидались они штурмовать эту стену двухметровой высоты, и оба раза огонь врага отбрасывал их назад. На помощь им подоспели артиллеристы майора Меньшикова и капитана Чистякова. Но пятнадцатисантиметровая толща бетона стойко выдерживала удары снарядов.

Выручить могли только саперы. И они не заставили себя ждать. К вечеру в боевые порядки пехоты пришла группа саперов из подразделения майора Ивана Сахарова, бывалые воины, герои боев за Плоешти и Дебрецен, привыкшие идти в первых рядах наступающей пехоты.

Как только над городом спустились ранние январские сумерки, шестеро саперов поползли к стене. Это были офицеры Михаил Дружинин и Василий Коносков, солдаты Василий Пустовой, Мамудбек Сексембаев, Иван Лучинин и Евгений Чеботарев. Все шестеро несли на спинах ящики с толом.

Плотно прижавшись к мокрой оттаявшей земле, смельчаки бесшумно ползли вперед. Иногда со стороны немцев в небо взлетала ракета, и тогда саперы разом замирали на месте. В бледном мерцающем свете они на несколько секунд видели перед собой массив стены, и каждый из них еще раз вглядывался в то место, где он должен положить свою порцию тола. Потом ракета падала в стороне и стена

резко отбрасывала к ним длинную черную тень, словно накрывая их темным занавесом.

Они доползли благополучно. Мгновенно был заложен тол, загорелись бикфордовы шнуры и, разом бросившись назад, саперы упали на землю. Вслед им торопливо стрекотнул пулемет, взвилась новая ракета, но в тот же момент шесть могучих взрывов громыхнули у стены. Сзади с топотом неслась пехота. Саперы вскочили на ноги и впереди стрелков ворвались в проломы.

В темноте беспорядочно застучали автоматы немцев. Но прорвавшиеся пехотинцы уже растекались вдоль стены, уничтожая уцелевших врагов. А саперы снова были впереди и поспешно резали проволочное заграждение, открывая дорогу к насыпи. Пехота валом перекатилась через железнодорожное полотно и, остановленная новой железобетонной стеной, залегла под огнем противника.

Эта стена протянулась в 70 метрах за полотном. Она оказалась вчетверо толще первой. Снова поползли вперед саперы, и шестидесятисантиметровый бетон не устоял перед силой взрывчатки. Затем также была взорвана гранитная кладбищенская ограда. Рано утром пехотинцы ворвались на аллеи Керепеши.

Бой среди могил кипел несколько часов. Пули цокали о камень памятников, и снаряды, разрываясь, брызгали в стороны свистящими осколками мрамора. Враг защищался с яростью отчаяния. Из-за постаментов памятников били пулеметы. Прячась за могильными холмиками, переползали с места на место автоматчики. Большие погребальные склепы приходилось брать штурмом, как доты.

К исходу 12 января кладбище было очищено. Перед нашими солдатами открылись улицы центрального Пешта, перегороженные баррикадами и оплетенные проволокой.

В тот же день противник был выбит из городского парка. И здесь, как на подступах к кладбищу, нашим стрелкам преградила дорогу широкая насыпь с несколькими линиями железнодорожных путей. На насыпи тесными рядами стояли вагоны, платформы, цистерны — своего рода баррикада, устроенная немцами. Из-под колес по наступающим хлестали пулеметы.

Саперы выручили и тут. Под прикрытием огня пехотинцев им удалось подползти к железной дороге и заложить под полотно мощный заряд тола. В вихре взрыва, тряхнувшего окрестность, взлетели обломки вагонов. В насыпи

Еще один квартал очищен от немцев

открылся широкий проход. Невдалеке были видны вершины вековых деревьев парка. Стрелки кинулись вперед.

Начался бой в парке. Искусно прячась за стволами огромных деревьев, не умолкая, строчили немецкие автоматчики. Притаившиеся в ветвях снайперы, били сверху предательскими выстрелами в спину. Сильные отряды врага засели в расположенных здесь зданиях музеев и театра «Будапешти», в Зоосаде, который находится на территории парка. Отовсюду немцев пришлось выбивать с упорным боем. Только на вторые сутки передние цепи наших стрелков увидели впереди за деревьями высокую колонну памятника тысячелетия Венгрии, а за ней — прямую широкую улицу, уходящую далеко на запад. Это была главная магистраль Будапешта — проспект Андраши.

Начинались бои за центральный Пешт.

Если бой на окраинах отличался упорством и ожесточенностью, то брать улицы центра было гораздо труднее. Большие массивные дома здесь тесно жались один к другому. От квартала к кварталу между домами нет никаких промежутков, и обойти здания с тыла нельзя. Тут почти не увидишь ворот, а двери всех подъездов крепко заперты или забиты. Едва ли не в каждом окне была вражеская

огневая точка, и через каждые несколько метров улицу загромождали всевозможные препятствия. Здесь, в центре, еще чаще и яростнее кидались в контратаки немецкие бронетранспортеры и танки, а гарнизоны домов сражались до последней возможности. Порой, чтобы задержать продвижение нашей пехоты, немцы поджигали дома, перегораживая улицу стеной пламени, или просто взрывали огромные здания и устраивали завалы.

Но, хотя драться в центре было во много раз труднее, чем на окраинах, темп штурма неуклонно возрастал. Продвижение советских войск в центральных кварталах день ото дня становилось все более быстрым.

Секрет этого был прост. Двухнедельные бои в предместьях Будапешта явились для наших войск прекрасной школой. В напряженных схватках за окраинные кварталы советские воины на практике постигли законы уличного боя, выработали приемы и методы борьбы, освоились, почувствовали себя увереннее в сложной обстановке большого незнакомого города. Они многому научились, и опыт, накопленный на окраинах, приносил плоды теперь — в боях за центр.

Пехотинцы и артиллеристы, саперы и минометчики, связисты и экипажи танков — все они прошли эту огневую школу, в которой еще крепче закалилось их боевое товарищество. Самое тесное взаимодействие всех родов советского оружия составляло одну из характерных особенностей будапештской битвы.

Царицей полей зовется у нас пехота. В сражении за венгерскую столицу пехота стала также царицей уличного боя. Пехотинец был главной фигурой штурма, уверенным и деловитым хозяином боя. В узких переулках, зажатых каменными громадами зданий, на широком асфальте проспектов, под деревьями скверов и парков, на лестницах и в комнатах домов, в полутьме подвалов — всюду мелькала его проворная, настороженно пригнувшаяся фигура и слышался голос его говорливого автомата. Для него не было ничего недоступного. Там, где не удавалось взять врага в лоб, прямым дерзким броском под могучее «ура!», он шел в обход с фланга и с тыла. Там, где немца не одолевала сила, пехотинцу помогала хитрая воинская сметка. Поистине неистощима была его солдатская изобретательность, в любых обстоятельствах находившая все новые способы победить врага.

Казалось, как сунешься в эти центральные улицы, где сплошной стеной стоят дома? Пока добежишь до подъезда, пока выломаешь дверь — немец изрешетит пулями из противоположных окон. А возьмешь один дом, как подбираться к следующему?

Но уже первые часы боев в центре Пешта разрешили все эти сомнения. Пехота сумела примениться к сложной обстановке.

Стоило зацепиться за крайнее здание, как стрелки прокладывали себе путь через весь квартал. Внутри здания они проламывали стены, отделявшие один дом от другого, и врывались в эти проломы. Сквозь слуховые окна чердаков автоматчики выбирались на крутые скаты черепичных крыш и пробирались поверху с дома на дом. Пехотинцы спустились в подвалы и обнаружили, что подземелья нередко сообщаются друг с другом или разделены только стеной, которую нетрудно пробить. Так был найден подземный путь по центральному Пешту.

Иногда в конце квартала все эти скрытые пути между домами обрывались. Укрепленное здание приходилось штурмовать снаружи. Но и тут пехотинцев выручала находчивость и хитрость.

Неприступной серой громадой высилось огромное здание, преградившее дорогу гвардейцам капитана Григорьян. Забаррикадированы двери, забиты, заложены камнем окна первого этажа. А огонь из верхних окон так густ, что из-за угла не высунешься. Было ясно, что штурмом этот дом взять очень трудно.

Офицер приказал зажечь дымовые шашки. Густая пелена дыма заволокла улицу. Ветер медленно двигал эту завесу к укрепленному дому. И, когда придвинул вплотную,— несколько солдат, подхватив ящики с толом, кинулись вперед и исчезли в дыму. Остальные стрелки укрылись в соседнем дворе.

Пять минут спустя подрывники стремглав выбежали из дымовой завесы и, юркнув за угол, залегли. И тотчас загромыхали тяжелые взрывы и раздались дикие вопли немцев, заглушенные раскатистым шумом обвала. Когда рассеялось облако дыма и пыли, здание лежало грудой камней. Путь в соседние улицы был свободен.

В узком переулке одного из центральных кварталов группа советских гвардейцев заняла большой дом. На противоположной стороне, в массивном здании, засел крупный

вражеский гарнизон. Из окон в окна через переулок завязалась перестрелка. Немцы не уходили. Тогда кто-то из наших солдат вспомнил о складе горючего в соседнем дворе и предложил остроумный выход.

Десять минут спустя, пехотинцы, кряхтя от натуги, втаскивали на третий этаж тяжелый пожарный насос со шлангом и несколько бочек. Насос установили в коридоре, а шланг подтянули к окну. Гвардейцы дружно принялись качать. В окна дома, где засели немцы, ударила пахучая струя бензина. Ошеломленный этим противник даже прекратил огонь.

Спрятавшись за простенки между окнами, наши воины обильно поливали этаж за этажом. А когда бензин кончился, через переулок полетели горящие комья пакли. Дом на противоположной стороне вспыхнул, как факел, и немецкий гарнизон бросился бежать.

Ярко проявилось и другое важное качество наших бойцов, немало помогавшее им в упорной борьбе за улицы и дома венгерской столицы. Находчивость и сметка, обычная дерзкая отвага советских солдат здесь дополнялись спокойной и строгой расчетливостью. Наши воины научились беречь свою драгоценную боевую энергию, скупо и экономно расходовать свои силы. Суворовское правило «воюй не числом, а уменьем» стало непреложным законом битвы за Будапешт.

Для того чтобы успешно обороняться, не требуется численного превосходства. Даже незначительный гарнизон противника, если он хорошо укрепился, может оказать сильное сопротивление наступающим. А на улицах такого большого и заранее укрепленного города, как Будапешт, немцы имели возможность организовать особенно крепкую оборону. Умело замаскировавшийся немецкий пулеметчик или снайпер мог долго задерживать целое подразделение наших пехотинцев и нередко наносить ему чувствительный урон.

Советским пехотинцам приходилось иногда часами «охотиться» — высматривать и подслушивать, чтобы обнаружить место, откуда бьет противник. А потом нужно было скрытно подобраться к дому, проникнуть внутрь и разделаться с врагом.

Сначала в такой «охоте» принимала участие вся штурмовая группа или даже целое подразделение. Но вскоре стало ясно, что необходимости в этом нет. Если огонь вел один немецкий пулеметчик или притаившийся где-нибудь

на чердаке снайпер, командир выделял из группы двух-трех смелых сообразительных «охотников». Этого было вполне достаточно, чтобы выследить и уничтожить отдельные огневые точки. Такой способ помогал действовать более скрытно и уменьшал потери. А пока шла «охота», остальные солдаты могли отдохнуть и сохранить свои силы.

Но и тогда, когда наступал момент решительного штурма и приходилось бросать в бой все силы, командиры пехотных групп действовали расчетливо и экономно. Схватки на окраинах Будапешта ясно показали, что одной храбрости и дерзости еще недостаточно, что укрепленное здание редко удается взять просто смелой атакой в лоб. В боях на центральных улицах Пешта каждый такой штурм вражеского опорного пункта обязательно проводился по строгому, заранее составленному плану.

Роте гвардии капитана Федотова пришлось очищать от немцев улицу Ракоци, одну из главных улиц центрального Пешта. Мостовая и тротуары здесь были заминированы и перегорожены множеством баррикад. Из каждого дома противник вел огонь. А над всеми окрестными кварталами, посреди улицы поднималось одно особенно высокое здание. Дом служил основным узлом обороны немцев во всем прилегающем районе. Захватить его было важно и потому, что с крыши этого здания просматривались дунайские набережные и оттуда можно было хорошо корректировать огонь нашей артиллерии по прибрежным улицам.

Гвардейцы шли дворами и переулками, пробирались через подвалы, через проломы в домах. Наконец, вся рота подошла вплотную к высокому зданию.

Первая перестрелка показала, что силы противника велики. В доме было по крайней мере 10 пулеметных точек и 100—120 автоматчиков. Только безукоризненно продуманная, хорошо подготовленная атака могла иметь успех.

План штурма Федотов разработал до мельчайших подробностей. Он решил не бросать в бой роту целиком, а выделить два небольших атакующих отряда, которые за два часа должны были овладеть всем зданием. Эти отряды, в свою очередь, разбивались на отдельные группы, ядро которых составляли коммунисты и комсомольцы. Каждая из этих групп получила вполне определенную боевую задачу и точный маршрут внутри дома. Заранее были намечены места атаки, установлено вооружение штурмовых

групп. Автомат, десяток гранат Ф-1 и финский нож — вот все, что разрешалось взять с собой солдату атакующего отряда.

Остальная часть роты должна была прикрыть атаку огнем. Стрелков разбили на группы по два-три человека, между ними распределили двери и окна дома. По сигналу командира они разом открыли огонь, не позволяя врагу выглянуть наружу.

Как только раздались первые залпы, штурмовые группы бросились вперед. Достигнув угла дома, гвардии сержант Нарядько первым принялся взбираться по водосточной трубе. Солдаты его отделения последовали за командиром. Коммунист гвардеец Попов повел своих людей вверх по пожарной лестнице.

Прежде чем противник успел опомниться, гвардейцы ворвались в дом. Атака развертывалась как нельзя более успешно. Пока одна группа очищала нижние этажи, несколько автоматчиков спустились в подвал и оттуда через люк выбрались на лестницу, ведущую наверх. В то же время с улицы стрелки перенесли огонь на верхние окна, облегчая действия штурмующих. Бой одновременно развернулся в нескольких этажах, ломая всю систему обороны немцев. Пробивались кверху, карабкаясь по разрушенным лестничным пролетам, стреляли снизу через потолки по комнатам, занятым врагами. Когда немцы упорно задерживались в помещениях нижних этажей, стрелки проламывали над ними потолки и сверху забрасывали гитлеровцев гранатами. Грохот боя постепенно поднимался все выше и выше.

Наконец, из чердачного окна показалась белая тряпка. Остатки гарнизона капитулировали. Здание было захвачено скорее, чем предполагал капитан Федотов. Наши артиллерийские наблюдатели тотчас же заняли наблюдательный пост на крыше.

Если пехоте по праву принадлежала первая роль в боях за будапештские улицы, то самыми верными помощниками пехотинцев являлись артиллеристы. Огонь советских пушек всюду неизменно сопровождал стрелков.

Орудия били прямой наводкой по огневым точкам врага в домах и подвалах. Снарядами артиллеристы пробивали стены зданий, чтобы пехота могла проникнуть внутрь. Орудия, укрытые в воротах, за углами домов, всегда были готовы к отражению контратак противника. И, когда появ-

лялись немецкие танки или выползал приземистый и длинный гусеничный бронетранспортер, за бронированными бортами которого тесно сгрудились фашистские автоматчики, наши пушки выстрелами в упор поджигали вражеские машины.

Во время штурма сильно укрепленных домов артиллеристы оказывали пехоте важную поддержку. Перед атакой они обстреливали огневые точки врага, подавляя их, помогая пехоте подойти к дому. А как только начинался штурм, артиллерия переключалась на защиту пехоты от внезапных фланговых атак со стороны противника. Пушки как бы «окаймляли» своим огнем здание, где шел бой. Этот огневой щит надежно прикрывал фланги пехотинцев и не давал возможности немцам подбрасывать резервы на помощь гарнизону укрепленного дома.

Заказы пехотинцев выполнялись безупречно. Артиллерийские наблюдатели, неся на себе рации, двигались вместе со штурмовыми группами. Любая заявка пехоты немедленно передавалась на батарею, расположенную где-нибудь неподалеку. И тотчас же сосредоточенный огонь пушек расчищал дорогу стрелкам. Так артиллерийский дивизион офицера Василия Майборода снес до основания в одном из центральных кварталов укрепленный дом, долго запиравший путь нашим гвардейцам. Так были подавлены десятки других опорных пунктов немцев.

Артиллерия сопровождала пехоту не только огнем, но и колесами. Маленькие оглушительно звонкие «сорокапятки» порой взлетали по лестницам на верхние этажи домов, дружно подхваченные сильными руками пехотинцев. Выставив ствол в окно, они били через улицу по пулеметным гнездам неприятеля. Эти пушки пехота ухитрялась протащить с собой даже сквозь лабиринты подвалов и подземных ходов, сквозь проломы в стенах. Вместе со штурмовыми группами, помогая им на каждом шагу, двигались орудия среднего калибра. Даже громоздкие крупнокалиберные пушки в эти дни перестали считаться «тыловыми» и нередко в трудную минуту появлялись в рядах атакующей пехоты.

На одной из центральных улиц наши стрелки остановились у машиностроительного завода. Заводской двор окружала двухметровая кирпичная стена. Сверху по гребню стены тянулась колючая проволока, торчали черепки битого стекла. За чугунными решетчатыми воротами видне-

лись стальные колпаки дотов. Это была целая крепость, ворваться в которую предстояло с упорным боем.

Пехотинцы бросили через стену несколько гранат. Немцы со двора ответили тем же. По всему видно было, что гарнизон врага чувствует себя довольно надежно за крепкой стеной.

В этот момент на помощь нашим стрелкам подоспели артиллеристы. Гусеничный трактор вытянул из-за угла тяжелое орудие. Пушку установили на мостовой прямо против стены. Выстрел и разрыв снаряда слились в одном грохоте. Когда рассеялось розовое облако кирпичной пыли, в стене зияло отверстие величиной в человеческий рост. Пехотинцы ворвались во двор через этот пролом и после короткого боя очистили завод от противника.

Важные услуги не раз оказывали пехоте и наши минометчики. Миномет легок, его можно без труда переносить с места на место, можно быстро открыть из него огонь. А главное, траектория полета мины — крутая, навесная, и огонь минометчиков достает врага за таким укрытием, где его не достанешь снарядом. Эти качества сделали минометы постоянными спутниками стрелков на будапештских улицах.

Как всегда, с особым восторгом встречали наши солдаты каждый залп своих любимиц «катюш». Сокрушительный залп гвардейских минометов помог пехоте форсировать канал в северной части города, уничтожив все живое на широком пространстве набережной. Таким же испепеляющим залпом «катюш» однажды была сорвана крупная ночная контратака врага.

Шесть танков и большой отряд немецких пехотинцев попытались в эту ночь отбросить назад наши подразделения. Но приближение противника было замечено во-время. Командир пехотного подразделения позвонил по телефону на батарею гвардейских минометов, стоявшую неподалеку, и попросил «сыграть разок». Столб огня косо встал над домами, и взрывы наперебой загрохотали на улице. Когда все стихло, наши стрелки при свете ракет увидели неподвижно застывшие четыре танка и мостовую, усеянную трупами.

Артиллеристы и минометчики поспевали всюду за пехотой. Однако едва ли не в каждом квартале Будапешта встречались дома, против стен которых были бессильны и

В часы затишья на площади города

мины и снаряды. И тогда на сцену появлялись саперы со своим толом.

Саперов, этих молчаливых деловитых солдат со скромным черным кантом на погонах у нас в армии зовут «тружениками войны». С глубоким уважением, с любовью отзываются о профессии сапера воины-фронтовики, знающие какой тяжелый и опасный боевой труд ложится на плечи солдата инженерных войск.

На улицах Будапешта, до предела насыщенных всеми видами инженерных заграждений, саперы проделали поистине титаническую работу. Только саперная часть полковника Коваленко всего за десять дней штурма разминировала 10 мостов, сняла сотни противотанковых и противопехотных мин, построила 7 мостов, засыпала 18 воронок, проделала 40 проходов в минных полях и проволочных заграждениях, уничтожила в боях танк, 6 пулеметных точек, захватила 20 пулеметов и взяла в плен много вражеских солдат. Знаменитый сапер рядовой Бессарабский лично снял в Будапеште тысячу мин. И то, как ценила пехота эту героическую работу, показывает маленький документ, однажды врученный группе саперов командиром стрелкового подразделения.

«Вчера ночью, — писал офицер, — взводу саперов под командованием лейтенанта Быкова было поручено сделать проходы в минном поле, преграждавшем путь наступающей пехоте. Боевая задача саперами была выполнена отлично. В течение короткого времени они извлекли больше 100 мин и этим дали возможность пехоте продвинуться вперед и овладеть важным опорным пунктом немцев на одной из главных улиц города. Пехотинцы гордятся самоотверженной работой саперов и от души благодарят их...»

Саперов сюда!

Этот зов десятки раз в день раздавался на улицах и в переулках Будапешта.

Прижимаясь к холодному камню усеянной битым стеклом мостовой, саперы ползли разминировать улицу, резать проволоку, взрывать баррикаду. Впереди пехоты они врывались в пролом и наравне со стрелками действовали гранатой и автоматом. Они первыми осторожно и недоверчиво входили в дома, и никакая хитрость врага не заставала их врасплох.

А враг изощрялся в коварстве. Вот приоткрытая дверь дома, словно приглашает войти внутрь. Толкни — и взле-

тишь на воздух. Или в комнате на столе стоит бутылка с пивом и недопитый стакан. В горле у солдата пересохло, воды нигде нет и рука сама тянется к бутылке. Но сапер спешит остановить пехотинцев. Стрелки недоверчиво смотрят, как он осторожно обходит вокруг стола и потом мягкими движениями больших загрубелых пальцев трогает на скатерти тонкую как нить, почти незаметную проволочку, нагибается и достает из-под стола обезвреженную мину.

Такие коварно замаскированные мины встречались в Будапеште на каждом шагу. Только в одном из домов саперы, сопровождавшие штурмовую группу старшего сержанта Баюкова, сняли 17 немецких «сюрпризов».

Саперные ножницы, миноискатель и тол много раз открывали дорогу пехотинцам. А для наших танков саперы стали неразлучными спутниками в боевых рейдах по будапештским улицам.

Здесь не было того привычного полевого раздолья, которое так любят танкисты. В уличном бою танк подстерегает много самых неожиданных опасностей, и отправляться в рейд по будапештским улицам без надежной охраны было слишком рискованным делом.

Танку приходилось ползти по загроможденной улице медленно, на первой скорости, часто останавливаться у препятствий, с трудом преодолевать каждый десяток метров. При этом поминутно можно было ожидать выстрела вражеской пушки, поставленной где-нибудь за углом дома в засаде. Но самыми злейшими врагами наших танкистов были немецкие солдаты, вооруженные так называемым «фауст-патроном».

Длинная труба с большим грушеобразным снарядом на конце — таково было это новое противотанковое оружие, введенное в немецкой армии в последние месяцы войны. Устроившись где-нибудь в засаде, «фаустник» подпускал танк поближе, вскидывал трубу на плечо так, что конец ее выдавался у него за спиной и нажимал на спусковой крючок. Из свободного конца трубы тотчас же вырывался сноп пламени, а снаряд с басистым гуденьем летел вперед и, ударившись в броню танка, прожигал ее насквозь.

Гитлеровцы возлагали на фауст-патроны особенно большие надежды. Но наши воины встретили это «секретное оружие» немцев с полным хладнокровием. Пехотинцы вскоре научились успешно бороться с «фаустниками».

Все же в условиях Будапешта, где так легко было устроить засады, «фаустники» могли причинять нашим танкистам немалый ущерб. Поэтому пехотинцы вместе с саперами всегда сопровождали танки в их рейдах по улицам венгерской столицы.

Обычно бывало так. Впереди, прижимаясь к стенам, быстро перебегая от укрытия к укрытию, двигаются автоматчики. Они обшаривают каждый дом, каждый закоулок, проверяя, не засел ли где-нибудь немец с фауст-патроном, не торчит ли откуда-нибудь ствол замаскированного орудия.

Вместе с автоматчиками идут саперы, ощупывая миноискателями дорогу. Потом движется танк. Через смотровую щель танкисты внимательно наблюдают за сигналами пехоты. Вот послышалась дробь немецкого пулемета, и автоматчики, спрятавшись за дом, ведут перестрелку. Белая звездочка ракеты летит к окну на втором этаже здания, указывая танкистам цель. И тотчас же пушка танка разворачивается туда, ствол ее выбрасывает сноп огня. Пулемет умолкает, и стрелки вновь спешат вперед.

Улицу перегородило минное поле. Саперы подают танку сигнал остановиться. Спереди поднимается стрельба. Пока автоматчики ведут ответный огонь и время от времени стреляет пушка танка, саперы ползком выбираются на середину мостовой и разминируют проход. Танк ползет дальше.

Если встречается баррикада, в ход идет тол. Если протянуты через улицу ряды колючей проволоки и вьются на мостовой спирали Бруно, мешающие пройти пехотинцам, танк с хода рвет их, как нитки, прокладывая путь. А когда препятствие состоит из тяжелых рельсовых ежей, танкисты и саперы действуют сообща. Танк вплотную подходит к заграждению, и саперы, укрываясь от вражеского огня за броней, набрасывают на отростки ежей петли стального троса. Машина пятится назад, растаскивает ежи в стороны и открывает себе дорогу. Так шаг за шагом, метр за метром отвоевывалась у врага будапештская земля.

Бой шел на земле и под землей. Бой шел и в воздухе. Небо над Будапештом в эти дни, казалось, дышало яростью сражения.

С рассвета до темноты над городом волна за волной ходили штурмовики. Они приближались к вражеским позициям незаметно, на небольшой высоте, внезапно выры-

вались из-за крыш и обрушивали тяжелый груз на малейшее скопление немецких войск или техники. Авиаразведка выслеживала всякое движение в стане врага, находила все замаскированные посадочные площадки в Буде, промышленные объекты противника, его опорные пункты. Тотчас же по этим данным разведчиков вылетали на работу бомбардировщики. Внезапность налетов была доведена до совершенства, появились мастера молниеносных бомбовых ударов. Таким прославленным мастером считался среди летчиков москвич Бабаченко, не раз участвовавший до войны в воздушных парадах над Красной площадью.

Однажды он выследил вражеский аэродром, откуда немцы совершали налеты на Будапешт. Он скрытно привел туда свои машины в то время, когда до 40 «Юнкерсов» скопилось на аэродроме. Удар был таким неожиданным, что ни один из неприятельских самолетов не успел подняться в воздух. Когда отряд Бабаченко улетел в обратный путь, на аэродроме догорали 20 «Юнкерсов», а остальные были изрешечены осколками и пулями.

Этому же летчику удалось сорвать крупнейшую контратаку врага. Готовясь нанести сильный удар по нашим наступавшим пехотинцам, немцы сосредоточили на дунайской набережной десятки танков, бронетранспортеров и большие массы пехоты. Колонна уже выступала в бой, когда на нее накинулись бомбардировщики Бабаченко. Горящие остовы машин и два батальона уничтоженных немцев остались на месте после воздушной атаки. Контрудар врага был сорван.

Очень часто нашим штурмовикам и бомбардировщикам приходилось выполнять прямые заказы пехоты.

Когда не могли помочь снаряды, когда нельзя было пустить в ход тол, на помощь приходила авиация. Так случилось у восточного вокзала. Его огромное толстостенное здание оказалось неуязвимым для артиллерии. Пулеметы врага непрерывно обстреливали площадь, поэтому подползти к вокзалу саперам не удавалось. Тогда авианаблюдатель, сопровождавший эту пехотную часть, вызвал по радио штурмовиков гвардии старшего лейтенанта Рябова. Через несколько минут над вокзалом закружились «Ильюшины», на крышу здания посыпались бомбы; затем пехота кинулась на оглушенного, подавленного врага, и восточный вокзал был захвачен.

Это тонкая работа — бомбить отдельные здания, занятые немцами, в то время как вокруг находятся свои. Но

еще более тонкой, «ювелирной» работой были ночные бомбежки. Каждую ночь, не давая врагу сомкнуть глаз, над Будапештом висели «Поликарповы». Бомбили расчетливо, хитро. Появившись в районе цели, летчик скупо сбрасывал одну бомбу. Тотчас же внизу зажигались прожекторы, зенитки прочерчивали небо во всех направлениях огненными пунктирами трассирующих снарядов. Это только и нужно было ночным охотникам. По расстановке вражеских прожекторов, по системе зенитного огня немцев они всегда почти безошибочно угадывали местонахождение объекта. Боевой груз самолетов поражал цели.

Небо круглые сутки принадлежало советской авиации. От всех покушений врага его зорко охраняли наши воздушные патрули. Истребители «Лавочкин-5» и «Яковлев-3» непрерывно кружили над городом.

Покушения случались каждый день. То появлялись группы «Юнкерсов», тяжело нагруженных бомбами, то, низко прижимаясь к крышам, пытался прокрасться к Буде транспортный самолет противника. Патрули разом кидались на врага, действуя дружно, сообща. «Брать на котел» называли летчики такую коллективную атаку. Это значило одновременно всем вместе навалиться на врага, зажать его «в клещи», прикрывая друг друга, помогая товарищу в беде. Это значило не думать о том, чтобы занести сбитую машину на свой личный счет, а разделить славу победы по-товарищески.

Нередко в этих боях численный перевес был на стороне противника. В пасмурные дни неприятельским истребителям легко удавалось пробраться к городу. Похожие на ос, «Мессершмитты» хищной стаей внезапно вырывались из-за облаков. И пока патрульные самолеты дерзко устремлялись навстречу многочисленному врагу, с ближайших аэродромов стрелой неслись на помощь дежурные истребители. Высоко в бледном, холодном небе возникали причудливые белые рисунки, сверкали огоньки пулеметных трасс, время от времени, распуская серый шлейф дыма, камнем шел к земле сбитый истребитель и, полыхнув огнем, скрывался за домами. Это были жаркие, отчаянные бои. Победа неизменно оставалась за советскими пилотами. Десятки вражеских машин больше никогда не возвращались на базу из рейда на Будапешт.

Много захватывающих, самых неожиданных эпизодов происходило в будапештском небе. Но один из них в те дни

получил особенно широкую известность в наших войсках и вызывал удивление не только у пехотинцев, но и у видавших виды летчиков.

Случай этот произошел с двадцатилетним гвардейцем сержантом Гермогеном Волосниковым. Он летал стрелком на штурмовике и, несмотря на молодость, уже имел за плечами больше полусотни боевых вылетов.

В тот день, как обычно, два «Ильюшиных» отправились с грузом бомб на задание. Впереди летел гвардии лейтенант Дулимов, за ним гвардии младший сержант Теленков. И, как всегда, на месте стрелка в самолете Теленкова сидел Волосников.

Дойти до цели не удалось. Из облаков прямо на «Ильюшиных» выскочила стая «Мессершмиттов» и «Фокке-Вульфов». Их было 18 против двух. На высоте двух тысяч метров завязался бой.

Немцы коршунами кинулись на добычу. Тотчас же вблизи от Волосникова разорвались два вражеских снаряда. Стрелку изорвало осколками всю куртку, но он остался невредим. Зато один из «фоккеров» на мгновение оказался в прицеле его пулемета и, дымя, полетел к земле.

В этот момент сразу два немецких истребителя подскочили сзади. Струи пулеметного огня обрубили хвост и половину киля «Ильюшина». Задымили моторы. Машина перестала слушаться руля и начала падать.

Летчик, махнув рукой Волосникову, перевалился через борт. Но в это время в прицел пулемета попал еще один «Фокке-Вульф», и гвардеец не удержался от соблазна. Немец вспыхнул после первой очереди.

Тогда Волосников привстал, стараясь выпрыгнуть. Но машина уже вошла в штопор и потоком воздуха сержанта посадило обратно. Прижавшись к стенке кабины, постепенно скользя, он кое-как вывалился наружу. Вывалился и... повис. Ножной обхват парашюта зацепился за что-то в кабине.

Метров 700 сержант падал вместе с самолетом, вися вниз головой и тщетно стараясь отцепиться. Потом струей воздуха его сорвало. «Значит жив буду»,— мелькнула мысль, и Волосников рванул кольцо.

Однако привычного толчка не последовало. Он взглянул вверх и сердце его болезненно сжалось. Его ноги запутались в стропах, и парашют не раскрывался. Теперь спасенья не было.

Он видел внизу под собой белую заснеженную набережную и ломаный лед на Дунае. Впереди него, метрах в 30 ниже, оставляя дымный след, падал его самолет. Земля стремительно приближалась.

Вот она уже совсем близко. Врезался в землю «Ильюшин» и огнем сверкнули взорвавшиеся бомбы. Волосников закрыл глаза.

Последнее, что он почувствовал, был странный толчок в воздухе, снизу вверх. Минутой позже он очнулся... на земле.

Он лежал на набережной. Поодаль догорал самолет. В небе над ним висел белый купол парашюта с человеческой фигурой. Вокруг парашютиста носились «Мессершмитты», треща пулеметами. Это опускался летчик Теленков.

Волосников пошевелился, попробовал встать, но почувствовал сильную боль в ноге. Она была вывихнута. Прихрамывая, сержант все же сделал несколько шагов и только тогда подумал о том, что он упал с высоты двух тысяч метров.

Гвардейца спасли его же бомбы, которые он припас для немцев. Самолет взорвался как раз под ним, когда до земли сержанту оставалось падать меньше 30 метров. Взрывная волна приняла Волосникова как бы на воздушную подушку и не бросила, а скорее опустила на землю.

Полчаса спустя, летчик Теленков и его стрелок пришли к своим. А через несколько дней Гермоген Волосников уже снова летал над Будапештом.

Будапешт гремел. В воздухе и на земле, под землей и на воде дрались одинаково ожесточенно. Дрались отчаянно и смело воины всех родов оружия. Пробивались вперед пехотинцы и танкисты, артиллеристы и саперы. А за ними, карабкаясь по крышам, ощупью двигаясь по темным подземным закоулкам, тянули свои провода связисты. На освобожденных улицах разведчики прочесывали дома, вылавливая «сверчков» — автоматчиков, оставленных немцами в нашем тылу. Расчеты зенитных пушек то и дело отрывались от неба и в упор били по контратакующим бронетранспортерам врага. Через Дунай, раздвигая неплотный лед, пробирались юркие катера Дунайской флотилии, перевозившие нашим войскам в Буду боеприпасы.

Даже прожектористы здесь были не просто «осветителями», помогающими найти цель для зенитной артиллерии.

Бронекатер идет на задание

Наши воины в Будапеште не раз видели, как прожектористы, мастерски работая световым лучом, сбивали вражеские самолеты.

Стоит летчику попасть в световой луч прожектора — и он оказывается ослепленным. Если ему не удается вырваться из зоны освещения, летчик теряет ориентировку в воздухе и может врезаться с самолетом в землю. Этим-то и пользовались прожектористы, старавшиеся не выпустить вражескую машину из своего луча.

Особенно успешно действовала в Будапеште прожекторная рота старшего лейтенанта Приходько. Прожектористы этой роты отличались исключительной «цепкостью». Нащупав в темных просторах зимнего неба самолет немцев, они упорно следовали за ним своим ярким лучом. Воздушный разбойник метался из стороны в сторону, безрезультатно пробовал уйти от этих световых клещей и, окончательно ослепленный, резко шел книзу. А луч неотступно скользил вместе с ним, пока далекая вспышка пламени не отмечала место падения вражеской машины. На счету прожектористов Приходько значилось несколько уничтоженных самолетов противника.

Есть в Советской Армии особый род оружия — источник великой силы, могущества наших войск. На его боевом счету не записано ни уничтоженных танков, ни истребленных солдат врага. Но большой и важный вклад его был во всякой победе советских воинов, будь то разгром крупной вражеской группировки или только горящий фашистский танк. Грознее винтовок и пушек считал его крупнейший пролетарский полководец М. В. Фрунзе. Это оружие — наша политическая работа в войсках.

Далеко за сотни километров от границ Родины ушла армия. Но и здесь, среди стен чужого города, в огне жаркого сражения множество нитей всегда связывало нашего воина с жизнью родной страны. В войсках, штурмующих Будапешт, изо дня в день проводилась политическая и культурная работа.

Гремели выстрелы на центральных улицах Пешта. А в ближнем тылу, на окраинах венгерской столицы, в это время демонстрировался привезенный на самолете из Москвы фильм, посвященный 27-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. С экрана говорил Сталин, и с глубоким вниманием слушали вождя солдаты, шинели которых еще пахли дымом сегодняшнего боя. В подразделениях, выведенных на отдых, проводились беседы, доклады о международном положении и даже занимались кружки по истории партии. В полуразрушенных залах с импровизированных эстрад выступали ансамбли художественной самодеятельности. А по соседству время от времени рвались снаряды, посылаемые наугад тяжелыми немецкими пушками из Буды.

Даже в самой гуще боя, непрерывно по нескольку суток сражаясь с врагом, солдаты штурмовых групп не чувствовали себя оторванными от жизни. Политработа на переднем крае не приостанавливалась.

Утром по улицам, отбитым у врага в ночном бою, к передовым группам нашей пехоты пробирались штабные почтальоны, неся свежие газеты, пачки писем. Вечером из уст в уста, из дома в дом передавались последние известия — сводка Советского Информбюро.

Каждый раз в полночь агитатор маленького пехотного подразделения гвардии сержант Криницын отправлялся разыскивать телефон. Обнаружив связистов в одном из соседних домов, он звонил в штаб и узнавал у писаря сводку, только что переданную по радио.

Тут же при свете коптилки, агитатор писал от руки десяток записок и торопился назад. Первый же встреченный на улице солдат получал от Криницына записку.

— Прочти и передай другому, а остальным расскажи,— наставлял агитатор.

Маленькие смятые бумажки, передаваемые иногда на бегу из руки в руку, путешествовали под огнем врага среди солдат.

«Войска 1-го Белорусского фронта,— читали бойцы,— развивая успешное наступление, пересекли границу Германии западнее и северо-западнее Познани, вторглись в пределы немецкой Померании и 29 января с боем овладели городами Шенланке, Лукатц, Крейц, Вольденберг и Дризен».

И от этого громче звучало гвардейское «ура» и еще смелее кидались вперед бойцы.

Иной раз в горячке многочасового боя солдату некогда было и вспомнить, что у него в кармане лежит еще непрочитанная сегодняшняя газета. Но прямо к нему на огневую позицию пробирался политработник или просто подползал поближе его же товарищ — коммунист.

— Газету прочел? А ну, давай вместе.

Так с газетой в кармане и с автоматом в руках приходил к своим солдатам парторг Тибилов. Он ложился на камень рядом с пулеметчиком и читал ему вслух статью за статьей.

Появлялись немецкие бронетранспортеры. Враг шел в контратаку.

— Вы бы пока что ушли, — советовал пулеметчик. — Неровен час — зацепит.

Тибилов усмехался, вскидывал ППШ и прилаживался поудобнее рядом с пулеметчиком.

— Куда ж уходить, раз не дочитали? — резонно возражал он.

И в громкий треск пулеметной очереди вплеталась строчка автомата парторга.

Коммунисты и комсомольцы были в каждой штурмовой группе, в каждом орудийном расчете. Словом и делом учили они солдат. Начинался штурм баррикады, и коммунист рядовой Семенов с возгласом «За Родину! За Сталина!» первый вскакивал на ноги, швыряя гранату во вражеский пулемет. Замешкались солдаты около укрепленного дома — коммунист Кудрин первым находит путь внутрь здания.

По тонкой водосточной трубе он быстро взбирается на третий этаж. Держась одной левой рукой, он правой отцепляет от пояса пару гранат и, кинув их в ближайшее окно, вслед за взрывами переваливается через подоконник. А снизу, торопясь на выручку к смельчаку уже неудержимо ломятся в окна и двери остальные солдаты штурмовой группы. Несколько минут спустя, из окон верхнего этажа с воплями летят на мостовую последние немецкие автоматчики. Здание захвачено.

Поздно вечером в доме, из которого всего два часа назад был выбит враг, идет комсомольское собрание. В большой комнате тускло горят свечи. Половины потолка нет, видно звездное небо и в бледном свете луны, как сосульки, блестят стеклянные подвески люстры.

Повестка дня собрания — завтрашний штурм важного квартала. Выступают коротко, немногословно, деловито. Голосуют, поднимая комсомольские билеты. И это движение похоже на торжественную клятву.

Такую клятву выполняли огнем. Выполняли со всем комсомольским пылом, в безудержном героическом порыве.

Три часа шел бой за здание на перекрестке улиц у парка Неплигет. Первую атаку штурмовых групп немцам удалось отбить. Но один солдат во время этой атаки все же пробился внутрь дома. Это был комсомолец пулеметчик Павел Хирсун.

Хирсун видел, что атака захлебнулась. Но пробиваться назад к своим не стал. Он знал, что скоро последует новый штурм, и гранатами проложил себе по лестнице дорогу на четвертый этаж.

Немцы наседали снизу. Хирсун отбивался. Часть дома горела. Но в дыму и пламени комсомолец продолжал держаться, пока на помощь не пришли товарищи.

На одном из домов, расположенном при въезде в центральные кварталы города, висел портрет молодого гвардейца, окаймленный черной лентой. Фамилия гвардейца была Осадов. На улице Будапешта этот герой повторил бессмертный подвиг Александра Матросова.

В тот день товарищам казалось, что сержанта Осадова боится сама смерть. Пули словно облетали его стороной, и даже испытанные храбрецы дивились, глядя, как он расправляется с врагом.

Осадов первым бросился на штурм вражеского укрепления и, опередив всю роту, вскочил в траншею. Он очутился

Ведут пленных

лицом к лицу с восемью салашистами. Офицер поднял пистолет, но гвардеец выстрелил раньше. Затем в ход пошли гранаты. Подбежавшая рота застала здесь восемь трупов. А Осадов, держа над головой противотанковую гранату, стремглав летел ко второй траншее, откуда по нему строчили автоматчики.

Он добежал невредимый. Гитлеровцы удирали беспорядочной толпой. Те, кто не успел удрать, подняли руки.

В траншее стоял немецкий миномет. Пока пехотинцы разоружали пленных, Осадов повернул ствол миномета; одну за другой выпуская по убегавшим немцам их же собственные мины, он уложил еще дюжину врагов.

Рота двинулась дальше. Но впереди из подвала по наступающей цепи ударил пулемет. Пехотинцы залегли.

— Постойте, я их усмирю,— сказал Осадов.

И, взяв у товарища еще пару гранат, он, быстро работая локтями, пополз прямо туда, где низко над тротуаром частые вспышки огня ясно обозначали пулеметную точку немцев.

Осадов уже прополз половину дороги. Вдруг на боку его по ватной куртке начало расплываться темное пятно. Гвардеец был ранен.

Он остановился на миг, потом поднялся на ноги, шатаясь пробежал последние метры и упал прямо на пулемет. Редко приходилось слышать врагу такое громовое «ура», с каким кинулась гвардейская рота мстить за смерть героя-комсомольца.

К ДУНАЮ!

Бои в Пеште постепенно приближались к Дунаю. С крыш высоких домов уже ясно были видны каменные набережные реки, готические шпили парламента и длинные тяжелые строения городской ратуши, расположенные в самом центре. Нашим разведчикам все чаще удавалось проникать к мостам, ведущим в Буду.

Темной ночью пятеро разведчиков во главе со старшим лейтенантом Виктором Калгановым пробрались сквозь кварталы, занятые врагом, к набережной Дуная у моста Эржебет. На рассвете, когда они, сняв схему, возвращались обратно, им преградили путь немцы. Дорога к своим была отрезана.

Дело было в центре Пешта, на углу улицы Вац и бульвара Эшку. В этом месте стоит пятиэтажное здание банка. Внутри дома были враги. Но разведчики решили — если нельзя вернуться, надо попробовать захватить дом.

Они ворвались в банк. В доме оказалось двадцать семь немцев. В комнатах банка среди стеклянных перегородок, сейфов и громоздких бюро завязалась упорная перестрелка. Калганова ранили еще в первом этаже. Но зато Веретенников успел уничтожить несколько врагов, и двоих гитлеровцев застрелил Максименко. Дрались на лестнице, дрались в коридорах верхних этажей. Патроны уже подходили к концу. Тогда Малахов схватил гранаты и побежал по коридору прямо на выстрелы автоматов. Две пули попали в него, но он ответил четырьмя гранатами, и немцы снова отступили. После нескольких часов боя три разведчика были ранены, а их противники потеряли убитыми семна-

дцать человек. В конце концов десять оставшихся немцев не выдержали и бежали из банка. Здание осталось за разведчиками.

Пятеро храбрецов отбивали все атаки до вечера, пользуясь оружием убитых врагов. А ночью они незаметно проскользнули мимо немецких постов и вернулись к своим. Пришли и раненые. Только Малахова Веретенников принес на спине.

Проникать в глубь обороны противника удавалось не только мелким группам разведчиков. Пехотинцы научились отыскивать «щели» даже в тех кварталах, где укрепления врага казались особенно густыми и сильными. Порой целые подразделения искусным обходом пробирались глубоко в расположение неприятеля. И как только в тылу слышался шум боя, немцы торопились отойти. Передний край резко продвигался вперед, иногда сразу на несколько кварталов.

Таким внезапным «глубоким рейдом» была очищена большая часть улицы Ракоци. Немецкие ближние тылы вдруг сразу очутились в нашем тылу. Старшина Сидоренко, ворвавшись в подвал дома, застал там 35 обедающих солдат-салашистов. Старшина выхватил из-за пояса гранату, и все тридцать пять мадьяр дружно подняли кверху руки с ложками.

В соседнем доме старший лейтенант Михаил Борзов обратил внимание на голоса, которые доносились из-за двери. В комнате оказались два немецких офицера. Один из них говорил по телефону. Увидев на пороге русского, он онемел.

Пять минут спустя, когда Борзов вывел обоих пленных на улицу, к дому подкатила легковая машина. Ее-то и вызывал из немецкого штаба офицер, говоривший по телефону. Борзов воспользовался этой «нечаянной любезностью» немцев и на машине доставил пленных в штаб своей части.

В другой раз благодаря такому быстрому рывку вперед, наши пехотинцы спасли от неминуемой смерти большую группу венгров. Осторожно обследуя один из домов, только что отбитый у немецкой роты, стрелки подошли к массивной двери, ведущей в подвал.

На двери висел тяжелый замок. Солдаты прислушались, и до них явственно донеслись из подвала какие-то приглушенные звуки. Как только замок стали сбивать, все затихло.

У вражеской баррикады после боя

Наконец, дверь подалась. Держа наготове автоматы, трое пехотинцев карманными фонарями осветили темное нутро подвала. Они увидели людей, тесно лежащих на полу. Бледные лица были повернуты к двери, и безумный страх застыл в глазах.

Солдаты поняли, что это не враги. Но кто эти люди — они не сразу догадались.

Один из пехотинцев повернул фонарь, и лучик случайно осветил его лицо и шапку с красной звездочкой. В тот же момент пронзительный радостный крик огласил подвал:

— Орос! (Русские!)

В одно мгновение темное подземелье наполнилось шумом. Люди бросились к дверям навстречу советским солдатам, восторженно приветствуя своих освободителей.

Все разъяснилось, когда венгров вывели на улицу и к ним вызвали переводчика. Этим людям немцы и салашисты готовили смерть. Тут были несколько мадьяр, дезертировавших из салашистских отрядов и пойманных эсэсовцами; рабочие, обвиненные в саботаже; женщины, не сдавшие теплых вещей немцам или отказавшиеся итти строить укрепления. Были жены и дети венгерских солдат, добровольно сдавшихся в плен нашим войскам. Трое суток их продержали в этом подвале без воды и без пищи, и отчаявшиеся люди уже приготовились к голодной смерти. Когда они услышали звук открываемой двери, никто из них не сомневался, что это пришли эсэсовцы вести их на расстрел. Неожиданное спасение казалось им чудом.

А два дня спустя в другом таком же подвале полуразрушенного дома наши солдаты нашли трупы зверски убитых венгров. Их вынесли наверх и положили в ряд — двух солдат мадьярской армии, беловолосого старика-венгра, трех женщин и подростка-мальчика. Сняв шапки, молча и сурово стояли около расстрелянных и замученных людей советские воины. От соседнего дома подошли несколько мадьяр, с ужасом глядя на мертвые тела. Еще молодой венгр с полным лицом нездорового землистого цвета от долгого сидения в темном подвале, вдруг забился в истерике, закрывая ладонями глаза. Тогда его спутник пожилой хромой мадьяр на ломаном русском языке объяснил, что плачущий мужчина — лавочник из Будафока — вспомнил своих жену и ребенка, убитых немцами. Лавочник, спасаясь от мобилизации в салашистский отряд, прятался в своем

доме, но кто-то из соседей донес, и немцы забрали его вместе с семьей. Ему удалось бежать из подвала, где их заперли, но жена и ребенок остались в руках немцев и наверно погибли. А сам лавочник потом несколько месяцев скрывался у своего родственника, пока не пришли русские.

— Как же он жену и ребенка бросил, а сам бежал? — спросил голубоглазый юноша-автоматчик, неодобрительно глядя на пухлое землистое лицо лавочника. Тот уже успокоился и только, всхлипывая, размазывал грязные слезы по щекам.

Пожилой венгр перевел ему вопрос солдата, и лавочник, окончательно оправившись, принялся что-то горячо доказывать, делая жалкую мину и растерянно разводя руками. Он ответил, что не было другого выхода. Все-таки, мол, он уцелел благодаря побегу, смог скрыться от немцев и дождаться счастливого часа, когда пришли русские.

— Эх, ты...— презрительно сквозь зубы процедил автоматчик. — Торговец, одно слово. Скажите, какой герой, в подвале отсиделся, а жену с дитем бросил. Драться с немцами надо было, а не ждать, пока другие их побьют. Ты ему переведи,— добавил он,— что если б мы тоже у себя в России вместо того, чтобы немца бить, по подвалам хоронились, так вот бы что с этим лавочником было.— И автоматчик резким жестом показал на лежащие у его ног трупы.

Когда лавочнику снова перевели слова солдата, он вдруг, мелко тряся головой, с плачем кинулся вперед, и, схватив руку автоматчика, припал к ней губами. Молодой боец с брезгливой гримасой поспешно отстранил венгра прочь.

— Ну, брось... я тебе что говорю,— сердито пробормотал он. — Лучше вот своих людей похороните... а то нам итти нужно...

Солдаты ушли, не оборачиваясь. Неподалеку громыхнули взрывы снарядов, и лавочник, трусливо вздрогнув, засеменил назад в дом...

Ожесточение боев в Пеште нарастало. По мере того, как враг, пятясь, отходил к дунайским мостам, озлобление его росло. Яростно защищались окруженные немцы в домах. Все чаще и отчаяннее противник бросался в контратаки. Каждый новый квартал доставался нашим солдатам ценой тяжелого напряжения, ценой крови. Но пехотинцы не выпускали победу из своих рук.

Несколько десятков немцев шли на один станковый пулемет, за которым лежал солдат Иван Музыка. Цепи гитлеровцев поднимались в атаку и опять ложились под огнем, но с каждым разом ложились все ближе. Музыка понял, что волна врагов захлестнет его, если он не пойдет на хитрость. Он рискнул.

Когда снова раздался крик немецкого офицера и немцы вскочили на ноги, пулемет дал короткую очередь и умолк, словно вышел из строя.

— Отбивайтесь гранатами! — приказал Музыка расчету.

Как только разорвались первые гранаты, немцы поняли, что пулемет неисправен. Толпа грязно-зеленых оборванцев с торжествующим воплем понеслась вперед.

Музыка ждал этого. Последние десятки метров отделяли гитлеровцев от пулеметчика, как вдруг длинная очередь в упор стеганула по бегущим. Пулемет не смолкал, пока не кончилась лента. Сорок убитых врагов в тот день записал на свой счет Музыка. Немцы уже не отважились повторить атаку.

С еще более многочисленным врагом пришлось столкнуться подразделению капитана Декалло. В рукопашной схватке его солдаты одолели немецких пехотинцев и заняли баррикаду на перекрестке. Немцы разбежались по соседним домам. Но в тот же момент из смежных улиц на перекресток вырвались два фашистских танка и пять бронетранспортеров с автоматчиками.

— В укрытия! — скомандовал капитан.— Орудие, вперед!

Пока солдаты вели с немцами перестрелку, командир орудия Земченко со своим расчетом подтащил пушку к баррикаде. Первый снаряд поразил танк, два других заставили остановиться передние бронетранспортеры.

Остальные машины стали разворачиваться, спеша выйти из-под обстрела. Немцы посыпались на асфальт. Но в них полетели гранаты пехотинцев, открыли огонь наши автоматчики и пулеметчик комсомолец Миловидов из-под перевернутого киоска ударил длинными очередями.

Иногда затравленный раненый хищник в порыве предсмертного отчаяния внезапно кидается прямо на охотников. Так случилось и тут. Видя, что живыми отсюда не уйти, гитлеровцы бросились навстречу пулям и гранатам в атаку, полную слепого бешенства.

Сразу же был тяжело ранен пулеметчик Миловидов. Силы покидали его, сознание мутилось, но солдат продолжал стрелять. Несколько немцев бежали к капитану Декалло. Один швырнул в офицера гранату, но младший лейтенант Решевский в тот же миг загородил собой командира. Разрыв не задел капитана. В следующую секунду наши солдаты выскочили из укрытий и в рукопашном бою добили остатки врагов. На мостовой перед баррикадой остались десятки трупов в зеленых шинелях. В центре этого побоища лежал мертвый пулеметчик Миловидов так, словно он еще продолжал стрелять. С трудом удалось разжать его пальцы, упорно не отпускавшие рукоятей пулемета.

Контратаки не помогали противнику. Немцы изощрялись в коварстве, пытаясь любой ценой сдержать затягивающуюся петлю окружения.

Сопротивление врага становилось все более яростным. Гитлеровцы защищались с бессмысленным неистовством. Окруженные где-нибудь в доме, загнанные на чердак или сброшенные в подвал, потерявшие всякую надежду на то, что их выручат свои, они все же дрались до последнего патрона. Так в слепом безумии отчаяния дерется за свою жизнь злодей, кровавые преступления которого уже не дают ему права рассчитывать на пощаду.

Как непохожа была звериная ярость обреченных фашистов на гордую, сознательную стойкость советских воинов! Маленький, будничный боевой эпизод, произошедший в середине января, особенно ярко показывает эту разницу.

На окраинной улице Буды большая группа эсэсовцев, предприняв внезапную контратаку, ворвалась в дом, где оборонялись семь наших солдат во главе с сержантом Бердяевым. Врагам удалось занять лестничную клетку и отрезать советских пехотинцев от верхних этажей. Бой разыгрался в длинной анфиладе комнат первого этажа. Отстреливаясь из автоматов и отбиваясь гранатами, пехотинцы отчаянно дрались за каждое помещение и сооружали на пути врага все новые баррикады из мебели. Но фашистов было в несколько раз больше. Вскоре двое стрелков упали, сраженные вражескими пулями. Боеприпасы подходили к концу, и враг теснил уцелевших бойцов. Тогда, оставив товарищей защищать очередную баррикаду и приказав стрелять только наверняка одиночными выстрелами, сержант Бер-

дяев отправился осмотреть последние комнаты, надеясь найти какой-нибудь выход из дома наружу.

О том, чтобы воспользоваться окнами, не могло быть и речи — враг держал весь фасад дома под непрерывным обстрелом. Наружных дверей нигде не оказалось, а стены всюду имели почти метровую толщину. Бердяев уже собирался возвратиться назад, как вдруг в конце маленького темного коридора обнаружил ступени, ведущие куда-то вниз. Сержант ощупью спустился по лестнице и увидел бледную полоску света, пробивающуюся из-под двери. Он толкнул дверь и очутился в бункере.

Душный, спертый воздух, пропитанный смешанным запахом пеленок и керосиновой копоти ударил ему в нос. Послышался испуганный женский вскрик, и тотчас же заголосили дети. Большое подвальное помещение, тускло освещенное чадящими плошками, было забито людьми. Сержант видел жалкие испуганные лица женщин, стариков, детей, обращенные в его сторону. Это было население дома, укрывшееся сюда от опасности.

Бердяев успокаивающе поднял руку и сказал: «Йо регет» (Доброе утро) — одну из немногих известных ему венгерских фраз. Население подвала хором ответило на приветствие, и мадьярки разом заговорили, горячо объясняя что-то. Сержант пожал плечами и, в свою очередь, попытался спросить, нет ли в подвале другой двери.

Тогда, откуда-то из глубины полутемного помещения, прихрамывая, вышел седой старик и заговорил с сержантом по-русски. Это был один из тех австрийских военнопленных времен первой мировой войны, которые по нескольку лет прожили в России. Старательно подбирая слова, старик отвечал на вопросы советского воина. Нет, никакой другой двери в бункере не было. Подвал оказался изолированным.

Сквозь неплотно прикрытую дверь доносился сверху шум боя. Стрельба явно приблизилась, видимо, эсэсовцы теснили наших солдат. Бердяев повернулся, чтобы итти назад, но мадьярки что-то взволнованно закричали и старик поспешно заковылял за сержантом.

— Господин офицер, господин офицер! Женщины хотят знать будет ли здесь в бункере бой? Они боятся немцев... тут дети, господин офицер...

Бердяев остановился у двери. Десятки глаз встревоженно, умоляюще смотрели на него. С краю на широкой

кровати молодая бледная женщина, укутанная в синий шерстяной платок кормила грудью ребенка. Рядом на грязной подушке темнело морщинистое лицо больной старухи. Трое малышей, взявшись за руки, сидели на куче соломы в углу и один надрывно, страдальчески кашлял. Старый мадьяр с трясущейся головой приподнялся со своего тюфяка на локте, и его свистящее астматическое дыхание колебало огонек светильника на столике. У всех на лицах был написан один и тот же немой вопрос...

Сержант на мгновение представил себе бой в этом бункере, грохот гранат и треск выстрелов в темноте, истерические вопли женщин, истошный детский крик, весь ужас этих беззащитных людей. Здесь в подвале можно было бы устроить хорошую баррикаду и продержаться еще полчаса-час, пока не подоспеет помощь или пока не кончатся патроны. Но сколько жертв будет среди этих женщин, детей и стариков. Нет, сюда приводить смерть нельзя.

— Успокой их, отец,— сказал Бердяев.— Пока мы живы, немцы сюда не придут, и мы в подвал отступать не станем. Но, имейте в виду, патронов у нас уже мало. Так что долго не продержимся... А нашим, когда придут, передашь, дескать, дрались солдаты до последнего патрона.

И прежде чем старый мадьяр успел вникнуть в смысл этих слов, дверь подвала захлопнулась.

Сержант Бердяев сдержал свое обещание. Ни один из советских бойцов не спустился ни на ступеньку по лестнице, ведущей в подвал. Обитатели бункера с замиранием сердца прислушивались к грохоту боя, усиливавшемуся по мере того, как немцы оттесняли наших солдат в конец дома. Долго трещали наверху длинными злыми очередями немецкие автоматы и в ответ коротко и сухо щелкали выстрелы советских пехотинцев. Потом люди в подвале услышали, как два или три голоса закричали «ура!», бой вспыхнул с новой силой, глухо громыхнули взрывы гранат и сразу все стихло.

— Они погибли,— тихо сказал женщинам старик, разговаривавший с Бердяевым, и мадьярки поспешно закрестились.

Прошло еще минут десять томительного ожидания, и по ступеням подвальной лестницы затопали сапоги. Резкий удар распахнул дверь, и трое немцев в черных эсэсовских мундирах стали на пороге, держа наперевес автоматы.

— Хенде хох! — раздалась команда.

Люди вскочили с мест. Даже больная старуха торопливо выпростала из-под одеяла костлявые руки и подняла их над подушкой.

Долговязый узколицый оберфельдфебель со вздувшимся красным шрамом на шее, исподлобья настороженно и недобро оглядывал подвал. Не отнимая пальца от спускового крючка автомата, он сделал несколько шагов по бункеру. Второй солдат последовал за ним. Третий остался стоять у двери.

Старый мадьяр снова выступил вперед:

— Господин офицер,— просительно сказал он по-немецки.— Здесь нет русских солдат. Здесь только наши женщины и дети.

Произнося эту заранее подготовленную речь, старик машинально опустил поднятые руки. В тот же момент немец со шрамом, ощерив редкие желтые зубы, рявкнул ему в лицо:

— Хенде хох!

И с силой ткнул старика автоматом в живот. Мадьяр согнулся и с размаха сел на пол. Не обращая внимания на него, эсэсовец направился в темную глубину подвала, провожаемый испуганными взглядами женщин.

Но в это время наверху в доме снова началась стрельба, раздались взрывы. Солдат у двери что-то крикнул, и все трое немцев стремглав кинулись из подвала.

В дом ворвались советские пехотинцы. Это были однополчане Бердяева, с которыми сержанту уже не довелось встретиться. Мстя за гибель товарищей, стрелки яростно атаковали эсэсовцев. Бой разгорелся во всех этажах.

Внизу немцы оказались в таком же положении, в каком всего полчаса тому назад был сержант Бердяев со своими солдатами. Теперь десяток эсэсовцев оборонялся за баррикадами из мебели, а наши стрелки постепенно отвоевывали у них одно помещение за другим, оттесняя врагов в ту часть дома, где в последней комнате еще лежали израненные мертвые тела нескольких советских бойцов, дравшихся до последнего патрона и храбро встретивших смерть в жарком рукопашном бою.

Эсэсовцы сопротивлялись упорно, но теперь перевес был не на их стороне. У третьей баррикады их осталось только пятеро во главе с оберфельдфебелем. И патроны у них тоже подходили к концу. Исход боя не вызывал никаких сомнений.

Тогда оберфельдфебель, оставив своих солдат, кинулся к лестнице, ведущей в бункер. Люди в подвале оцепенели, увидев страшное перекошенное злобой и ужасом лицо немца.

Эсэсовец подскочил к ближайшей кровати, на которой молодая женщина, закутанная в синий платок, укачивала запеленутого ребенка. Мадьярка с криком отшатнулась от протянутой к ней руки, но немец, схватив за платок, сорвал его, и длинные черные волосы упали женщине на лицо. Немец бросил автомат на постель, и накинув платок себе на голову, дрожащими руками заматывал его вокруг своего длинного лица. Потом резким жестом приказал женщине раздеваться.

Мадьярка, обрадованная уже тем, что ее не собираются убивать, мигом скинула пальто и стащила с себя цветастое платье, оставшись в одной сорочке. Прислушиваясь к шуму боя, немец с лихорадочной поспешностью натягивал поверх мундира пестрый женский наряд, раздирая его по швам. Потом он заставил женщину отдать ему чулки и забрал ботинки, стоявшие у кровати больного астмой старика. Обитатели подвала с удивлением и страхом наблюдали эту странную сцену переодевания.

С трудом втолкнув ноги в стариковские ботинки, эсэсовец вскочил с кровати. Теперь его в самом деле можно было принять за женщину в этом пальто кокетливого фасона, из-под которого выглядывал подол яркого пестрого платья. Он повернулся было к двери, но вдруг его внимание привлек запеленутый ребенок, которого женщина положила на подушку. Малыш неумолчно кричал.

Мадьярка заметила, что глаза немца остановились на ребенке и, почувствовав инстинктивно, что ее дитя в опасности, схватила его на руки. Внезапно стрельба наверху оборвалась, и это подействовало на немца, как удар хлыста. Бросившись к женщине, он попытался вырвать у нее из рук ребенка. Мадьярка, крича, прижимала малыша к груди. Тогда эсэсовец с размаха ударил ее кулаком по лицу. Женщина навзничь упала на постель, обливаясь кровью, а немец, выхватив у нее ребенка, исчез за дверями.

Бой в доме окончился. Эсэсовцы, дострелляв свои патроны, дружно подняли руки и заголосили «Гитлер капут». Пленных повели на улицу, когда закутанная в платок женщина с грудным ребенком на руках быстрым шагом прошла через комнаты из глубины дома к выходу, обогнав наших

бойцов. Солдаты, столпившиеся в подъезде, расступились, пропуская ее. Ребенок надрывно и голосисто кричал. Женщина на ходу низко склонилась к нему, не глядя по сторонам.

Молоденький автоматчик, стоявший в дверях и с наслаждением потягивавший цыгарку, сочувственным взглядом проводил молодую мать.

— Ишь кричит малыш, бедняга! — пожалел он.— Верно больной... Сахару бы ему дать...

Он, торопясь, полез в карман, достал оттуда заботливо хранимый солдатский запас рафинада и крикнул вслед женщине:

— Дамочка! Эй, дамочка!

Но женщина, видно, не поняла оклика и, так же низко склонившись над ребенком, уже сходила с широкого каменного крыльца. Автоматчик бегом догнал ее и осторожно тронул за плечо.

— Дамочка! Сахар вот...

Но «дамочка» вдруг сильно вздрогнула и, втянув голову в плечи, замерла. Автоматчик недоуменно заглянул ей в лицо, и рывком сдернул с плеча автомат.

— Стой!

Из дверей удивленно смотрели солдаты. Но тут, откуда-то из глубины дома послышался истошный высокий вопль, и минуту спустя, расталкивая бойцов, на крыльцо выбежала полураздетая женщина в одной сорочке, с распущенными волосами и окровавленным лицом. Она на мгновение остановилась, дико озираясь, и вдруг, заметив фигуру, неподвижно замершую под наведенным автоматом, с торжествующим криком бросилась к ней.

В следующую секунду женщина уже прижимала к себе ребенка, горячо целуя его и что-то нежно приговаривая. Переодетый немец поднял руки и стоял, понурившись.

Солдаты обступили мадьярку, участливо расспрашивая ее. Ей показали того, кто задержал немца и она, радостно смеясь и не выпуская ребенка, потянулась губами к щеке солдата. Молоденький автоматчик смущенно заулыбался.

Немца вытряхнули из пальто, стащили с него платок и помогли женщине одеться. Гитлеровец выглядел до смешного нелепо в ярком платье, в распоротых швах которого чернел его эсэсовский мундир. Но никто из солдат не смеялся. Возмущение, ненависть к этому разбойнику были написаны на их лицах.

Немного придя в себя и убедившись, что ребенок цел и невредим, женщина обернулась к немцу. Она исступленно закричала что-то, топая ногами и тряся головой. Немец, опасливо косясь на нее, всхлипнул носом и переступил с ноги на ногу. Тогда мадьярка обратилась к молодому солдату, задержавшему эсэсовца, и быстро заговорила, часто и требовательно повторяя какое-то слово и показывая то на автомат, то на немца.

— Убей, мол, говорит,— пояснил кто-то из бойцов.

Автоматчик ненавидяще глянул на немца. У него и самого все кипело внутри и чесались руки расправиться с эсэсовским бандитом. Но дисциплина пересилила это чувство.

— Нельзя,— хмуро сказал он женщине.— Пленного не положено убивать.

И, с сердцем толкнув дрожащего эсэсовца прикладом автомата в бок, прикрикнул:

— Ступай, ты... с-сволочь!

Гитлеровец, трусливо оглядываясь и не опуская рук, послушно поплелся впереди.

Никакой подлостью не гнушался враг. Переодетые в штатское немцы прятались у нас в тылу на чердаках, в закоулках подземелий и, выждав удобный момент, предательскими выстрелами в спину убивали советских солдат. Даже будучи захвачены в плен, гитлеровцы все-таки продолжали изворачиваться и лгать. Многие из них в плену выдавали себя то за венгров, то за французов. Впрочем, эта ложь всегда легко разоблачалась.

Заметив, что наши войска стараются сохранить от разрушения исторические памятники и здания города, противник воспользовался этим. Немцы стали устанавливать пулеметы прямо на постаментах памятников. Лучшие старинные дома они намеренно укрепляли. Так было превращено в крепость здание национальной оперы на площади Тисса Кальман, стала мощным опорным пунктом военная академия Людовика, укреплен парламент.

Геббельс кричал о том, что русские разрушают в Будапеште исторические ценности. А генералы в «котле» злорадно усмехались, когда, щадя редкую архитектуру, советская артиллерия прекращала огонь и пехотинцы предпринимали глубокий и трудный обход, чтобы взять такой дом с наименьшими разрушениями.

Любопытная сцена произошла около одного здания на центральной улице. В этом доме, окруженном со всех сто-

рон нашими пехотинцами, засела большая и хорошо вооруженная группа салашистов. Они забаррикадировали окна и двери и продолжали отстреливаться, хотя им уже несколько раз предлагали сдаться.

Здание было солидное, и штурмовать его было бы нелегко. Командир подразделения решил взорвать дом, поскольку гарнизон упорствовал и отклонял все предложения о капитуляции. Саперы приготовили тол.

В это время в цепях наших стрелков появился седой старик — венгр. Он был необычайно взволнован, нервно жестикулировал и что-то пытался объяснить солдатам, показывая на осажденный дом. Наши воины заинтересовались, и к месту происшествия был вызван переводчик.

Оказалось, что старый венгр — преподаватель музыки, а здание, в котором засели салашисты,— одна из лучших музыкальных школ Будапешта. Старик просил не взрывать этого дома. Он объяснил, что внутри находится несколько десятков роялей — ценнейшие инструменты, которые стоят огромных денег. Он предложил послать его в качестве парламентера к салашистам, укрепившимся внутри здания, и уверял, что сумеет уговорить их сдаться.

— Ну что ж! — сказал командир подразделения.— Пусть попробует. Действительно, жалко взрывать такую ценность.

Венгру дали палку с белым платком и он, высоко подняв этот флаг, направился к дому. Салашисты не стреляли. Старик остановился посреди мостовой и, задрав голову кверху, принялся что-то кричать по-венгерски. В ответ из окна третьего этажа раздался пьяный хохот, а затем автоматная очередь. Палка с белым платком упала на камни, и старый музыкант, схватившись рукой за шею, на которой показалась кровь, шатаясь, побрел назад.

По счастливой случайности пуля только слегка оцарапала шею старика. Пока санитар перевязывал эту ссадину, венгр сказал командиру:

— Взрывайте. Пусть погибнут рояли, но этих злодеев надо уничтожить.

Но офицеру было жалко ценных инструментов.

— А что, товарищи, попробуем штурмовать? — спросил он у пехотинцев, столпившихся вокруг.

— Штурмуем!.. Возьмем!.. — зашумели в ответ солдаты.

И полчаса спустя здание музыкальной школы было

Штурм парламента

взято стремительным штурмом. Гарнизон салашистов, яростно сопротивлявшийся, оказался полностью уничтоженным.

Вне себя от радости старик-венгр обнимал советских воинов. Он торжественно повел их на третий этаж, где в большом зале с выбитыми окнами стояло несколько роскошных инструментов, и открыл крышку одного из роялей. В комнате, где еще висел пороховой дым боя, раздались вдохновенные звуки патетической сонаты Бетховена. Это был гимн, которым старый венгерский музыкант славил воинов-освободителей.

Бои в Пеште вступали в решительную фазу. Левобережная дуга окружения сжималась, как стальная пружина, оттесняя немцев к мостам через Дунай. 14 января были заняты восточный вокзал и газовый завод. 15 января наши войска очистили западный вокзал, центральную клинику и городской театр Вароши. На следующий день были взяты штурмом артиллерийские казармы, освобождено здание Высшей художественной школы и крупнейшего универмага «Цорвин». Число пленных достигло 7 тысяч человек.

В руках врага оставался самый центр Пешта, кварталы, где находились важнейшие здания города. Сердцем этого центрального района была городская ратуша. К ней сбегались со всех сторон главные лучевые улицы Пешта, к ней шаг за шагом продвигались советские пехотинцы, тесня противника.

В каждой столице есть здания, памятники, сооружения, которыми особенно гордятся жители города. Парижанин может похвастаться музеями Луврского дворца, стальным кружевом Эйфелевой башни. Житель Вены гордится затейливой архитектурой старинного собора святого Стефана, оперным театром. Для будапештцев предметом их гордости были мосты через Дунай.

Четыре наиболее красивых моста — Франца-Иосифа, Елизаветы, Цепной и Маргариты — находились в центральной части города. Их легкие ажурные конструкции, казалось, повисли в воздухе, над широкой рекой. С крыш высоких домов Пешта наши воины могли ясно видеть все четыре моста. И каждого, кто издали любовался ими, волновал вопрос:

— Что сделают с ними немцы? Неужели, когда Пешт падет, гитлеровцы осмелятся взорвать эти мосты — гордость венгерской столицы?

Решено было разведать, успел ли враг заминировать мосты. В ночь на 15 января двое наших саперов-разведчиков — старший сержант Угланов и сержант Щербаков совершили беспримерно дерзкую вылазку.

Поздно вечером у северных окраин Пешта на бурливую быструю воду Дуная была спущена хрупкая лодчонка. Надев специальные резиновые костюмы и захватив с собой оружие и гранаты, Угланов и Щербаков прощались с товарищами. Лица провожающих были серьезны — двое саперов отправлялись в чрезвычайно опасное путешествие. Опасность заключалась не только в том, что Угланову и Щербакову предстояло проникнуть в тыл врага. Само плавание по Дунаю грозило гибелью. По реке шел лед, и даже отсюда, с берега было слышно по временам, как трещат сталкивающиеся льдины. Но оба смельчака были спокойны, веря в успех своего рейда.

Лодочка отчалила от берега, и быстрое течение подхватило ее. Саперы поспешно выгребли на середину реки. Они ловко маневрировали, избегая столкновения со льдинами. Уже через несколько минут по обе стороны реки оказались берега, занятые немцами. И тут большая льдина с силой ударила лодку. Послышался треск досок, и в пробоину хлынула вода. Саперы кинулись затыкать дыру и кое-как ликвидировали опасность.

Впереди показался тёмный силуэт первого моста. Лодка подходила к цели. Стараясь грести бесшумно, саперы проплыли вокруг мостового устоя и обнаружили, что взрывчатка заложена. Мост был подготовлен к взрыву.

В это время еще одна льдина с разбега врезалась в лодку, и утлое суденышко, окончательно разбитое, стало тонуть. Схватив оружие, Угланов и Щербаков пустились вплавь к более близкому правому берегу.

Они вышли на землю в Буде, в самом центре расположения противника. На счастье поблизости никого не оказалось, и темная ночь скрывала их от глаз врагов. Осторожно пробираясь по склону холма наверх, саперы обнаружили глубокий заброшенный окоп. Место было довольно укромное, и разведчики решили спрятаться здесь, так как уже близился рассвет.

Весь следующий день им удалось просидеть незамеченными в этом окопе. Саперы не теряли даром времени и зорко наблюдали за тем, что делается в лагере противника. Они видели, как одна за другой несутся через мосты

немецкие машины, направляясь в Буду, запоминали расположение огневых средств врага, и наблюдательных пунктов, которые были в их поле зрения. В то же время они высматривали удобный путь для возвращения к своим. Решено было, как только наступит вечер, направиться по улицам Буды к линии фронта и там незаметно перейти через передний край немцев.

Почти всю ночь шли разведчики. Они пробирались глухими закоулками, далеко обходили вражеские посты, прятались от встречных немецких патрулей. Несколько раз им казалось, что столкновение неизбежно, и они готовились подороже продать свою жизнь. Но счастье сопутствовало храбрецам в их отчаянно смелом предприятии. Угланову и Щербакову удалось без всяких стычек с врагом добраться до линии фронта. Перед рассветом они были уже на нашей стороне и несколько часов спустя подробно докладывали командованию ценные сведения, собранные во время разведки.

Ночь с 16 на 17 января решила судьбу Пешта. В эту ночь пехота прошла последние кварталы на пути к ратуше.

Все, что мог, стянул сюда неприятель. На улицах появились «тигры» и «пантеры», десятки бронетранспортеров. Немцы решили применить новую тактику. Бронированные машины врага стали на всех перекрестках и зажгли свои сильные фары, заливая потоками света темные проспекты, по которым должна была итти к ратуше советская пехота. Это непривычно яркое освещение на пустынных улицах придавало ночи какой-то торжественный характер.

Пушки немецких танков настороженно глядели в освещенную даль. За баррикадами наготове лежали автоматчики. Враг ждал. Но впереди не замечалось никакого движения.

И вдруг дробь советских автоматов и гулкие взрывы гранат раздались совсем неподалеку. Бой гремел в ближайшем квартале, но уже за спиной немцев.

Этого немцы боялись. Сейчас же гасли фары и автоматчики вскакивали на бронетранспортеры. Машины торопливо развертывались, отступали на один квартал назад и занимали пост на следующем перекрестке. И опять повторялось то же. Стрельба начиналась сзади.

Советские пехотинцы обманули противника. Они не пошли по освещенным улицам, а пробивались вперед по тем-

Пешт взят

ным переулкам, или шли подземными проходами и, обойдя перекресток, поднимали стрельбу в тылу танков.

К рассвету первая рота наших пехотинцев во главе с комсомольцем лейтенантом Вильянович закрепилась на подступах к ратуше. Вышли в кварталы, прилегающие к ратуше со стороны улиц Доб, Вешеленьи и Дохань, другие подразделения. К передовым позициям подтягивались свежие резервы. Гвардейцы готовились к штурму.

Немцы тем временем спешно перебрасывали оставшуюся технику в Буду. Будапештские мосты были подготовлены к взрыву. Враг собирался, уходя из Пешта, «хлопнуть дверью».

Ратуша — огромное тяжелое строение, протянувшееся на целый квартал. Стены ее — в метр толщиной. Большой внутренний двор сплошь застроен домами городской управы. Внизу, в обширных подвалах, находились склады боеприпасов. В эту последнюю ночь там суетились немецкие саперы, закладывая мины.

Хмурое зимнее утро вставало над городом. С первыми проблесками рассвета ударили наши пушки. Огневой вал накатился на здание ратуши. Вслед за тем сквозь гул орудий прорвалось могучее гвардейское «ура!».

Пехота двинулась на решительный приступ по всей линии штурма. По улицам, ведущим на дунайскую набережную, сметая врага, катился девятый вал наступления.

— За Родину! За Сталина! Вперед, к Дунаю!

С этим возгласом поднял в атаку свое комсомольское отделение гвардейцев коммунист гвардии сержант Антоненко. Его отделение в начале января одним из первых ворвалось в кварталы Пешта и теперь комсомольцы стремились первыми выйти к дунайской набережной. Заглушая трескотню немецких автоматов, грянуло гвардейское «ура!». И хотя перед вражеской баррикадой, перегородившей улицу, стояла стена заградительного огня немецких минометов, молодые солдаты во главе с большевиком Антоненко смело кинулись в огонь. Гвардии сержант первым перемахнул через баррикаду и из автомата в упор расстрелял семерых фашистов. Ударом приклада свалил немецкого ефрейтора комсомолец Дутов. Остальные немцы кинулись наутек в сторону набережной и тут же свалились под пулями гвардейцев. А Антоненко, не медля, повел своих комсомольцев на штурм следующей баррикады, пробивать дорогу к Дунаю.

Грохот, которого еще не слышал Будапешт, сотрясал дома. Черным дымом и пылью окутались центральные кварталы.

Не дать врагу уйти за Дунай!

Эта мысль в то утро волновала всех наших воинов. Солдаты бесстрашно рвались в огонь, презирая опасность, кидались на последние баррикады, в последние укрепленные дома. Шел бой в залах парламента, кипела яростная схватка во дворе ратуши. А немецкие машины на предельной скорости неслись через мосты в Буду.

Полкилометра... 300... 200 метров осталось пройти до Дуная штурмовой группе Вахтанга Бачарашвили. Пехотинцы приготовились к окончательному броску. В это время в передовые цепи, запыхавшись, прибежал посланец артиллеристов.

— Даем огонь! — закричал он. — Товарищи, не пустите немца за Дунай!

— Что ответим? — обратился Вахтанг к солдатам.

Белая ракета взлетела из-за дома, где находился командный пункт подразделения. Это был сигнал атаки. С торжествующим «ура!» пехотинцы рванулись вперед.

— Видишь? — спросил Бачарашвили.— Идем вперед. Такой ответ и передай.

Левый берег Дуная гудел и дрожал. Казалось, холмы Буды испуганно притихли, прислушиваясь к нараставшему гулу сражения в Пеште.

Потом на набережной показались бегущие немцы. Тогда над рекой, как перекаты оглушительного грома, загрохотали тяжелые взрывы и, сердито пенясь, закипела дунайская вода. Мосты, краса и гордость Будапешта, были взорваны немцами.

Последние очереди автоматов раздавались в парламенте. Последние гранаты рвались в коридорах ратуши. Бой затих, и только вдали за Дунаем, среди холмов Буды, попрежнему гремела перестрелка.

Пешт был взят.

Дымились и догорали дома. На панелях и мостовой валялись убитые немцы. Черными обугленными провалами окон глядела на площадь ратуша. Пленные бесконечными колоннами потянулись по улицам в тыл. Их было 20 тысяч.

А из подземелий Пешта люди торопились выйти наверх к свету, к свободе. Улицы заполнились радостными толпами жителей города.

★

ЖИЗНЬ ПРОБУЖДАЕТСЯ

Фронт — это не только линия огня. Фронт — это также линия жизни. Там, где недавно отгремел бой, на опаленной изрытой воронками земле пробиваются ростки новой жизни, упорные и цепкие.

Жизнь в Будапеште начала просыпаться с того момента, как фронт шагнул за первые кварталы городских окраин.

Едва лишь грохот миновал, окраинные дома и трескотня перестрелки стали удаляться в сторону центра, на затихших улицах появились жители города.

Сначала покинуть свои подземные норы решились лишь немногие. С замиранием сердца они поднимались на поверхность земли, вспоминая рассказы о «советских зверствах», которыми запугивали их салашистские пропагандисты. Но любопытство и голод влекли наружу. Люди выходили на улицу.

Мимо домов тянули провода связисты. Шли за пушками артиллерийские расчеты, выдвигаясь на новые огневые позиции. Бродили с миноискателями саперы. Вели в тыл пленных.

Будапештцы боязливо смотрели на солдат с красными звездочками на шапках, снимая шляпы, кланялись.

Солдаты отвечали улыбками, дружелюбно, приветливо кивали. На широких открытых лицах русских людей не было и тени враждебности. Не слышалось поблизости ни воплей истязуемых, ни выстрелов. Стрельба доносилась лишь оттуда, куда ушел фронт. Становилось ясно, что салашисты врали.

Те, кто был посмелее, отваживались вступать в разговор с солдатами. Помогая себе жестами, всячески старались выразить радость по поводу прихода русских и свое презрение к немцам. Привыкшие к таким излияниям, где порой трудно было отличить искреннее от притворного, бойцы только посмеивались. Глядя на худые, изможденные лица горожан, кто-нибудь из солдат лез в карман и, достав завернутый в тряпицу хлеб, угощал венгра:

— Бери, небось голодный.

Взволнованный, удивленный человек возвращался в подвал. Его окружали сожители по подземелью.

— Они не убивают? — спрашивали женщины.

— Они дали мне хлеб,— с торжеством отвечал побывавший на улице. — Они никого не трогают. Салаши врал.

И население подвала спешило наверх. Теперь уже с самой искренней радостью люди встречали своих освободителей. Рассказывали о бесчинствах немцев, жаловались на голод, просили хлеба. Солдаты охотно делились своими запасами.

Еще рвались на освобожденных улицах немецкие снаряды. Десятки домов были разрушены до основания. Другие стояли, зияя провалами окон, пробоинами в стенах, холодный ветер гулял по комнатам. Множество людей осталось без крова. А самое главное — нечего было есть. Будапештцы сотнями потянулись из столицы на восток, в те места, которые были освобождены раньше и где уже наладилась нормальная жизнь.

По шоссе, ведущим в Цеглед, в Сегед, вереницей ехали телеги, груженные мебелью, узлами, чемоданами. Шли пешеходы, толкая перед собой ручные повозки с домашним скарбом. Шли и ехали целыми семьями.

А фронт постепенно двигался к центру Будапешта.

18 января в последнем решительном штурме были заняты около пяти тысяч центральных кварталов с самым густым населением. Весь Пешт теперь был освобожден.

На полуразрушенных, загроможденных баррикадами, дымящихся улицах забурлила жизнь. Из подвалов тащили чемоданы, сундуки, перины. Несмотря на методический обстрел со стороны Буды, жители возвращались в свои квартиры.

В центре внимания были советские солдаты и офицеры. Их обступали на улицах любопытные, расспрашивали о событиях на фронте, о жизни в Советском Союзе.

Вся паутина лжи и клеветы, сотканная салашистами вокруг советских воинов, исчезла. Вместо страшных зверей, о которых рассказывали приспешники венгерского «фюрера», будапештцы видели перед собой добрых, отзывчивых людей, готовых поделиться последним куском хлеба, культурных, вежливых солдат и офицеров. Лица русских были усталыми, закопченными в бою, в покрасневших, запавших глазах угадывались бессонные ночи, проведенные среди свиста пуль и грохота снарядов. Еще недавно эти лица, озаренные огнем боя, горели неутомимой ярой ненавистью к врагу. Но вот бой кончился, и равнодушными глазами провожают солдаты колонны пленных немцев, а на женщин, детей, стариков смотрят с выражением дружелюбного участия, искренно сочувствуя этим людям, на слабые плечи которых гитлеровцы взвалили непосильное бремя тяжких лишений. Нет, не враги, не завоеватели, а освободители пришли в Будапешт!

Вот советская девушка-военфельдшер склонилась над стариком-мадьяром, раненным во время боя шальной пулей. Проворно и умело она бинтует рану, и два санитара на носилках уносят венгра в советский медсанбат. Вот усач-гвардеец, грудь которого увешана орденами, помогает древней старухе внести в дом тяжелую корзину с вещами. Вот офицер-танкист в шлеме поднял на руки мадьярского малыша, кормит его сахаром и задумчивым грустным взглядом смотрит в довольное личико ребенка — видно вспоминает своего сына. А мать, стоящая рядом, счастливо улыбается и растроганно повторяет слова благодарности:

— Кесенем сейпен! О, кесенем сейпен!

На одной из площадей советский майор вдруг обращается на венгерском языке к женщине, ведущей за руку маленькую девочку. Мадьярка останавливается, удивленная тем, что русский знает ее родной язык. Но офицер объясняет, что он по национальности венгр, и, достав из кармана шоколад, угощает ребенка. Видя это, женщина шутливо говорит:

— Кажется, немцы были правы.

Теперь изумлён майор.

— Что вы хотите этим сказать? — спрашивает он, и лицо его становится строгим. Но тут же, заметив лукавую усмешку женщины, догадывается, что за этими словами кроется какая-то шутка.

Жители возвращаются в дома

— Немцы утверждали, будто русские убивают детей,— объясняет она.— Вы — седьмой советский офицер, дающий моей девочке шоколад. Разве после такого продолжительного голода столько шоколада не опасно для жизни?

Оба они весело смеются, и девочка тоже вторит им.

Потом майор идет дальше, и женщина долго смотрит ему вслед, не зная, что она только что говорила с известным венгерским писателем Бела Иллеш, который, как советский офицер, сегодня вместе с воинами-победителями вошел на центральные улицы Будапешта.

Жизнь в Пеште постепенно восстанавливалась. Но первой заботой всех жителей города была еда. Изголодавшиеся люди прежде всего принимались за поиски пищи.

На большой центральной площади валяются трупы двух артиллерийских лошадей, убитых снарядом час назад. Около туш возятся люди. Пожилой венгр в очках, вырезав ножом большой кусок конины, вытирает окровавленные руки клетчатым платком и улыбается проходящему мимо советскому офицеру.

— Котлет! Котлет! — радостно говорит он.

Офицер отвечает по-немецки. Завязывается разговор. Венгр — профессор будапештского университета. Он с жаром принимается объяснять офицеру порочность политики Хорти.

— Хорти просчитался,—многозначительно говорит профессор.— Он поставил на бешеную лошадь. Как на скачках. Вот теперь мы и едим лошадей.

А в это время на соседней улице в подвалах огромного многоэтажного дома наши солдаты обнаружили богатейшие продовольственные склады, принадлежавшие немецкому военному командованию. Эти подвалы тянутся на сотни метров под землей. Стены, одетые блестящей коркой льда, кажутся мраморными при свете электрических фонарей. Камеры полны освежеванными тушами свиней, коров, баранов. Штабелями наставлены ящики с яйцами, замороженными курами, салом, корзины с яблоками. Рядами стоят пузатые бочки с венгерским пивом. Венгры из соседних домов, которым разрешено выдать кое-что из этих запасов, разводят на улице костры и жарят мясо.

Бои в Буде продолжались. А в Пеште каждый день тысячи жителей выходили на расчистку улиц. Исчезали остатки баррикад, завалов. В окна домов вставляли стекла, закладывали дыры, пробитые в стенах снарядами. Военные машины оживленно сновали по улицам, и на всех перекрестках махали флажками регулировщицы.

На стенах домов появились первые приказы советской комендатуры, листовки Временного Национального Правительства Венгрии. Около них толпой собирались жители, читали вслух, спорили.

На центральных улицах большое внимание будапештцев привлекало объявление, вывешенное советской комендатурой. Сообщалось о том, что в одном из крупнейших залов города русский офицер, подполковник, сделает доклад о жизни в Советском Союзе. В день доклада зал был переполнен доотказа и не смог вместить всех желающих. Жители Будапешта, воочию убедившись, как беспардонно клеветали салашисты и немцы на Советскую Армию, теперь хотели как можно больше узнать о великой стране, которой они были обязаны своим освобождением от фашистов.

Подполковник, с помощью переводчика, подробно рассказал слушателям о достижениях нашей страны, о заводах, построенных советской властью, о колхозах, о могу-

чей армии социалистической державы и о ее целях в войне. А затем из зала на сцену полетели десятки записок и посыпались вопросы с мест. Спрашивали буквально обо всем: требовали рассказать биографию товарища Сталина; интересовались, когда отпустят военнопленных из бывших венгерских частей; хотели знать сколько в Москве театров, какими правами пользуется в СССР женщина; любопытствовали, что такое «Катюша», о которой с великим страхом отзываются немецкие солдаты; и наивно задавали вопрос: «Верно ли, что в колхозах жены общие?».

Времени ответить на все вопросы у подполковника, конечно, нехватило, и он обещал в ближайшие дни сделать еще доклад. А когда он сошел со сцены в зал, его окружила толпа женщин и принялась настойчиво расспрашивать о том, как в Советском Союзе девушки выходят замуж и сколько нужно приданого, чтобы «сделать приличную партию». Подполковник, смеясь, объяснил, что брак в СССР заключается только по любви и о приданом советские люди давно забыли. Изумлению мадьярок не было границ. Эти женщины и девушки, выросшие в условиях капитализма, где деньги и только деньги владеют мыслями и чувствами людей, не могли себе представить, что есть на земле страна, где женщина избавлена от унизительной власти «денежного интереса», калечащего и коверкающего ее жизнь. И, хотя немцы в этот вечер особенно сильно обстреливали район, где происходил доклад, мадьярки не торопились домой, и подполковнику еще добрые полчаса пришлось рассказывать о жизни советских девушек и женщин.

На докладе советского подполковника среди других слушателей присутствовал пожилой артист — тенор одной из будапештских оперных трупп. Он задал вопрос о советском искусстве и с интересом выслушал рассказ офицера о театрах в СССР. Но когда докладчик сказал, что в Советском Союзе почти на каждом заводе, в селе и воинской части работают кружки художественной самодеятельности, артисту это показалось слишком неправдоподобным. Он иронически подмигнул своему соседу и понимающе произнес: «Пропаганда!».

После доклада артист возвращался домой по темным пустынным улицам. Он был голоден, и дома, в промерзшей нетопленной квартире, его ждала голодная семья. Тенор невесело раздумывал о том, что пройдет немало дней, прежде чем в городе начнут работать театры, и он опять сможет

петь, опять получит свой заработок. Чтобы отвлечься от этих печальных мыслей, он стал вспоминать только что прослушанный доклад и еще раз скептически усмехнулся, когда ему пришли на ум слова подполковника о художественной самодеятельности в СССР.

Пронзительный свист летящей мины оборвал эти размышления и заставил артиста юркнуть в ближайший подъезд. Взрыв оглушительно грохнул где-то поблизости, и стекла в парадной двери тоненько зазвенели. Потом еще ближе разорвалась вторая мина... третья...

Тенор присел на ступеньки лестницы, решив немного переждать обстрел. И тут, в наступившей тишине, до его слуха донеслись странно знакомые звуки. Кто-то пел под аккомпанемент рояля старую неаполитанскую песню.

Может быть потому, что он давно не пел сам и давно не слышал пения, может быть потому, что это происходило в притихшем темном городе под грохот взрывов,— звуки рояля и песни показались артисту непривычными и странными. Побуждаемый любопытством, он поднялся по небольшой лестнице и остановился у дверей квартиры. Голос певца теперь доносился яснее. Это был тенор сильный и приятный по тембру, голос, в котором звучало неподдельное чувство, хотя и ощущался недостаток «школы», мастерства. Певец явно не был профессионалом.

Где-то, уже дальше от дома прогремели новые взрывы, и их гулкое эхо заглушило звуки песни. Чтобы лучше слышать, артист нагнулся и прижался ухом к замочной скважине двери.

В то же мгновение дверь распахнулась и на пороге показался... русский солдат. Заметив отпрянувшую в сторону темную фигуру, он крикнул «Стой!» и коротким движением выхватил из кобуры пистолет. Онемевший от ужаса артист, молча поднял руки. Он стоял, дрожа всем телом, не в силах выговорить ни слова. Луч карманного фонарика остановился на его лице.

Русский, не опуская пистолета, что-то крикнул в открытую дверь. На его зов пришел еще солдат, а за ним звонко стуча каблуками, прибежала молоденькая девушка-мадьярка, видимо, одна из хозяек квартиры. Она спросила артиста кто он и что он здесь делает. Певец, к которому уже вернулся дар речи, поспешно объяснил. Девушка перевела ответ по-немецки. Тогда ему позволили опустить руки и пригласили войти.

Солдат провел его в небольшую ярко освещенную комнату, где за столом двое офицеров пили чай. Худощавый маленький капитан выслушал доклад солдата и, обратившись к венгру через ту же переводчицу, попросил показать документ. Впрочем, оказалось, что певец тоже владеет немецким языком, и разговор принял более непринужденный характер.

Паспорт и взволнованный рассказ артиста окончательно убедили русских в том, что задержанный не замышлял ничего дурного. Капитан засмеялся и протянул венгру руку. Заметив, что глаза гостя невольно обращаются к обильно заставленному столу, офицеры вежливо предложили артисту разделить с ними ужин.

— Тем более,— сказал капитан,— что судьба привела вас к людям искусства.

Только тут за столом пораженный венгр узнал, что он попал в дом, где разместился красноармейский клуб, и находится теперь в гостях у начальника этого клуба капитана Васильева — в прошлом актера московской оперетты. Еще больше изумился певец, когда ему рассказали, что все артисты клуба являются не профессионалами, а талантливыми любителями из числа солдат и сержантов. Это была та самая художественная самодеятельность, о которой говорил в своем докладе советский подполковник.

Полчаса спустя венгр, вполне утоливший свой голод, сидел в соседней комнате на диване вместе с капитаном Васильевым и, с удовольствием затягиваясь крепкой московской папиросой, слушал импровизированный концерт.

Перед ним пел ту же неаполитанскую песню молодой тенор — простой солдат Усманов, виртуозно играл на скрипке сержант Основич, лихо отбивал русскую чечотку русокудрый старшина Чураков.

Сердце артиста не выдержало. Он сел за рояль и, аккомпанируя сам себе, запел. И тотчас же радостное удивление отразилось на лицах слушателей. То была известная русская песня о Стеньке Разине, переведенная на венгерский язык и ставшая одной из любимых песен в Венгрии. И, когда в непонятных словах песни послышалось знакомое имя родной реки, прозвучавшее по-чужестранному смягченно «Вольга, Вольга...», песню подхватили дружным хором.

Далеко за полночь в доме звучали русские и венгерские песни, тонко пела скрипка, играл баян. Только около двух

часов ночи, вспомнив, что его ждет семья, венгр, которого все уже звали по имени — Шандор, — заторопился домой. Прощаясь с гостем, капитан Васильев передал ему большой сверток.

— Это для вашей семьи,— сказал офицер.— Ведь мы знаем — сейчас с едой плохо. И вообще приходите к нам в гости.

С тех пор в дивизионном клубе капитана Васильева, которому отвели в городе небольшой театральный зал, стали постоянными гостями крупнейшие артисты, музыканты, певцы венгерской столицы. Нередко после молодого солдата, залихватски отплясывавшего под баян гопака, на маленькой эстраде танцовала балерина будапештской оперы или пел тенор, которого слышали многие столицы мира. Молодежь дружно аплодировала. Здесь, в солдатском клубе, эти будапештские артисты нашли горячих энтузиастов искусства, привыкших по-настоящему ценить дарования. И после таких вечеров Васильев и его товарищи никогда не забывали приготовить для венгерских друзей кое-что из своих продовольственных запасов, стараясь помочь этим людям легче пережить трудное голодное время.

Неподалеку от клуба капитана Васильева на другой центральной улице в районе, который особенно часто обстреливался из Буды немецкой артиллерией, помещалась в подвале большая типография. Тут сразу же после освобождения Пешта обосновалась редакция фронтовой газеты «Суворовский натиск». Отсюда каждое утро в части отправляли машину с кипами свежеотпечатанных газет. Офицеры из редакции ежедневно переезжали в Буду через Дунай за последними известиями с переднего края. В этой же типографии группа венгерских журналистов начала выпускать газету на венгерском языке для населения города.

Жизнь в Пеште входила в обычные рамки, несмотря на обстрел. И только над пустынными дунайскими набережными свистели пули. Через реку шла перестрелка с немцами. На той стороне Дуная, среди громоздившихся по холмам домов и башен Буды, день и ночь, не смолкая, грохотал бой и попрежнему пехотинцы дрались за кварталы и дома.

★

ПАДЕНИЕ БУДЫ

Последним прибежищем окруженной группировки врага оставались центральные кварталы Буды. Еще надеясь на выручку извне, немцы с особенным упорством защищали эту часть города.

Как ни труден был штурм центральных улиц Пешта, но вести бои на правом берегу оказалось во много раз труднее.

Буда прекрасно приспособлена для обороны. Она представляет собой как бы естественную крепость. Узкие, извилистые улицы вьются по склонам холмов. Тут повсюду встречаются то массивная каменная арка высокого виадука, то длинный сумрачный тоннель, то крутая лестница, взбирающаяся по каменистому откосу горы. Почти каждое здание окружено толстой каменной стеной, да и сами дома старинной кладки, которую не возьмет даже крупный снаряд. Здесь множество древних башен и бастионов, по своей прочности не уступающих любому доту. Под защитой их стен можно надежно укрыться от всякого огня.

Буда — беспорядочна и несимметрична. Ее кварталы имеют самую причудливую форму: то круглую, то треугольную, то в виде затейливого многоугольника. Каждый такой квартал занимает обширную площадь. Чтобы взять его, нужно было затратить не меньше усилий, чем на штурм доброго десятка кварталов в Пеште.

Наши пехотинцы уже привыкли к сети подвалов в левобережной части города. Но пештские бункеры не могли итти ни в какое сравнение с подземельями Буды. Невидимый для глаза, на правом берегу в толще каменистых холмов лежал буквально подземный город.

Можно было часами бродить по мрачным лабиринтам старинных подземных ходов с обомшелыми стенами. Можно было спуститься под землю на одном конце города и выйти наружу на противоположной окраине. Подземные коридоры, комнаты и залы тянулись на целые километры. В этих катакомбах размещались немецкие склады и хранилища боеприпасов, оборудованные лифтами и рельсовым транспортом, помещались казармы, бомбоубежища, солдатские столовые, офицерские рестораны и даже публичные дома. В подземельях Буды находились и последние заводы, которыми еще располагали окруженные немцы.

В морозный январский день солдаты гвардейского батальона, очистив от врага большой квартал, обнаружили в склоне горы двустворчатые дюралюминиевые ворота, прочно облицованные сталью.

— Вход в преисподнюю! — шутили гвардейцы, стараясь отворить загадочные двери.

Наконец, это удалось сделать. Створки ворот распахнулись, и перед солдатами открылся тоннель, покато уходящий в глубь горы. Он был так широк, что по нему смело мог проехать тяжелый грузовик.

Оказалось, что хозяином этой «преисподней» являлась немецкая фирма «мессершмитт». Внутри горы раскинулся большой авиационный завод. В несколько подземных этажей располагались цехи с сотнями сложнейших станков, склады с готовыми дюралюминиевыми изделиями, с запасами брусков металла. Здесь была даже проложена электрическая железная дорога узкой колеи. На путях стояли электровозы, и рельсы убегали куда-то вдаль по тоннелю. Уже впоследствии выяснилось, что подземный электрический транспорт связывал этот завод с подсобными предприятиями, которые находились за 2—3 километра отсюда.

Вся огромная разветвленная сеть подземелий Буды придавала боям в правобережном городе особый характер. Грохот взрывов и трескотня перестрелки не смолкали тут день и ночь. Но на улицах, загроможденных искусственными завалами и развалинами домов, часто не видно было ни одиночных пехотинцев, стремительно перебегающих мостовую, ни цепей стрелков, идущих на штурм баррикады. Зато все время что-то глухо гремело и трещало под землей, и порой посреди безлюдной улицы вдруг взлетал вверх фонтан камней, словно в этом месте яростно прорва-

Орудие обстреливает Буду

лись наружу вулканические силы земли. Бой в значительной мере шел внизу, в подземельях.

Катакомбы Буды таили в себе множество неожиданностей. Бывало, в квартале, прочно отвоеванном у врага, уже хозяйничают наши тыловые подразделения, показались на улицах жители, передовая линия гремит где-то вдали. И вдруг на такой тыловой улице появляется неизвестно откуда группа немцев. Опять завязывается бой, и только потом, преследуя по пятам остатки разгромленного вражеского отряда, наши солдаты обнаруживают еще один хитро скрытый подземный ход, ведущий в расположение немцев.

Но случалось и наоборот. Советские пехотинцы, исследуя подземные лабиринты Буды, иногда обнаруживали ходы, не известные врагу. Пробравшись в тыл к немцам, несколько штурмовых групп устраивали там такой переполох, что растерявшийся противник в панике оставлял целые кварталы.

В большинстве же случаев сочетание этих подземелий с сильными наземными укреплениями давало возможность противнику организовать исключительно прочные узлы обороны. Борьба за такие узлы нередко длилась по нескольку суток и требовала необыкновенного упорства от солдат и высокого искусства от командиров.

Пробиваясь к королевскому дворцу, наши гвардейцы вышли в район венского шоссе, важной магистральной дороги, подступы к которой немцы усиленно защищали. Чтобы оседлать шоссе, гвардейцам предстояло овладеть целой системой укрепленных пунктов врага.

Центральным опорным пунктом в этой оборонительной системе являлся старинный замок на вершине холма, откуда просматривались десятки кварталов Буды. Рядом с холмом, у его подножья, с юга возвышались три шестиэтажных дома, превращенных немцами в крепости. По другую сторону шоссе раскинулись три городских квартала, насыщенных всеми видами инженерных укреплений. Все это было связано между собой подземными ходами, а от замка длинный тоннель вел прямо к королевскому дворцу.

Овладеть всеми этими укреплениями немцев можно было только в результате упорной и хитрой борьбы. Разведка установила, что замок, дома и кварталы защищают крупные неприятельские гарнизоны. Наблюдатели зарегистрировали у противника в районе замка 43 ручных и 13 станковых пулеметов. Вдобавок враг имел тут до 12 танков,

самоходных установок и бронетранспортеров. Все подходы к опорным пунктам были прикрыты баррикадами и минными полями, а к каждой двери дома привязаны мины. Многослойный перекрестный огонь позволял врагу контролировать каждый метр земли на подступах к укреплениям.

Сначала гвардейцы попытались овладеть самим замком. С улицы Фельд, по его внешней стене, ударили прямой наводкой тяжелые орудия. Осколки камня брызгали далеко в стороны, и следы от разрывов, словно оспенные рытвины, покрыли стену. Но прежде чем удалось пробить ее, пришлось истратить не один десяток снарядов. А когда стена была проломана, за ней оказалась вторая, еще более массивная. Артиллерия прекратила обстрел, и было решено пустить в ход взрывчатку.

Ночью к замку подобрались группы саперов. Под стены заложили 800 килограммов тола. Взрыв огромной силы зашатал холм. Но замок устоял. Даже тол не сумел одолеть этой громады, будто высеченной из цельного камня.

На следующую ночь был испробован новый прием. Вверх по склонам холма поползли солдаты капитана Коротича. С нескольких сторон через стены полетели бутылки с горючей смесью. Далеко освещая окрестность, над замком заполыхал огонь.

Казалось, теперь уж немцы вынуждены будут уйти. Но враг упорствовал. Гарнизон замка, спасаясь от огня, спустился в подземный ход, а когда пожар затих, немцы снова вернулись в обгоревшее здание. Замок продолжал держаться. Смелая попытка взять эту крепость штурмом в лоб тоже не привела к успеху.

Оставался обходный маневр. И командиры подразделений, атакующих замок, принялись проводить в жизнь тщательно разработанный план.

Штурмовые группы гвардии капитана Рыбака двинулись на юго-восток и после ожесточенной борьбы заняли на этом направлении несколько городских кварталов. Тем самым они вышли в тыл укрепленного района немцев.

На улице Селе гвардейцы резко повернули на запад и стали пробиваться к шоссе. Шаг за шагом они приближались к трем укрепленным кварталам, расположенным в районе замка. Когда показались дома первого из этих кварталов, прикрывающего левый фланг противника, в атаку бросилось свежее подразделение гвардии капитана Кучеренко. Развивая успех гвардейцев Рыбака, подразделение

Кучеренко к концу дня выполнило свою задачу. Первый квартал был взят.

На другой день штурмовые группы Рыбака и Кучеренко совместно двинулись на штурм. Они одолевали врага врукопашную, подбирались к домам под прикрытием дымовой завесы, действовали взрывчаткой и к вечеру очистили от немцев два других квартала, выйдя к самому шоссе. Теперь можно было атаковать шестиэтажные дома и замок с тыла.

В сумерки бойцы Кучеренко и Колодезного броском пересекли шоссе и, поддержанные сильным огнем артиллерии, заняли крайний шестиэтажный дом, отрезав пути отхода на юг гарнизонам двух других зданий. Немцам грозило окружение, и эта угроза сломила их упорство. Гарнизоны домов поспешили воспользоваться единственной дорогой, ведшей наверх к замку. На плечах у бегущего врага гвардейцы ворвались в замок. Тогда гитлеровцы, бросая оружие, отступили через подземный ход к королевскому дворцу. Опорный пункт пал.

С таким же ожесточением шли бои почти в каждом квартале Буды на улицах, в подземельях и в домах. Нередко борьба внутри здания затягивалась на долгие часы. Иногда штурмовые группы, заняв один из этажей большого дома, теснили врага одновременно и вверх и вниз. Получался, как говорили наши солдаты, «пирог», когда советские пехотинцы занимали средний этаж, а внизу и наверху еще были немцы.

Даже будучи загнан в подвал или притиснут к крыше, враг не сдавался. В темноте подвалов, забаррикадированных противником, шел гранатный бой. Дрались врукопашную на крышах, пока последние вражеские автоматчики не слетали вниз на мостовую. Иной раз, видя, что наши солдаты начинают одолевать, немцы открывали беглый артиллерийский огонь по дому, где еще продолжался бой. Так было почти разрушено здание, где сражались бойцы старшего лейтенанта Чаленко. Снаряды немцев превратили в развалины два нижних этажа. Но на третьем этаже в полуразрушенной комнате, повисшей на сводах, остались четверо советских пехотинцев: командир взвода автоматчиков Коваленко, сержант Шавин и рядовые Харазия и Лукашин.

Немецкая артиллерия разрушила лестницу, но по стене не трудно было бы спуститься вниз. Однако оставлять захваченную комнату пехотинцы не хотели. Шесть часов они

Противотанковые надолбы на набережной

дрались, стреляя по врагам сквозь потолок и перебрасывая через стену гранаты. Когда комната, в которой находились наши воины, загорелась, они атаковали врагов и пробились сначала в соседнее помещение, а потом наружу. В доме остался только рядовой Харазия и один из раненых солдат. До вечера Харазия отстреливался. Потом у него кончились патроны. Тогда он привязал к себе раненого товарища, и они вместе скатились по камням вниз к своим.

Холмистый рельеф Буды, ее подземелья, огромные пустынные дома, хаотические развалины зданий — все это создавало превосходные условия для действий не только мелких штурмовых групп, но и одиночных солдат. Эти удобства не замедлили использовать наши снайперы. Выбрав какой-нибудь высокий дом на вершине холма, «охотник» ночью пробирался туда и устраивался на чердаке или в одном из окон верхнего этажа.

Рассвет открывал перед ним широкую панораму улиц соседних кварталов, занятых немцами. Целый район оказывался в поле зрения снайпера, и прежде чем врагам удавалось обнаружить его позицию, он успевал значительно увеличить свой счет.

Так почти каждый день увеличивал свой счет мести снайпер-коммунист Афонин. Однажды рано утром он, заняв позицию на чердаке четырехэтажного дома близ переднего края, высмотрел на соседней улице немецкого офицера. Гитлеровец прокрался вдоль стены дома, а затем, трусливо озираясь, побежал через улицу. Тщательно прицелившись, Афонин прострелил офицеру ногу. Немец упал как раз по середине мостовой.

Снайпер нарочно постарался не убивать гитлеровца первой пулей. Расчет его оправдался. На помощь раненому офицеру из подвала соседнего дома поспешил солдат. Едва он выбежал на мостовую, как меткий выстрел Афонина уложил его наповал. Тогда офицер попытался отползти сам, но советский снайпер всадил в него еще пулю. Немец остался на месте, испуская громкие стенания. Через несколько минут на улице появился второй солдат. Афонин убил и его, а затем, прикончив выстрелом офицера, сменил свою позицию. В этот день он убил еще двух автоматчиков врага.

Ежедневно выходил на «охоту» в Буде сталинградец гвардии сержант Мартынов. Два дня Мартынову пришлось выслеживать в одном из районов города вражеского снайпера. Немец попался хитрый и опытный. Он, в свою очередь, всячески старался поймать на мушку Мартынова. Но гвардеец был осторожен. Дважды он заставлял немца менять позицию и несколько раз сам переходил с места на место. Только к вечеру второго дня едва заметное движение мебели в окне соседнего дома выдало Мартынову его противника. Немец, медленно, буквально по миллиметру, подвигал к окну большой комод, чтобы стрелять из-за этого прикрытия. Мартынов следил, не отрывая глаз, стараясь по движению комода точно определить положение немца. Он дал подряд три выстрела, и глухой стон донесся из окна. Расчет советского снайпера был точным.

В этот же день на улице Ратх-Дьердь рядовой пехотинец Филатов готовился к «охоте» другого рода. Цель Филатова была более значительной — немецкий танк. Каждую ночь этот танк из глубины кварталов, занятых немцами, выходил на перекресток улиц Кьероньми и Ратх-Дьердь. Сделав с десяток выстрелов из пушки по нашим боевым порядкам, танк тотчас же уходил, а через 2—3 часа появлялся вновь. Так продолжалось несколько ночей, и Филатов решил подстеречь ночного разбойника.

Под нараставшими ударами советских войск силы врага окончательно иссякли. К тому же у немцев кончались боеприпасы и горючее. Пушки одна за другой умолкали, либо пораженные советской артиллерией, либо из-за отсутствия снарядов. Вышло все продовольствие. Зачерствелую буханку хлеба приходилось делить на 16 солдат. Дневной рацион составлял 50 граммов хлеба. Солдаты были изнурены и морально подавлены. В темных, сырых подземельях Буды лежали вповалку тысячи раненых. Трупы умерших не хоронили. Ежедневно десятки солдат умирали от истощения. Надеяться уже было не на что.

Наше командование учитывало, что доведенные до отчаяния немцы способны пуститься на любую авантюру. Войска, расположенные в окрестностях Будапешта, были заранее приведены в боевую готовность. На улицах Буды саперы возводили дополнительные баррикады. Огневые средства распределялись на большую глубину обороны.

Все эти меры предосторожности оказались нелишними. Узнав о прорыве последней укрепленной линии и об окружении горы Геллерта, Пфеффер-Вильденбрух решил играть «ва-банк». Войскам в «котле» приказано было готовиться к прорыву.

Чтобы поднять дух солдат, им сообщили, что фронт находится всего в 20 километрах северо-западнее Будапешта. Каждый из немцев, кто только способен был двигаться, получил карабин или автомат, гранаты и по 60 патронов. Раненых оставляли на произвол судьбы.

В сумерки 11 февраля окруженные начали приводить в негодность пушки и автомашины. Все это делалось в тишине. Чтобы не привлечь внимания советских войск, подрывать технику было запрещено.

В эти последние часы сотни немецких солдат пытались дезертировать. Они сознавали, что попытка прорыва ни к чему не приведет. Солдаты не хотели выходить из убежищ, старались спрятаться в домах и подвалах, чтобы при первой возможности сдаться в плен. Офицеры выгоняли их на улицу, угрожая оружием. Многие дезертиры были тут же расстреляны.

К 8 часам вечера все немецкие отряды собрались на темной площади Мариенплац. Офицеры отдавали последние приказания. Солдатам объявили: «Кто отстанет, пусть примыкает к другому отряду. В крайнем случае — пусть каждый спасается, как может».

В 9 часов 30 минут колонны немцев в глубокой тишине двинулись по улицам, ведущим на северо-запад и на север.

Выдалась темная сырая ночь. Шел частый снег, и снежинки, едва коснувшись земли, таяли. Было тихо, стрельба почти прекратилась. Но на баррикадах наблюдатели не смыкали глаз. В войсках уже знали — немцы что-то готовят.

И как только на улицах показались первые цепи врагов, по ним в упор ударили пушки и минометы. Снаряды и мины падали в самую гущу этой людской массы, пулеметы секли шеренгу за шеренгой, а сзади по трупам шли, воя и стреляя, все новые и новые толпы немцев.

Баррикады, которые защищал батальон гвардии капитана Григорьева, выдержали натиск сотен врагов. Двадцать немцев сразу же уложил своими очередями пулеметчик Носатый. Пушка гвардейца Моисеенко била прямой наводкой по наседающим гитлеровцам, и больше полусотни трупов было найдено утром около позиций артиллеристов.

Но все же некоторым немцам удавалось добежать до баррикады. Тогда в ход шли штыки, ножи. Только четверо солдат во главе с рядовым Занудиным в эту ночь уничтожили в рукопашном бою 37 врагов. Батальон Григорьева сумел отбить все атаки.

Еще труднее пришлось соседнему батальону гвардии капитана Кучеренко. Сюда был направлен удар отборных эсэсовских отрядов.

Гвардии сержант Козин, дежуривший на баррикаде, первый заметил что-то неладное. Вглядываясь сквозь завесу падающего снега в темноту улицы, он вдруг удивленно протер глаза. Гвардейцу показалось, что впереди... зашевелилась мостовая.

Уже в следующую секунду он понял в чем дело, и длинная очередь его автомата оповестила товарищей об опасности. Прижимаясь к мостовой, на баррикаду ползли, как странные большие насекомые, десятки, сотни немцев.

Видя, что они обнаружены, гитлеровцы открыли огонь и поднялись в рост. Баррикада опоясалась огненными вспышками. Козин выпустил весь диск в бежавшую на него толпу. Застрочил пулемет Алексея Опарина. Пушка гвардии старшины Сартакова часто захлопала. Стрелки схватились за гранаты. А из темной глубины улицы с глухим ревом катилась на баррикаду лавина за лавиной.

Натиск немцев отбивали несколько часов и огнем, и

ставлять в венгерскую столицу хлеб и продовольствие. Угроза голода была ликвидирована.

Советские военные шоферы везли Будапешту продукты. А в это время советские саперы разминировали улицы и дома и строили первый мост через Дунай. Еще дымились развалины Буды, и на серой холодной реке, словно скалы, поднявшиеся со дна, торчали обезображенные взрывами устои мостов. Широкая лента Дуная, будто стеной, разъединила между собой обе половины города.

Саперы спустились в ледяную дунайскую воду. Они работали как всегда героически, самоотверженно, строя на этот раз переправу не для своей пехоты, не для краснозвездных танков, а для гражданского населения венгерской столицы. Уже вскоре прочный широкий мост связал берега реки, и народ потоками хлынул по нему.

Будапешт ожил. А советские воины, освободившие его, уже вели новые бои далеко от города, продолжая громить и преследовать врага.

С падением Будапешта для Советской Армии открылась прямая дорога в Австрию и к ее главному городу Вене. Австрийская промышленность, имевшая важное значение для немецкой военной машины, теперь находилась под непосредственной угрозой. Обнажались южные подступы к Германии.

Наступал конец гитлеровской Германии. Советская Армия уже вела победоносные бои на немецкой земле, неудержимо пробиваясь к Берлину. Благодаря этому было сорвано большое зимнее наступление, которое гитлеровцы предприняли на Западе против англо-американских войск. Немецкое командование, стараясь любой ценой остановить продвижение наших частей, лихорадочно перебрасывало десятки дивизий на Восток и оголяло свой западный фронт. Это помогло англо-американским войскам развить наступление. Они переправились через Рейн и, не встречая серьезного сопротивления, двигались к Эльбе. Но несмотря на все это, именно здесь, на подступах к Будапешту, Гитлер развернул свое самое последнее наступление.

В марте 1945 года его отборные танковые дивизии, поддержанные пехотой и кавалерией, ринулись на войска маршала Толбухина в районе озера Балатон. Германское командование надеялось сбросить советские части в Дунай, а потом, развивая успех, снова овладеть столицей Венгрии.

Однако эта операция, как и оба предыдущих наступле-

ния, потерпела крах. Танковый кулак разбился о стойкость советских воинов. Оставив на балатонских равнинах сотни сгоревших, изуродованных танков и тысячи трупов, гитлеровцы вынуждены были отказаться от попытки взять реванш в Венгрии. Затем последовало наступление Советской Армии. 4 апреля вся венгерская территория была освобождена от фашистских захватчиков. Девять дней спустя пала столица Австрии Вена.

Таковы были результаты долгой и кровопролитной борьбы за Будапешт. Эта борьба окончательно похоронила все надежды гитлеровской клики хотя бы на частичный успех в боях против нашей армии. На холмах Буды, на полях под Балатоном перед глазами немецких войск встал страшный призрак близкого разгрома Германии. Дымом Будапешта пахнуло в обреченном Берлине.

Большое значение будапештской битвы было отмечено Советским Правительством. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1945 года утверждено Положение о медалях «За взятие Будапешта», «За взятие Кенигсберга», «За взятие Вены» и «За взятие Берлина», которыми награждались военнослужащие — непосредственные участники героического штурма, а также организаторы и руководители боевых операций по взятию этих городов. Бронзовая медаль «За взятие Будапешта» на оранжевой ленте с голубой полосой украсила грудь тысяч героев-воинов.

Битва за Будапешт сыграла великую историческую роль в судьбах венгерского народа. Жестокой борьбой, кровью и жизнями советских воинов, павших в боях на улицах Будапешта, впервые было завоевано для трудящихся Венгрии право на новую свободную жизнь. И народ демократической венгерской республики свято хранит в своей памяти этот освободительный подвиг Советской Армии.

Венгрия была спасена не только от немецко-фашистского ига. Капиталистическую кабалу, полуколониальное бесправие готовили ей англо-американские империалисты. Но венгерский народ был избавлен от этой участи могучими Вооруженными Силами советского социалистического государства.

Крепкая нерушимая дружба навсегда связала трудящихся Венгрии с великим Советским Союзом. Опираясь на эту дружбу, венгерский народ уверенно пошел по новой светлой дороге, выводящей на путь к социализму.

* * *

Прошли годы. Много воды утекло с тех пор, как отгремело грозное сражение на берегах Дуная. С каждым днем крепнет, восстанавливает свои силы, развивается новое свободное народно-демократическое венгерское государство.

Осыпались, заросли травой окопы, траншеи и опаленные огнем воронки на полях, где ходит за плугом по своей собственной земле освобожденный венгерский крестьянин. Постепенно исчезают следы разрушений с улиц Будапешта. Шумят заводы возрожденного Чепеля, на пештских проспектах кипит жизнь. Уже выгнулись над Дунаем новые красавцы-мосты, построенные венгерским коммунистом Эрна Гере, и в центре и на окраинах один за другим встают из развалин дома́. Уходят в далекое прошлое тяжкие годы войны.

Но память о великой битве живет и на равнинах Венгрии, и на необъятных просторах Советского Союза. Не раз донбасский шахтер или сибиряк-колхозник, ферганский хлопковод или нефтяник из Баку, достав из глубины сундука бережно хранимую медаль на оранжево-голубой ленте, вспомнит о далеком городе на Дунае

Смотрит он на эту медаль и снова видятся ему баррикады на улицах Пешта, пушки на дунайской набережной, жестокие схватки в развалинах Буды. Снова проходят перед ним картины минувших боев, лица товарищей-солдат, любимых командиров. И невольная грусть затуманивает глаза ветерана великой войны при мысли о старых друзьях, сложивших свои головы там, на камнях венгерской столицы.

С почтением смотрит на эту медаль молодежь, ибо большая боевая слава заключена в словах, выбитых на лицевой стороне маленького бронзового диска:

«За взятие Будапешта».

Эти слова говорят о том, что человек честно и славно выполнил свой священный долг перед Советской Родиной, о том, что он был храбрым и умелым воином, о том, что его мужество и его преданность народу и делу партии Ленина — Сталина испытаны в огне одного из самых жарких сражений Великой Отечественной войны — в битве за Будапешт.

★

СОДЕРЖАНИЕ

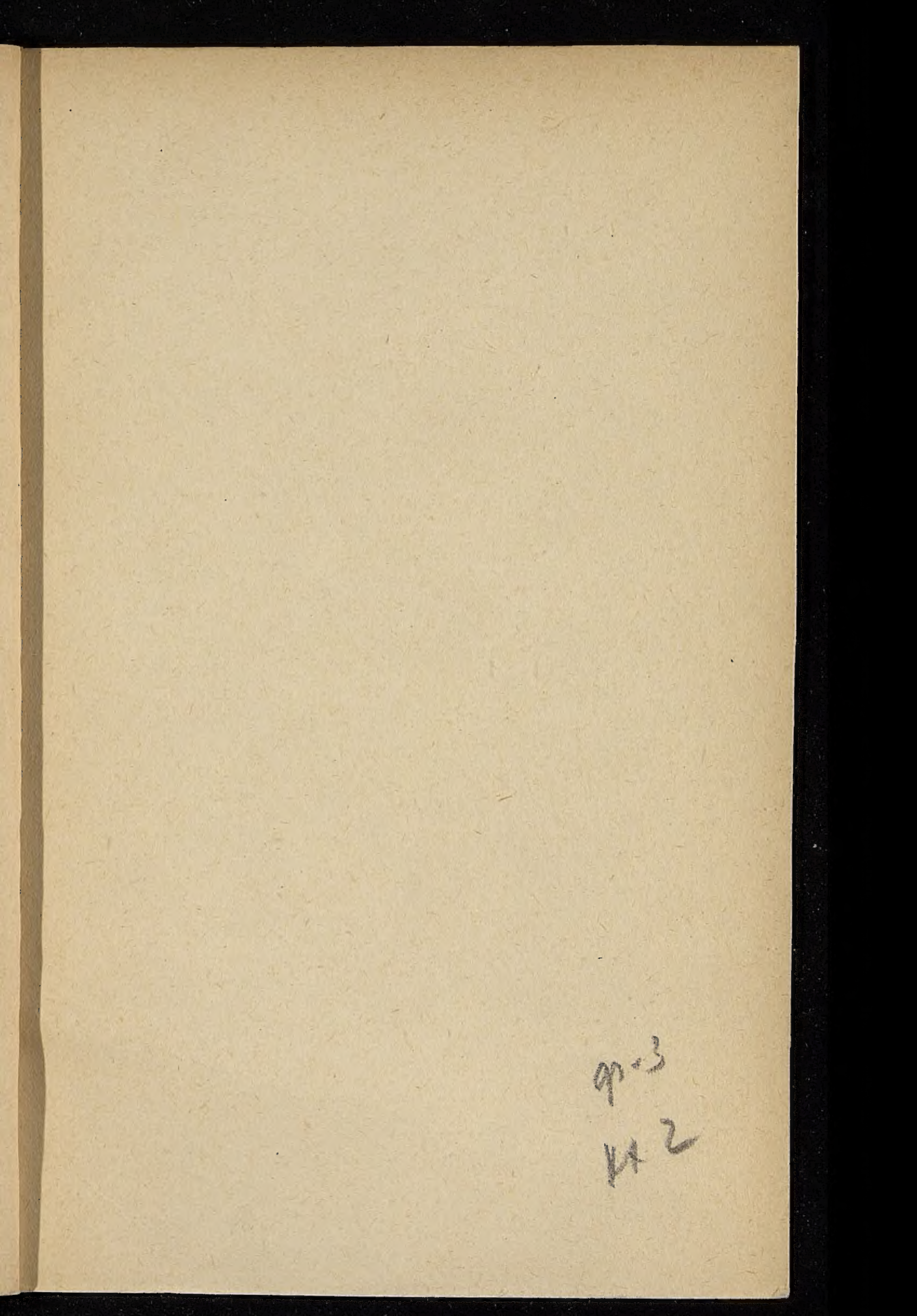

Рисунки в тексте художника *Соколова Н. Я.*

Редактор капитан 3 ранга *Шаталов А. П.*
Технический редактор *Калачев С. Г.*
Корректор *В. И. Погудина*

Г 13248. Подписано к печати 7.4.49. Объем 10 печ. л. 2 вкл. 3/4 п. л.
8,3 уч.-изд. л. В 1 печ. л. 36 000 тип. зн. Цена 4 р. 50 к.

Отпечатано с матриц в тип. 01

Цена 4 р. 50 к.

